This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

27232.36

Harvard College
Library

FROM THE FUND OF

HARRIET J. G. DENNY

OF BOSTON

Digitized by Google

О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

РУССКИХЪ.

Н. Ф. Сумцова.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія И. В. Попова, Рыбная ул. д. Попова № 28
1881.

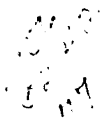
Digitized by Google

27232.36

MAR 3 1884

Denny fund.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY



Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 1

Научное значеніе свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ. Обиліе матеріаловъ. Положеніе свадебныхъ обрядовъ въ кругу другихъ народныхъ обрядовъ. Изученіе славянскихъ свадебъ въ связи съ свадьбами древнихъ и новыхъ индо-европейскихъ народовъ. Недостатки описаній свадебъ. Воззрѣнія ученыхъ на свадебные обряды. Раздѣленіе свадебныхъ обрядовъ на отдѣлы. Главная цѣль настоящаго труда.

Пѣсни и обряды, относящіеся къ умыканію невѣсты . 5

Умыканіе на Руси въ старину и теперь. Отмица у Сербовъ. Свидѣтельства болгарскихъ, сербскихъ, польскихъ и русскихъ пѣсенъ о похищеніи невѣсты. Появленіе сватовъ въ видѣ странниковъ. Ночное сватовство. Разсказы о князѣ и куницѣ. Баррикады передъ домомъ невѣсты. Выстрѣлы. Знамя. Многочисленность поѣзжанъ. Джигитовка. Запираніе воротъ въ домѣ невѣсты. Высылка копья. Борьба передъ воротами. Пуганіе лошади жениха. Скрываніе невѣсты. Просьба родныхъ невѣсты о пощадѣ. Высылка жениху подарковъ. Сидѣніе въ избѣ въ шапкахъ. Вооруженіе брата невѣсты саблей, а женихова дружка плетью. Враждебныя отношенія между гостями жениха и невѣсты. Вечернее отправленіе молодой въ домъ новобрачнаго. Перенесеніе молодой черезъ порогъ. Сниманіе покрывала кнутовищемъ и освѣщеніе молодой. Притворное бѣгство молодой и рваніе ея косы. Вооруженное обереганіе молодыхъ въ первую брачную ночь.

Пѣсни и обряды, относящіеся къ куплѣ невѣсты . 22

Продажа невѣсты прежде и теперь. Историческія свидѣтельства о продажѣ невѣсты. Купля невѣсты по народнымъ пѣснямъ. Участіе всего рода и ближайшихъ родителей дѣвушки въ продажѣ послѣдней. Обычай деверства. Старосты. Пропой невѣсты. Продажа косы. Выкупъ сундука. Рукобитье. Подмѣнъ невѣсты. Соединеніе рукъ молодыхъ. Обряды, выражающіе подчиненность жены мужу. Ударъ плеткой. Заплетеніе косы. Разуваніе. Молодая цѣлуетъ у

Digitized by Google

молодаго ноги. Слѣды умыканія и купли невѣсты въ содержаніи и напѣвѣ пѣсенъ.

Пѣсни и обряды, свидѣтельствующіе о договорномъ бракѣ. 32

Договоръ родителей брачущихся и договоръ самихъ брачущихся. Распространеніе договорнаго брака въ Россіи и земляхъ славянскихъ. Обрядовое закрѣпленіе договорнаго брака: на невѣсту надѣваютъ шапку молодаго; родня жениха прислуживаетъ роднѣ невѣсты; новобрачный передаетъ ключи молодой. Отраженіе договорнаго брака въ поэзіи. Свидѣтельство Нестора о бракосочетаніи древнихъ Русскихъ.

Небесные браки 35

Супружество небесныхъ силъ и явленій. Небо и земля. Солнце и земля. Мѣсяцъ и солнце. Солнце и заря. Мѣсяцъ и звѣзда. Утренняя звѣзда и заря. Громовникъ и облачная дѣва. Господствовавшія въ древнемъ славянствѣ воззрѣнія на небесные браки.

Участіе небесныхъ свѣтилъ въ устроеніи человѣческихъ браковъ 58

Гостеваніе боговъ. Солнце—возлюбленный дѣвушки. Небесныя свѣтила участвуютъ въ выдачѣ замужъ дѣвушки. Участіе въ устроеніи брака Богоматери и святыхъ. Обычай переряживаться.

Время совершенія свадьбы 61

Свадьба, какъ часть языческаго праздника. Опредѣленное время въ году для бракосочетанія. Февраль, какъ свадебный мѣсяцъ. Значеніе мая въ отношеніи бракосочетаній. Іюнь и Іюль. Осенніе браки. Дни счастливые и несчастные. Солнечные дни, какъ благопріятные для бракосочетанія. Значеніе лунныхъ фазъ въ выборѣ времени для свадьбы. Свадебные дни недѣли.

Черты небеснаго брака въ бракѣ человѣческомъ . . 69

Свѣтоносное и громоносное свойства молодыхъ. Расположеніе къ красному цвѣту. Благотворное вліяніе молодыхъ на растительность. Вліяніе новобрачной на размноженіе скота. Цѣломудріе невѣсты, какъ условіе полной свадьбы. Исключительное уваженіе къ невѣстѣ. Воздержаніе молодыхъ отъ пищи. Богатое одѣяніе молодыхъ и поѣзжанъ въ пѣсняхъ. Цѣлебное значеніе брачной одежды.

Digitized by Google

III.

Свадебные символы солнца, грома и дождя . . . 77

Кольцо. Яблоко. Вѣнокъ. Употребленіе вѣнка въ древности. Свиваніе вѣнковъ у Славянъ въ годовые праздники и на свадьбахъ. Принадлежность вѣнка всѣмъ славянскимъ свадьбамъ, не исключая великорусской. Значеніе вѣнка, какъ символа дѣвства и символа замужества. Происхожденіе вѣнка по свадебнымъ пѣснямъ. Древнѣйшее значеніе свадебнаго вѣнка. Вѣнокъ знаетъ будущее. Поклоненіе вѣнку. Свѣча. Сожиганіе костровъ. Стрѣла. Пробираніе волосъ невѣсты стрѣлой. Вскрытіе посредствомъ стрѣлы. Иголка. Плеть. Палка. Колокольчикъ. Окропленіе молодыхъ водой. Осыпаніе хмѣлемъ или хлѣбными зернами. Намазываніе головъ масломъ.

Обрядовое употребленіе воды 100

Купанье молодыхъ. Принесеніе водянымъ источникамъ дара. Баня, какъ необходимая принадлежность великорусской свадьбы. Связь свадебнаго употребленія воды съ обрядовымъ ея употребленіемъ въ большіе годовые праздники. Основное значеніе купанія молодой. Совершеніе бракосочетаній вблизи рѣкъ.

О свадебныхъ жертвоприношеніяхъ 105

Происхожденіе жертвоприношеній и молитвы. Значеніе свадебныхъ жертвоприношеній. Ихъ распространеніе у народовъ индо-европейскаго племени. Жертвоприношеніе быка. Значеніе обрядоваго употребленія ярма. Жертвоприношеніе барана или овцы. Овчарникъ. Бараній мѣхъ. Жертвоприношеніе козла, свиньи, пѣтуха или курицы. Жертвоприношеніе яичницы, творога и каши. Жертвоприношеніе хлѣба. Названія «коровай» и «куличъ». Обрядовое употребленіе хлѣба при различныхъ событіяхъ жизни общественной и семейной и въ большіе годовые праздники. Значеніе обрядоваго употребленія хлѣба. Обрядовое употребленіе хлѣба на великорусской свадьбѣ. Названія свадебнаго хлѣба. Число короваевъ. Способъ, время и мѣсто приготовленія. Обрядовое употребленіе хлѣба во время сговора, приглашенія гостей на свадьбу, дѣвичника, благословенія молодыхъ, вѣнчанія, отправленія новобрачной въ домъ мужа, ея прибытія въ новое жилище, при отправленіи приданаго и стланіи постели молодымъ и послѣ свадьбы. Запрещеніе невѣстѣ печь коровай. Свадебный хлѣбъ, какъ символъ мѣсяца и солнца.

Digitized by Google

Свадебный хлѣбъ, какъ символъ жениха и невѣсты. Свадебный хлѣбъ, какъ знаменіе осѣдлой и благополучной домашней жизни. Гумно. Снопы. Квашня. Вико. Лопата. Сито.

Обрядовое употребленіе на свадьбахъ соли . . . 147

Соль на свадьбахъ и при рожденіи младенца. Значеніе обрядоваго употребленія соли, какъ предмета жертвоприношенія, предохранительнаго средства отъ чародѣйства и символа семейнаго благополучія.

Жертвенныя возліянія 148

Возліянія у индо-европейскихъ народовъ. Молоко. Медъ. Пиво. Боги, которымъ дѣлались возліянія. Обыкновеніе плескать виномъ вверхъ.

Посвященіе волосъ 151

Отрѣзываніе головныхъ волосъ жениха и невѣсты. Подрѣзываніе. Поджиганіе. Боги, которымъ посвящали волосы. Сближеніе дѣвичьихъ волосъ съ солнечными лучами. Обыкновеніе садить невѣсту на посадъ.

Обрядовое покрываніе головы невѣсты 157

Народы, у которыхъ покрываютъ голову невѣсты. Время покровенія головы невѣсты въ Россіи. Роковое значеніе покрывала. Закрываніе лица. Обыкновеніе держать во время вѣнчанія надъ молодыми полотно. Значеніе обрядоваго покрыванія головы невѣсты.

Музыка и танцы 161

Музыка и танцы, какъ необходимая принадлежность славянскихъ свадебъ. Древнеславянская религіозная свадебная пляска. Круговращательное движеніе танцующихъ. Ихъ увлеченіе. Число три въ свадебномъ ритуалѣ. Скоморохи.

Молитва 167

Пѣніе молитвъ. Лица, исполнявшіе свадебныя молитвы. Заговоры. Обрядовая обстановка, вызванная древней языческой молитвой.

Религіозныя и бытовыя пѣсни 170

Отличіе религіозныхъ пѣсенъ отъ молитвъ. Пѣсни объ Иванѣ (=Акаѣ) и Татьянѣ (=Авдотьѣ Ивановнѣ). Пѣсни объ оленѣ, соколѣ, павѣ и щукѣ. Пѣсня о невѣстѣ сиротѣ.

Вильцы 176

Digitized by Google

V.

Приготовленіе вильца. Вильце великорусской свадьбы. Родственники вильца. Значеніе вильца. Чудесное дерево колядокъ.

Значеніе растительнаго царства въ свадебныхъ обрядахъ. 179

Одухотвореніе дерева и лѣса. Вѣнчаніе вокругъ дуба или ели. Сосна. Калина. Орѣховое дерево. Яблоня. Яворъ. Рябина. Береза. Осина. Ленъ. Барвинокъ. Розмаринъ. Чеснокъ. Тыква.

Обрядовое употребленіе сѣна и соломы . . . 185

Современное и древнее значеніе обрядоваго употребленія соломы и сѣна

Домъ и его части въ свадебныхъ обрядахъ . . . 186

Передній уголъ. Печь. Принесеніе дровъ въ избу по отъѣздѣ молодой въ домъ новобрачнаго. Религіозное и юридическое значенія печки. Поклоненіе и жертвоприношеніе печкѣ. Сажа. Кочерга. Сковорода. Стѣна и матица. Порогъ.

Обрядовое употребленіе на свадьбахъ стола. . . 193

Обхожденіе вокругъ и цѣлованіе стола. Столъ, какъ жертвенникъ и символъ небеснаго пространства. Танецъ на столѣ.

Обрядовое употребленіе вѣника 194

Обрядовое употребленіе сора 195

Обыкновеніе ставить невѣсту на кучу сора. Соръ, какъ символъ земли и ссоры. Вметаніе сора въ избу.

Одежда молодыхъ. . . . , . , , 196

Сорочка. Сѣтка. Поясъ. Разныя значенія обрядоваго употребленія пояса. Платокъ и полотенце.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Мальчикъ 201

Обязательное молчаніе молодой . . , . 203

Разбиваніе посуды 204

Жертвоприношеніе 204

Названіе жениха княземъ, а невѣсты княгиней . . 205

Нѣкоторыя свадебныя повѣрья и примѣты. . . 205

Списокъ замѣченныхъ опечатокъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Давно уже, съ тридцатыхъ годовъ, со времени ученой дѣятельности И. М. Снегирева признано важное научное значеніе свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ. Археологи, этнографы, историки быта и историки литературы, изслѣдователи народной музыки и народныхъ юридическихъ воззрѣній находятъ въ нихъ богатый матеріалъ для опредѣленія той или другой стороны древней или современной народной жизни, преимущественно древней.

Въ различныхъ сочиненіяхъ по исторіи семейныхъ отношеній русскаго народа, по исторіи русской словесности и славянской миѳологіи встрѣчаются замѣчанія объ отдѣльныхъ славянскихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ; нѣтъ, однако, изслѣдованія, въ которомъ русская свадьба была бы разсмотрѣна въ подробностяхъ и было бы указано внутреннее единство ея составныхъ частей. Отсутствіе научныхъ работъ о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ объясняется подавляющимъ обиліемъ тѣхъ и другихъ и ихъ крайнимъ разнообразіемъ. Свѣдѣнія о свадебномъ ритуалѣ разбросаны въ многочисленныхъ сборникахъ народнаго поэтическаго творчества, въ этнографическихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, въ старинныхъ и новыхъ путешествіяхъ, дневникахъ и духовныхъ поученіяхъ. Рука изслѣдователя народнаго обрядоваго дѣйствія и поэтическаго творчества никогда не записила на бумагу свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ извѣстной мѣстности во всей ихъ полнотѣ и разнообразіи. Въ Олонец. г. свадебные припѣвы импровизируются на случай; потому почти во всякой волости особые припѣвы (1). Въ Яросл. г. деревня въ двухъ верстахъ отъ другой играетъ свадьбу иначе, нежели ея сосѣдка. (2) Не смотря на обиліе свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, ими нельзя ограничиться при опредѣленіи ос-

1) Биржев. Вѣдом. 1872. № 292.
2) Москвитян. 1842. IV. 444.

Digitized by Google

новнаго свойства и значенія той или другой стороны свадебнаго ритуала. Заключеніе въ кругъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ грозитъ привести къ ложнымъ и одностороннимъ окончательнымъ выводамъ. Для яснаго уразумѣнія свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ необходимо многіе изъ нихъ сблизить съ сохранившимися доселѣ въ обрывкахъ и обломкахъ вѣрованіями до исторической эпохи, съ различными остатками старины, въ особенности съ пѣснями и обрядами, соблюдаемыми въ главнѣйшіе годовые народные праздники и въ день рожденія ребенка.

При изученіи русскихъ свадебныхъ обрядовъ, неосновательно обходить свадебные обряды западныхъ и южныхъ Славянъ и свадебные обряды древнихъ Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и Германцевъ. Хотя изученіе славянскихъ свадебъ сравнительно съ свадьбами главнѣйшихъ отраслей индо-европейскаго племени чрезвычайно осложняетъ работу, оно приводитъ къ пониманію нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ славянскаго свадебнаго ритуала. Основное значеніе русскаго свадебнаго употребленія сора, соли, избѣганія мая мѣсяца при бракосочетаніяхъ врядъ ли можетъ быть понято безъ ознакомленія съ тѣмъ, какую роль игралъ соръ въ древнихъ индійскихъ свадебныхъ обрядахъ и изреченіяхъ, соль—въ греческихъ жертвоприношеніяхъ и май мѣсяцъ—въ римскихъ воззрѣніяхъ. Само собой разумѣется, что, при изученіи славянскихъ свадебныхъ обрядовъ, свадебные обряды и изреченія древнихъ Индійцевъ, Грековъ и Римлянъ дороги только какъ пособіе, какъ средство. Послѣдніе въ отношеніи первыхъ занимаютъ служебное положеніе.

Къ извѣстнымъ въ печати свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ не всегда можно отнестись съ довѣріемъ. Этнографы обыкновенно не проводятъ достаточнаго различія между отдѣльными актами свадебной драмы, не указываютъ на народное мнѣніе о цѣли совершенія того или другаго обряда, крестьянское толкованіе покрываютъ своей личной догадкой и т. д. Такими погрѣшностями, между прочимъ, страдаетъ драгоценное во многихъ отношеніяхъ сочиненіе Терещенки о русскомъ народномъ бытѣ. Каравайныя пѣсни, полныя глубокой старины, обильныя архаизмами, казались въ слѣдствіе

Digitized by Google

этого этнографамъ искаженными, безсмысленными и не были записаны или были переиначены при записываньѣ. Рейтенфельсъ, посѣтившій Московскую область въ XVII ст., сообщаетъ, что священникъ въ церкви во время вѣнчанія возлагалъ на голову молодыхъ вѣнцы, сплетенные изъ полыни (Artemisia Absinthium) (1),—сообщеніе вполнѣ невѣроятное. Въ современныхъ народныхъ свадебныхъ обрядахъ ничего подобнаго не встрѣчается. Полынь, по свойственной ей горечи, въ народныхъ пѣсняхъ служитъ символомъ печали, что уже никоимъ образомъ не могло повести къ употребленію ея во время вѣнчанія, опредѣляющаго, по народному воззрѣнію, всю будущность человѣка. Все горькое или напоминающее горечь на свадьбахъ, напротивъ, стараются удалить; такъ, у древнихъ Грековъ желчь животныхъ, которыхъ приносили на свадьбахъ въ жертву богамъ, закапывали гдѣ нибудь въ сторонѣ, чтобы молодымъ не пришлось вести горькую жизнь.

Ученые, затрогивавшіе свадебные обряды, обыкновенно склоняются въ своихъ мнѣніяхъ къ одной изъ двухъ крайностей, или къ объясненіямъ чисто миѳическимъ: за все и про все отвѣчаютъ солнечныя и грозовыя явленія, или къ объясненіямъ исключительно историко—бытовымъ. Мюльгаузе пытается подыскать миѳическое объясненіе даже такимъ чисто бытовымъ чертамъ свадебнаго обряда, какъ рукобитье родителей жениха и невѣсты послѣ сговора или обыкновеніе протянутой веревкой останавливать поѣздъ невѣсты, направляющійся въ домъ новобрачнаго (2). Въ противоположность увлекающимся миѳологамъ, г. Смирновъ уваженіе къ дѣвственной чистотѣ невѣсты объясняетъ развитіемъ въ народѣ идей прямо противоположныхъ понятіямъ, свойственнымъ эпохѣ гетеризма (3).

Свадебные обряды всѣхъ индо-европейскихъ народовъ вообще и народовъ славянскихъ въ частности естественнымъ образомъ распадаются на три отдѣла: 1) обряды, которые совершаются въ домѣ отца невѣсты, 2) обряды, имѣющіе мѣсто при отправленіи молодой въ домъ новобрачнаго и 3) обряды въ домѣ новобрачнаго. Въ виду того

1) Журн. М. Н. Пр. 1839. XXIII. 52.
2) Mülhause, Die Urrelig. d. deutsch Yolk. 196.
3) Смирновъ, Очерки сем. отн. по обыч. пр. Р. нар. 1. 63.

Digitized by Google

обстоятельства, что нѣкоторые обряды, имѣющіе мѣсто въ домѣ отца невѣсты, повторяются въ домѣ новобрачнаго, затѣмъ главнымъ образомъ въ виду неравномѣрнаго количественнаго распредѣленія обрядовъ по отдѣльнымъ актамъ свадьбы, болѣе удобнымъ является раздѣленіе всѣхъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ на два широкихъ отдѣла: 1) свадебные обряды и пѣсни, относящіеся къ гражданскому укрѣпленію брака и 2) свадебные обряды и пѣсни, служившіе въ языческой древности религіознымъ освященіемъ супружескаго союза. Почти всѣ свадебные обряды такъ или иначе примыкаютъ къ одному изъ этихъ двухъ отдѣловъ, или опредѣляютъ положеніе брачущихся въ семьѣ и обществѣ, или обезпечиваютъ имъ счастье и чадородіе, ставя ихъ подъ покровительство обоготворенныхъ небесныхъ явленій.

Обряды юридическаго свойства очень тѣсно переплелись съ обрядами религіозно-миѳическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ большое затрудненіе опредѣлить происхожденіе и первоначальное значеніе обряда. Иное свадебное дѣйствіе, возникнувъ, повидимому, изъ древнихъ семейныхъ отношеній, дѣйствіе исключительно бытовое, въ теченіе своей многовѣковой жизни, мало по малу отдѣлилось отъ породившаго его явленія, изъ живаго дѣйствія сдѣлалось безсознательно или полусознательно совершаемымъ обрядомъ и глубоко сроднилось съ опредѣленной стороной чисто миѳологическаго міровоззрѣнія.

Всѣ славянскія свадьбы въ началѣ не богаты обрядами, и начальные свадебные обряды, за весьма немногими исключеніями, указываютъ на господствовавшія въ разное время средства пріобрѣтенія невѣсты и укрѣпленія владѣнія ею. Началу славянскихъ свадебъ, въ особенности свадьбы великорусской, историку древне-русскаго права и быта даетъ болѣе, чѣмъ историку народной поэзіи и миѳологу.

Путемъ распредѣленія свадебныхъ обрядовъ по группамъ, постараемся опредѣлить главнѣйшія особенности древне-славянской свадьбы, т. е. той свадьбы, которая имѣла мѣсто до раздѣленія славянскаго племени на отдѣльные народы и въ большихъ или меньшихъ обломкахъ сохранилась у славянскихъ народовъ до сего

Digitized by Google

времени, преимущественно у Малоруссовъ. Хотя во всѣхъ славянскихъ свадьбахъ много языческаго, древняго, свадьба южно-русская отличается особенной цѣльностью и торжественостью; пѣсни и обряды распредѣляются довольно равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; соблюдено строгое различеніе между отдѣльными актами свадебной драмы; большинство обрядовъ совершается въ домѣ отца невѣсты.

Въ славянскихъ свадебныхъ обрядахъ встрѣчаются такого рода переживанія, которыя указываютъ на совершенно дикій бытъ, чуть не животное состояніе. Переживанія эти немногочислены и по началу выходятъ за предѣлы славянской исторіи. Славяне до выхода изъ своей азіатской прародины и до раздѣленія на отдѣльныя части выработали уже благоустроенный семейный бытъ до такой полноты, что составились ясныя понятія объ отцѣ и матери, сынѣ и дочери, братѣ и сестрѣ. Славянское названіе жены сына относительно отца послѣдняго—сноха, образовавшееся еще до выхода Славянъ изъ своей азіатской прародины, означаетъ собственно сынова, жена сына,—въ чемъ уже сказывается понятіе объ исключительномъ правѣ мужа.

Изъ различныхъ формъ древняго бракосочетанія въ славянскихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ болѣе всего сказалось умыканіе дѣвицъ, явившееся на смѣну первобытнаго коммунальнаго брака. Умыканіе, или, что одно и тоже, похищеніе дѣвушекъ стоитъ въ связи съ личнымъ бракомъ.

У древнихъ Русскихъ „умыкиваху у воды дѣвица“. Въ обнародованныхъ архивныхъ документахъ Тамбовск. губ. находится слѣдующій разсказъ объ умыканіи невѣсты въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Въ Іюнѣ 1815 г. въ селѣ Лѣсной Кочетовкѣ Темник. у. у крестьянина Ефима Михалева гостила замужняя дочь Екатерина. 29 числа она пошла домой въ село Сіяли. Съ нею было 5 дѣвушекъ сестеръ, въ томъ числѣ младшая сестра Пелагея. Отошли онѣ отъ Кочетовки не болѣе полуверсты, какъ вдругъ изъ лѣсу выбѣжало 5 человѣкъ крестьянъ и между ними крестьянинъ В. Пареѳеновъ, давно уже безуспѣшно хлопотавшій о женитьбѣ на Пелагеѣ. Бросившись на нее, онъ закричалъ: „Тебя то мнѣ и надобно!“ Съ этими словами онъ схватилъ ее за волосы и потащилъ въ лѣсъ. Женщины подняли крикъ и напрасно старались освободить Пелагею. Въ слезахъ онѣ возвратились въ Кочетовку и объявили о случившемся сперва своему отцу, а потомъ всему сельскому міру. Старики распорядились погоней за похитителями; но ихъ и слѣдъ простылъ. Только 3 іюля отецъ узналъ, что дочь его похитители возили по разнымъ селамъ для вѣнчанія съ В. Пареѳеновымъ; но духовенство отказывалось вѣнчать ихъ, потому что Пелагея упорно выражала свое нежеланіе идти замужъ за Пареѳенова. Такъ какъ Пелагея кричала и билась, то ее привязали волосами къ телѣгѣ. Похитители отыскали дьякона, который насильно разжалъ ей ротъ и влилъ туда какую то

Digitized by Google

жидкость, отъ которой она впала въ безпамятство, въ какомъ положеніи и была обвѣнчана (1). Случаи умыканія невѣсть, хотя и въ менѣе насильственной формѣ, до сихъ поръ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тамбовск. губ. и у крестьянъ Алтайскаго округа, не смотря на запрещенія горнаго начальства (2). Такія свадьбы называются воровскими. Въ Енисейскомъ краѣ родители сами желаютъ, чтобы кто укралъ ихъ дочь, считая нечестнымъ дѣломъ выдать ее своими руками; уже по похищеніи женихъ посылаетъ въ домъ отца молодой свата (3). Иногда похищеніе невѣсты совершается съ цѣлью избѣжать расходовъ на свадебное угощеніе гостей. Въ настоящее время похищеніе дѣвушки бываетъ обыкновенно съ согласія послѣдней. Въ бѣлорусской купальской пѣснѣ парень пріѣзжаетъ къ дѣвушкѣ ночью и застаетъ ее въ слезахъ за шитьемъ сорочки. Онъ уговариваетъ ее не плакать и не тужить, потому что онъ не чужой, а ея Яночка (4). Похищеніе дѣвушекъ невѣсть въ XVIII ст. и въ первой половинѣ XIX ст. было въ большомъ ходу среди дворянъ помѣщиковъ; оно доставило не мало интересныхъ сюжетовъ для игривой фантазіи старинныхъ романистовъ и повѣствователей.

Бопланъ, побывавшій въ Украинѣ въ первой половинѣ XVII ст., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: Въ Украинѣ всякое воскресенье и всякій праздникъ собираются послѣ обѣда въ корчмѣ казаки съ женами и дѣтьми. Мужчины и замужнія женщины проводятъ время въ питьѣ, а юноши и дѣвицы забавляются на лугу пляской подъ дуду.... Казаки, по старинному обычаю, похищаютъ дѣвицъ, даже дочерей помѣщика; похититель спѣшилъ скрыться съ дѣвушкой въ ближайшій лѣсъ и пребывалъ въ немъ не менѣе 24 часовъ; если его нагоняли или находили въ лѣсу до истеченія сутокъ, то убивали. Бопланъ говоритъ о вымиравшемъ явленіи народной жизни, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ, въ теченіи своего 17 лѣтняго пребыванія въ Украинѣ, не видѣлъ ничего подобнаго (5). Отмѣтимъ въ одной малорусской пѣснѣ слѣдующій любопытный намекъ на господствовавшее въ древности умыканіе дѣвицъ у воды:

Молода дівчино, не йди рано по воду:
Стереже тебе козаченько, на коніку сидючи,
На тебе пильно поглядаючи (6).

Путешественникъ XVI ст. Бусбекъ говоритъ о широкомъ распространеніи у Сербовъ похищенія дѣвицъ („отмица“) (7). Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія у Сербовъ такъ силенъ былъ обычай похищать невѣсть, что правительству вынуждено было ему противодѣйствовать строгостью закона (8). Въ Черногоріи

---

1) „Соврем. Извѣст.“ 1880. № 154.
2) Памят. и образцы нар. яз. и слов., изд. 2 отд. А. Н. П. 165.
3) Кривошапкинъ, Енис. округъ 49—50.
4) Безсоновъ, Бѣлор. п. I. 31.
5) Бопланъ, Опис. Укр. 72.
6) Костомаровъ, Объ ист. знач. южн. нар. позз. „Бесѣда“ 1872. XI. 8.
7) Ягичъ, О слав. нар. позз. „Славянск. Ежегод.“ 1878. 244.
8) Kanitz, Serbien. 530.

Digitized by Google

отмица существуетъ до настоящаго времени, не смотря на строгія запрещенія Законника Черногорскаго 1798 г., подтвержденныя Законникомъ Даніила I въ 1855 г. (1). Во многихъ селахъ Шумадіи бракъ совершается уходомъ дѣвушки. Родители ея сначала сердятся, но вскорѣ прощаютъ. Иногда недовольная мужемъ бѣглянка уходитъ отъ него обратно въ домъ своихъ родителей. Отсюда пословица: „Бегуница пре, бегуница и послѣ“ (2). Въ нѣкоторыхъ сербскихъ пѣсняхъ превосходно, съ сохраненіемъ глубоко жизненныхъ чертъ, выразилось умыканіе дѣвицъ; такъ, въ одной пѣснѣ парень высказываетъ дѣвушкѣ желаніе похитить ее и получаетъ въ отвѣтъ:

Не отимьи, погинут'еш:
У мен'има девет брат'е,
И толико братучеда,
Кад појашу вране конье,
А припашу бритке сабље,
Пак накриве вуче капе,
Страота је погледати.....(3).

Въ другой сербской пѣснѣ превосходно изображено удачное похищеніе дѣвушки. Молодецъ выхватилъ ее изъ хоровода и помчалъ на конѣ къ своему двору (4).

Въ Болгаріи за похитителемъ гонятся только до сельской межи. Переступивъ межу, онъ спокойно останавливается и разговариваетъ съ родственниками невѣсты, останавливающимися передъ межой. Въ болгарской хороводной пѣснѣ молодецъ, съ цѣлью похитить свою возлюбленную, зажегъ ея домъ съ четырехъ сторонъ. Когда она выбѣжала тушить огонь, онъ схватилъ ее за запястье; но рука его соскользнула съ запястья, и красавица убѣжала, осмѣявъ его неловкость (5).

Въ польской свадебной пѣснѣ парень подговорилъ дѣвушку къ уходу. Сосѣди сказали матери дѣвушки о ея бѣгствѣ. Бѣглянку поймали. Она просила отобрать золото у ея возлюбленнаго, но пощадить его жизнь; родственники ея, однако, убили молодца (6).

Похищеніе дѣвушекъ невѣстъ оставило по себѣ многочисленные слѣды въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Нѣкоторая грубость и жестокость послѣднихъ и заунывный напѣвъ первыхъ главнѣйшимъ образомъ объясняются насильственнымъ похищеніемъ невѣстъ.

Умычка невѣстъ сказалась въ народномъ эпосѣ въ формѣ многочисленныхъ сказаній о состязаніи жениха съ невѣстой,—Добрыни съ Настасьей Микулишной,

---

1] Вѣстникъ Европы 1879. IX. 161.
2) Гласник. 1867. V. 137.
3) Вукъ Карадж., Спр. нар. пјес. I. 365.
4) Ibid. I. 283.
5) Безсоновъ, Болг. пѣс. II. 37.
6) Zejszner, Piesni ludu Podhalan. 121.

Digitized by Google

Зягурда съ Брунгильдой. Въ былинахъ о Хотенѣ Блудовичѣ, при позднѣйшихъ наслоеніяхъ, сохранились слѣды временъ родоваго быта съ воинственнымъ захватомъ невѣсты, сопровождавшимся уничтоженіемъ ея родни (1).

Умыканіе невѣсты сказалось во многихъ современныхъ народныхъ свадебныхъ пѣсняхъ; такъ, въ свадебной пѣснѣ

Олонецк. губ.: Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному;
Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ.... (2)

Вологодск. губ.: Пріѣдутъ ко батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежемъ,
Да ограбятъ же батюшку,
Да полонятъ мою матушку,
Повезутъ меня молоду
На чужую на сторонушку (3).

Тверск. губ.: Не бывать бы вѣтрамъ, да повѣяли,
Не бывать бы боярамъ, да понаѣхали,
Травушку, муравушку притолочили
. . . . . .
Красную Анну въ полонъ взяли (4),

Бѣлоруссія: Ой цемно, цемно на дворѣ!
Бояре вороты облегли.....
Хочуць цесцевъ дворъ звоеваци,
Да его дочухну забраци (5).

Малороссія (Хар. г.): Ой чи не чуешь ти, Меласю,
Що зъ синего моря туча йде,
А в оболоні хвиля йде, (?)
А в кватирочки стрілочки,
Та до твоеі русоі кісочки
Я же тиі тучі не боюсь,
Е в мене від тучі батенько,
Вин з тиею тучею поговоре,
Він мене обороне (6).

1] О. Миллеръ, Опытъ ист. рус. слов. I, 202.
2) Отечеств. Зап. 1839. IX. См. 63.
3) Москвитян. 1841. VI. 482; Терещ. II. 254.
4) Снегиревъ, Рус. прост. празд. IV. 177.; Пермск. Сб. I. 15.
5) Зап. Геогр. Общ. по Отд. этн. 1873. V. 164.
6) Черниг. Губ. Вѣд. 1859. № 17.

Digitized by Google

9.

Сербія: Ето сватн дворе обиграше
Више главе копје ударише.

Златни топи у град ударише,
А девојци статови дод'оше (1).

Въ сербской пѣснѣ сваты грозятъ взять дѣвушку силой: „А ми т'емо и силом“ (2).

Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ пріѣздъ жениха съ поѣздомъ въ домъ отца невѣсты сравнивается съ нашествіемъ Литовцевъ и Татаръ (3).

Свадебные обряды, указывающіе на похищеніе дѣвушки, могутъ быть изложены по слѣдующимъ отдѣламъ:

I. *Обыкновеніе сватовъ жениха являться въ домъ отца невѣсты въ видѣ путешественниковъ.* Въ Минск. и Гродн. губ. сваты не входятъ прямо въ домъ невѣсты, а являются въ видѣ странниковъ подъ окно и просятся на ночь (4).

II. *Обыкновеніе сватовъ жениха отправляться въ домъ отца невѣсты поздно вечеромъ или въ полночь*, обыкновеніе, встрѣчающееся въ губ. Волынской (5), Олонецкой (6), въ Угорской Руси (7), у Куявлянъ (8), Познанскихъ Поляковъ (9) и у южно-македонскихъ Болгаръ Пуликавцевъ (10).

III. *Обыкновеніе сватовъ заводить рѣчь о томъ, какъ князь увидѣлъ на охотѣ лисичку (или куничку) и началъ ее преслѣдовать*, лисичка бѣжала, князь замѣтилъ дворъ, въ которомъ она скрылась и т. д., обыкновеніе, широко распространенное въ Малороссіи (11).

IV. *Устройство передъ воротами дома невѣсты искусственныхъ преградъ*, препятствующихъ свободному въѣзду во дворъ жениху и его поѣзду. Теперь это веселый и забавный обрядъ, нѣкогда—дѣйствительная мѣра предосторожности и защиты отъ набѣга жениха хищника. Въ свадебной пѣснѣ Тульской губ. невѣста проситъ своихъ братьевъ:

Замечите дубьемъ поле,
Застружите стругомъ рѣку,
Защитите щитомъ ворота,
Не пускайте войны на дворъ,
Не отдавайте меня въ полонъ (12).

---

1) Вукъ Караджъ., Срп. нар. піес. I, 22.
2) Ibid. I. 2.
3) Метлинск. 215, 222; Вѣст. Геогр. Общ. 1853. VIII. 39;
4) Крачковскій, Бытъ зап. рус. сел. „Чтенія въ М. О. И. и Др.“ 1873. IV 16.
5) Этногр. сб. I, 303.
6) Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этн. 1873. III. 610;
7) Головацкій, „Чтенія“ 1872. IV. 399.
8) Kolberg, Lud. III. 250.
9) Ibid. XI. 166.
10) Верковичъ, Опис. быта Болг. 26.
11) Nowosielski, Lud ukr I. 175.
12) Москвитян. 1853. г. XIV. 112,

Digitized by Google

Въ Тверск. губ. ребятишки у воротъ двора невѣсты кладутъ бревно; дружко жениха выкупаетъ дорогу пряниками (1).

V. *Обыкновеніе производить во время сватовства и свадьбы выстрѣлы* широко распространено во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Въ Галиціи братъ невѣсты послѣ торга стрѣляетъ изъ деревяннаго лука въ середину бояръ, ставъ на скамью (2). Въ Пермск. губ. отецъ невѣсты стрѣляетъ изъ ружья по поѣзду жениха холостымъ зарядомъ (3). Въ поморскихъ селахъ Арханг. губ. свадебный поѣздъ встрѣчаютъ выстрѣлами изъ оконъ домовъ (4). У Чеховъ поѣзжане жениха стрѣляютъ при отправленіи послѣдняго въ домъ отца невѣсты (5). Обыкновеніе стрѣлять въ этомъ случаѣ изъ ружей распространено также у Сербовъ Лужицкихъ (6). При отправленіи молодыхъ въ церковь стрѣляютъ въ Волог. губ. (7), у Познанскихъ Поляковъ (8) и у Македонскихъ Мыяковъ (9). У Поляковъ свахи приэтомъ кричатъ: „о наша!“, а у Болгаръ поютъ пѣсню:

Стрели юнак стрела белоперка,
Та престрели гиздава девойка (10).

Въ Болгаріи (11) стрѣляютъ въ знакъ цѣломудрія молодой. У Сербовъ выстрѣлы, по современному значенію, какъ знакъ радостной вѣсти, бываютъ послѣ благополучно оконченнаго сватовства и послѣ вѣнчанія (12).

Встрѣчающіеся въ большіе народные праздники выстрѣлы миѳическаго свойства, напр., обыкновеніе Малороссіянъ стрѣлять 6 января нѣсколько разъ въ воздухъ съ тѣмъ, чтобы „очищеніе от гріхів в миру извіщать“ (13), слишкомъ случайны и рѣдки, чтобы подвергать сомнѣнію чисто бытовое происхожденіе свадебныхъ выстрѣловъ, являющихся въ настоящее время обломкомъ древняго умыканія невѣсты.

VI. *Употребленіе на свадьбахъ хоругви или знамени* стоитъ въ непосредственной связи съ совершавшимся нѣкогда воинственнымъ захватомъ дѣвушки невѣсты. Первоначально хоругвь была военнымъ значкомъ наѣздниковъ жениха. Впослѣдствіи, когда значеніе хоругви, какъ военнаго знамени, стало теряться и забываться среди мирной земледѣльческой обстановки славянскихъ народовъ,

---

1) Этногр. Сб. V. Смѣсь, 61.
2) Головац.. „Чтенія“ 1872. III. 276.
3) Пермск. сб. II. 96.
4) Москвитян. 1853. XIV. 96.
5) Časop čes. Musea 1859 I. 93.
6) Haupt u. Smoler, Volkslied. II. 232.
7) Этногр. сб. V. 16.
8) Kolberg, Lud. XI. 166, 202.
9) Верковичъ, Опис. быта Болг. 2.
10) Безсоновъ, Болг. пѣс. II. 14.
11) Чолаковъ, Болг. нар. сб. 25, Москвит. 1845. VI. 174.
12) Гласник. 1867. V. 131; Kanitz, Serbien. 531.
13) Труды Эти. Ст. Эксп. въ Зап. рус. кр. III. 3.

Digitized by Google

свадебную хоругвь сблизили съ церковною хоругвью. Поводомъ къ такому сближенію могло послужить распространившееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ славянскаго міра, напр., въ Малороссіи, обыкновеніе провожать молодыхъ послѣ вѣнчанія въ домъ свадебнаго веселія со всей церковной торжественностью: впереди шелъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ несли церковныя хоругви, за которыми уже слѣдовали молодые съ вѣнцами на головахъ. Сближеніе свадебной хоругви съ церковной было случайное и не повело къ какимъ либо замѣтнымъ обрядовымъ дѣйствіямъ или повѣрьямъ. Что въ основаніи свадебной хоругви лежитъ не церковная хоругвь, а военное знамя, существуютъ многочисленныя доказательства въ славянскихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Хоругвь встрѣчается у Сербовъ, Малороссіянъ, Болгаръ, Лужичанъ, Чеховъ;— однимъ словомъ, это—общее достояніе славянскихъ свадебъ. Съ особенной ясностью и полнотой значеніе хоругви сказалось въ сербскихъ и малороссійскихъ свадебныхъ обрядахъ; здѣсь она играетъ видную роль; безъ нея необходятся чешскія, болгарскія и сербо-лужицкія свадьбы; почти совсѣмъ она вышла изъ употребленія на польской свадьбѣ и на свадьбѣ великорусской.

Въ сербской пѣснѣ невѣста проситъ чайку полетѣть къ милому на дворъ и посмотрѣть:

Трепте ли му бандијере
Све бијеле и црвене... (1).

У Рисанскихъ Сербовъ знаменосецъ поетъ пѣсни, а сопровождающіе его парни стрѣляютъ (2). Съ особенной ясностью значеніе хоругви сказалось въ слѣдующемъ воинственномъ обрядѣ: Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черногоріи изъ свадебнаго поѣзда жениха, не доходя на сто шаговъ до дома невѣсты, выходитъ знаменосецъ, держа въ одной рукѣ знамя, а въ другой заряженный пистолетъ, и начинаетъ танецъ, подскакивая вверхъ. Ему на встрѣчу выходитъ знаменосецъ со стороны невѣсты, и они танцуютъ визави, сильно прикрикивая и стрѣляя изъ своихъ пистолетовъ. Потанцовавъ вдоволь, они цѣлуются и этимъ даютъ знакъ сватамъ входить въ домъ невѣсты (3). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Славоніи удержался древній обычай носить на свадьбѣ знамя (4).

У Малороссіянъ свадебное знамя носитъ названіе „корогва“ (въ Галиціи и Волынской губ.), „кураговъ“ (въ Угорской Руси), „застава“ (у Лаборскихъ Русскихъ). Весильная корогва—красный платокъ, привязанный къ высокому шесту. Парень, который носитъ корогву, называется „хорунжій“. Корогву въ Галиціи по Збручу и у Лаборскихъ Русскихъ несутъ въ день вѣнчанія передъ

---

1) Вукъ Караджичъ. Срп. нар. пјес. I. 8.
2) Вукъ Караджичъ, Ковчеж. 47.
3) Вѣстн. Европы 1879 IX. 169.
4) Ilić, Narod. Slav. ob. 57.

Digitized by Google

женихомъ, когда онь идетъ къ невѣстѣ, а затѣмъ ставятъ ее въ передній уголъ, или куть, за столомъ (1). Въ малорусскихъ пѣсняхъ:

Дажеж уліци тісни,
Бопо сім уличкам
Іхали бояри пишни
Та везли вони хоругву (2).

Не лежи, вѣтре, въ горах,
Подувай въ долинах,
Поки(в)ни кураговцю,
И д свѣтлому сонцю (3).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается освящающее и осчасливливающее значеніе свадебной хоругви, быть можетъ, возникшее подъ вліяніемъ воззрѣній на церковную хоругвь. Въ свадебной пѣснѣ Лаборскихъ Русскихъ вышиванье хоругви сближается съ надѣленіемъ молодыхъ счастьемъ; самый процессъ вышиванія или приготовленія хоругви вызываетъ въ присутствующихъ шумную радость (4). Въ Угорской Руси молодыхъ кладутъ спать на „подѣ“ (чердакѣ), причемъ староста кладетъ здѣсь хоругвь и благословляетъ постель (5).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хоругвь является уже съ сильно измѣненнымъ значеніемъ символа дѣвичьей непорочности. Въ Малороссіи на другой день послѣ свадьбы, утромъ, старшій бояринъ беретъ красную запаску (передникъ), привязываетъ ее къ высокому шесту и ставитъ его у воротъ въ ознаменованіе цѣломудрія молодой (6). Въ Полт. губ., въ случаѣ молодая оказалась порочной, на шестѣ вывѣшиваютъ черный или синій платокъ (7)..

У Мыяковъ надъ крышами домовъ, въ которыхъ должна быть свадьба, вывѣшиваютъ красное знамя, шитое золотомъ, съ позолоченнымъ яблокомъ на вершинѣ; по дорогѣ въ домъ невѣсты сваты несутъ развѣвающееся знамя (8).

У Сербовъ Лужицкихъ свадебное знамя является въ древнемъ своемъ значеніи. Парни той деревни, гдѣ живетъ невѣста, встрѣчаютъ поѣздъ жениха съ шестомъ, украшеннымъ лентами, и говорятъ, что имѣютъ приказаніе не пускать чужихъ людей въ деревню. Женихъ покупаетъ право въѣзда (9).

У Чеховъ на свадьбахъ дружко впереди поѣзда носитъ знамя (10).

---

1) „Основа“ 1862. IV. 27; Головац., „Чтенія“ 1872. IV. 427; Тр. Этн. Ст. Эксп. IV. 262.
2) Терещенко. Быть Р. н. II. 522.
3) Зап. Геогр. Общ. 1867. I. 701; Головац., „Чтенія“ 1872. IV. 407.
4) Головац., „Чтенія“ 1872. IV. 423.
5) Ibid. IV. 408.
6) Терещенко, Быть Р. н. II. 534.
7) Арандаренко, Зап. о Полт. губ. II. 249.
8) Верковичъ, Опис. быта Болгаръ 8, 10.
9) Haupt u. Smoler, Volkslied II. 231.
10) Časop čes. Mus 1859. I, 92.

Digitized by Google

У Поляковъ, во время свадебнаго поѣзда въ церковь, дружки держатъ по одному флагу въ рукѣ (1).

Въ старинное время у Уральскихъ казаковъ во время свадебнаго поѣзда въ церковь одинъ изъ верховыхъ держалъ на длинномъ шестѣ вмѣсто знамени полосатую юбку (плахту) и послѣ свадьбы выставлялъ ее у воротъ въ ознаменованіе цѣломудрія невѣсты [2]. Трудно положительно сказать, заимствованъ ли этотъ обычай Уральцами отъ Малороссіянъ, или онъ является остаткомъ, быть можетъ, бывшаго нѣкогда и у Великоруссовъ обычая употреблять на свадьбахъ знамя. Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, въ В. Россіи не встрѣчается свадебнаго знамени; нѣтъ объ немъ замѣчаній или упоминаній ни въ старинныхъ письменныхъ свидѣтельствахъ, ни въ современныхъ великорусскихъ пѣсняхъ.

Хоругвь, какъ военное знамя, встрѣчается у народовъ, чуждыхъ Славянству. У Кабардинскихъ горцевъ одинъ изъ поѣзжанъ, ѣздившихъ за невѣстой, держитъ въ рукахъ длинную хворостину, на верхушкѣ которой развивается гарусный шарфъ и малиноваго цвѣта шерстяная перчатка. Это импровизированное знамя служило знакомъ соединенія молодыхъ людей для защиты вѣрепной имъ дѣвушки. Если кто изъ постороннихъ похищалъ шарфъ и уходилъ, то поѣзжане считались опозоренными (3).

VII. *Многочисленность участвующихъ въ поѣздѣ жениха.* У Черногорцевъ часто цѣлое село составляетъ дружину жениха; съ пѣснями, плясками и ружейными выстрѣлами идетъ толпа мужчинъ къ дому невѣсты (4). Въ буковинской свадебной пѣснѣ „сват богато війска мае, лиш сімсот піхоти, восімсот кінноти“ [5]. Въ галицкихъ свадебныхъ пѣсняхъ у бояръ жениха сто коней верховыхъ и двадцать возовыхъ (6).

VIII. *Обыкновеніе поѣзжанъ провожать молодаго непремѣнно на лошадяхъ верхомъ.* Въ Западной Россіи самые бѣдные селяне считаютъ священнымъ долгомъ отправиться къ вѣнцу на лошадяхъ, а не пѣшкомъ (7). Обыкновеніе это очень строго соблюдается въ В. и М. Россіи, въ Славоніи (8), у Чеховъ (9) и у Поляковъ (10).

IX. *Свадебная джигитовка,* или верховая скачка во время движенія поѣзда жениха въ домъ невѣсты встрѣчается въ В. и М. Россіи (11), у Болгаръ

1) Народы Россіи. I. 72.
2) Терещенко, Быть Р. н. II. 618.
3) Сборн. свѣд. о кавк. горц. II. Эти. отд. 4—8.
4) Макушевъ, Задун. и Адріат. Слав. 22.
5) Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. II. 503.
6) Головацкій. „Чтенія“ 1872, II. 233.
7) Крачковскій. „Чтенія“ 1873, IV. 51.
8) Ilić, Narod. slav. ob. 51.
9) Časop. ces Mus. 1859 I. 92.
10) Żegota Pauli, Pies. ludu polsk. w Galic. 35.
11) Этногр. Сб. III. 15.

Digitized by Google

([1]) и у многихъ чуждыхъ Славянамъ народовъ, у Крымскихъ Татаръ ([2]), Ингушей [3] и нѣкот. др.

X. *Запираніе воротъ* во дворѣ невѣсты передъ сватами или передъ женихомъ и его поѣздомъ. Въ Полт. губ. сватовъ, пришедшихъ, по обыкновенію, поздно вечеромъ, долго не впускаютъ въ домъ невѣсты, яко бы опасаясь встрѣтить въ нихъ грабителей ([4]). Обыкновеніе запирать ворота передъ поѣздомъ жениха встрѣчается въ губерніяхъ Костромской, Орловской, Пензенской ([5]), Вологодской, Курской, Тверской ([6]), Тульской, Рязанской, Псковской ([7]), Архангельской ([8]), въ Малороссіи [9]), у Лаборскихъ Русскихъ ([10]), у Сербовъ ([11]), Славонцевъ ([12]), Чеховъ и Словаковъ ([13]). У Чеховъ поѣзжане жениха грозятъ повалить домъ невѣсты, если ихъ не впустятъ—jak nás nepustíte, svalíme obnisteˇ [14]. У Болгаръ въ то время, когда женихъ стоитъ предъ запертыми воротами, помѣщающіяся внутри двора дѣвушки, подруги невѣсты, поютъ:

Стой, дерево, не бій врати.
Още мома невтасала и пр. ([15])

У Лужицкихъ Сербовъ ([16]), у Кашубовъ ([18]), въ Тиролѣ ([17]), во Франціи въ горахъ Юры ([19]) молодыхъ не пускаютъ нѣсколько времени въ домъ новобрачнаго послѣ вѣнчанія. Обычай не впускать молодыхъ послѣ вѣнчанія есть уже искаженіе древняго обыкновенія не впускать жениха въ домъ невѣсты.

Въ одной пѣснѣ говорится о свѣтломъ князѣ, ищущемъ своей свѣтлой княгини. Чтобы добыть ее, онъ сѣчетъ и рубитъ своимъ мечемъ ворота. Проф. О Миллеръ считаетъ эту черту „рѣшительно выдающейся за предѣлы обычнаго народнаго быта„ и, указывая на воинственное добываніе невѣстъ въ сказкахъ, объясняемое обыкновенно миѳически, предлагаетъ въ свѣтломъ князѣ видѣть бога громовника, разсѣкающаго облака и выводящаго изъ за нихъ дѣву-солнце ([20]).

[1]) Москвитян. 1845. VI. 171.
[2]) Народы Россіи III. 297.
[3]) Сборн. свѣд. о кавказ. горц. III. 20.
[4]) Тр. Этн. Ст. Эксп. въ З. р. кр. IV. 59.
[5]) Терещенко, Бытъ Р. н. 176, 195, 284.
[6]) Этногр. сб. V. См. 5. 32, 60.
[7]) Шейнъ, Вел. н. пр. 416, 476, 536.
[8]) Труды Этн. О. Общ: Любит. Естеств. 1877. V. I. 77.
[9]) Труды Этн. Ст. Эксп. IV. 330, Nowosielski, Lud ukr I. 214; Wojcicki, Pies ludu II. 136.
[10]) Головацк. „Чтенія“ 1872. IV. 427.
[11]) Гласник. 1870 XI. 197.
[12]) Jlič. Norod slav, ob. 54.
[13]) Erben, Prost ces pisne V 295; Susil, Morav. nar. pis. II. 427; Kulda, Swadba 39.
[14]) Casop. ces. Mus. 1859. I. 94.
[15]) Чолаковъ, Болг. нар. сб. 24.
[16]) Haupt u Smoler. Volkslied. II, 232.
[17]) Этног. сб. V. 60.
[18]) Zingerle, Sitte, Brauche u. Meiuung. d. Tirelenvolkes. 15.
[19]) Novosielski, Lud ukr· I; 224. Примѣч.
[20]) О. Миллеръ, Опыт. ист. р. слов. 50.

Digitized by Google

Въ виду того, что было сказано о вынужденномъ стояніи жениха передъ воротами дома невѣсты, о его угрозахъ взять дѣвушку силой, свалить домъ, можно съ достовѣрностью сказать, что рубаніе въ пѣснѣ вороть въ домѣ невѣсты есть черта вполнѣ бытовая и, вмѣстѣ со многими случаями похищенія невѣстъ въ сказкахъ, можетъ быть объяснена порядками, господствовавшими въ древнерусскомъ общественномъ и семейномъ быту.

XI. *Высылка вмѣсто невѣсты копья.* Въ свадебныхъ пѣсняхъ южно-сибирскихъ поселянъ женихъ проситъ у воротъ дома невѣсты выслать ему суженое-ряженое; ему высылаютъ сначала копье, потомъ ларецъ и только послѣ его увѣреній, что не эти предметы его суженое, ему высылаютъ невѣсту (1).

XII. *Стукъ въ двери.* У Марваковъ молодой входитъ въ комнату новобрачной, ударивъ ногой въ дверь (2). Въ данномъ случаѣ обрядъ болѣе символизируетъ власть мужа надъ женой, чѣмъ похищеніе послѣдней. Въ прежнее время онъ могъ употребляться въ началѣ свадьбы и означать умыканіе. Въ родствѣ съ обрядомъ Марваковъ стоитъ обычай, встрѣчающійся въ Кореѣ, на островахъ Фиджи и у Индѣйцевъ Южной Америки: женихъ въ сопровожденіи друзей подъѣзжаетъ къ дому невѣсты и стучитъ въ двери; выходятъ родители дѣвушки невѣсты, выдаютъ ее пріѣхавшему и провожаютъ ее на извѣстномъ разстояніи (3).

XIII. *Пусканіе стрѣлы въ окно дома невѣсты* въ настоящее время встрѣчается только въ пѣсняхъ. Въ бѣлорусской пѣснѣ: „Пріѣхали сваты на дворъ, пустили стралу въ акно“ (4). Въ малорусской пѣснѣ:

Пустимо стрілу перлову,
Вибьемо стіну камьяну,
Візьмемо Марусеньку молоду (5).

XIV. *Борьба передъ воротами дома невѣсты.* Въ Малороссіи женихъ съ поѣздомъ находитъ за запертыми воротами или у обоихъ ихъ концовъ много молодыхъ парней, вооруженныхъ палками; они не впускаютъ жениха и его родственниковъ въ домъ невѣсты. Поѣздъ жениха сначала проситъ, потомъ вступаетъ въ примѣрную драку, оканчивающуюся переговорами и согласіемъ защитниковъ двора невѣсты пропустить поѣздъ (6). Въ Галиціи толпа ребятишекъ въ домѣ невѣсты не пускаетъ поѣзда жениха за столъ. Дружко грозитъ имъ чеканомъ, потомъ бросаетъ грошъ, и они уступаютъ мѣсто (7). У Бѣлоруссовъ старшій дружко силой отбрасываетъ подругъ невѣсты въ сторону (8).

XV. *Пуганіе лошади жениха.* Въ сѣверной Бѣлоруссіи женихъ и его друж-

1) Ст. Гуляевъ, „Библ. для Чт.„ 1848. XC. 32.
2) Берковичъ, Описс. быта Болг. 32.
3) Лэбокъ, Начало цивил. 66.
4) Этн. сб III 253.
5) Метлинскій, Южнор. нар. пѣс. 183.
6) Труды Эт. Ст. Эксп. въ З. р. к. IV. 330.
7) Головацкій, „Чтенія“ 1872. III. 378.
8) Носовичъ, Бѣл. пѣс. „Зап. Г. О. по отд. Этн. 1873. V. 144.

Digitized by Google

ко у воротъ дома невѣсты перескакиваютъ на коняхъ черезъ зажженую солому; въ лошадей затѣмъ родственники невѣсты бросаютъ пучки горящей соломы, препятствуя такимъ образомъ всадникамъ въѣхать въ растворенныя ворота.

XVI. *Обыкновеніе прятать невѣсту.* Въ Чердыни Пермской губ. невѣста во время рукобитья прячется въ избѣ на полатяхъ. Въ былые годы она забиралась въ порожній изъ подъ муки куль и тамъ зашивалась (1). Въ Пензенск. губ. подруги прячутъ ее въ уголъ и завѣшиваютъ платкомъ. Женихъ вырываетъ платокъ изъ рукъ невѣсты и цѣлуетъ ее насильно (2). Въ Буковинѣ, при отправленіи молодой въ домъ новобрачнаго, дружки приносятъ доски и жерди, которыми стараются укрыть молодую отъ молодаго, нападающаго на нее съ палкой въ рукѣ (3). У Чеховъ, при приближеніи жениха и его поѣзжанъ, подруги невѣсты поютъ:

Andulko schowej se,
nepřitel blíží se. (4).

Невѣста, при приближеніи сватовъ, прячется у Галицкихъ Русскихъ (6) и у Куявлянъ (5). Въ В. и М. Россіи и у Поляковъ (7) она во время сговора уходитъ куда нибудь.

XVII. *Просьба родныхъ невѣсты о пощадѣ.* У Сербовъ Лужицкихъ женихъ съ поѣздомъ, подъѣзжая къ деревнѣ, въ которой живетъ невѣста, посылаетъ къ сельскому старостѣ кого нибудь изъ поѣзжанъ и проситъ позволенія на въѣздъ въ деревню чужихъ людей. Староста даетъ разрѣшеніе, но при этомъ проситъ, чтобы женихъ и его поѣзжане пощадили стариковъ и дѣтей [8].

XVIII. *Высылка женихомъ подарковъ.* Малороссійскія колядки объ осадѣ города (9), принимаемыя за отголоски древнихъ пѣсенъ о походѣ Святослава Игоревича на Грековъ, съ большой вѣроятностью могутъ быть отнесены къ числу старинныхъ свадебныхъ пѣсенъ, рано отдѣлившихся отъ свадебнаго ритуала и въ нѣкоторыхъ варіантахъ принявшихъ въ себя черты русской государственной исторіи, впрочемъ, черты очень блѣдныя, ограничивающіяся одними собственными именами историческихъ городовъ. „Гречни молодець“ колядокъ—наѣздникъ женихъ; онъ „із вечера коня осідлав,“ что вполнѣ согласно съ древнимъ обычаемъ умыкать дѣвушекъ ночью; онъ охотно беретъ подарки конемъ и золотомъ, но не довольствуется ими: ему нужна дѣвушка невѣста; когда же вывели послѣднюю,

1) Пермск. Сборн. I. 11.
2) Терещенко, Бытъ Р. н. II. 283.
3) Зап. Ю. З. отд. Геогр. Общ. II. 498.
4) Erben, Prost, ces. pis. V. 296.
5) Головацкій, „Чтенія“ 1872. III. 376.
6) Kolberg, Lud III. 250.
7) Ibid. VI. 10.
8) aurt ú. Smoler, Volkslied II. 231.
9) Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни Малор. нар. I. 14.

Digitized by Google

17.

Він панну узяв, тай подзінькував,
Подзінькував, й шапочку зняв,
Шапочку зняв, ще й поклонився,
І поклонився, і покорився.

Въ малорусскихъ колядкахъ объ осадѣ города мы имѣемъ дѣло съ древними свадебными пѣснями; доказательствомъ служитъ сохранившаяся въ южной Сибири свадебная пѣсня, въ которой молодому сначала высылаютъ копье, потомъ ларецъ и, когда онъ не удовольствовался этими предметами, высылаютъ невѣсту. [1] Копье, золото, ларецъ — все это подарки, разсчитанные на смягченіе жениха наѣздника.

XIX. *Женихъ и его попэжане въ день свадьбы входятъ въ домъ невѣсты и садятся за столъ, не снимая шапки и не здороваясь*, въ Западной Россіи [2], въ Малороссіи [3] и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. Россіи Сарат. г., [4]. Новосельскій—Марцинковскій видитъ въ этомъ обычаѣ символическое выраженіе эмансипаціи сына изъ подъ родительской власти, причемъ новобрачный выступаетъ основателемъ и главой отдѣльнаго рода [5]. Неосновательность этого мнѣнія видна изъ того, что народъ обычаю придаетъ грубый и надменный оттѣнокъ и обращаетъ его прямо противъ родителей невѣсты, а не родителей жениха, какъ слѣдовало бы ожидать въ силу мнѣнія Новосельскаго. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ поблѣднѣвшимъ и выцвѣтшимъ отъ времени остаткомъ обычая насильственно завладѣвать дѣвушкой-невѣстой.

XX. *Вооруженіе брата невѣсты или лица, его замѣняющаго, саблей.* Въ Галиціи по Збручу, когда въ день свадьбы женихъ подходитъ къ невѣстѣ, ея братъ размахиваетъ деревянной саблей, причемъ дѣвушки поютъ: „січи, рубай, сестри не давай“ [6]. Въ Малороссіи еще въ 70 годахъ прошлаго столѣтія за свадебнымъ столомъ сажали свѣтилку [одну изъ подругъ невѣсты], которая держала казацкую саблю, увитую калиновыми вѣтвями съ ягодами [7]. Обычай этотъ встрѣчается въ Малороссіи до сихъ поръ. Обыкновенно въ настоящее время рядомъ или за спиной невѣсты помѣщается мальчикъ съ палкой и не пускаетъ жениха.

XXI. *Вооруженіе дружка плетью и его обыкновеніе хлестать въ домѣ невѣсты лавки и стѣны* встрѣчается у Великоруссовъ [8], Бѣлоруссовъ [9] и Куявлянъ [10].

---

[1] Ст. Гуляевъ, „Библ. для Чт.“ 1848. XC. 32.
[2] Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. 23; Шейнъ, Бѣл. п. 314 Минск. Г. В. 1865 № 24; Носовичъ, Зап. Г. О. по О. Эт. 1873. V. 137.
[3] Этногр. Сборн. I. 303.
[4] Терещенко, Бытъ Р. н. II 342.
[5] Nowosielski, Lud ukr. l. 205.
[6] „Основа,“ 1862. IV. 32.
[7] Калиновскій, Опис. свад. укр. обр. 5.
[8] Этногр. Сб. V. 50; Примѣч. Отечеств. Зап. 1843. XXVI См. 22.
[9] Носовичъ, Бѣл. п. „З. Г. О. по О. Эт.“ 1873. V. 144.
[10] Kolberg, Lud III. 262.

Digitized by Google

Въ настоящее время плетью дружко выгоняетъ гостей невѣсты изъ за стола, за который садятся гости жениха. Въ большинствѣ случаевъ ударъ плеткой указываетъ на первенствующее значеніе на свадьбѣ жениха и его родныхъ.

XXII. *Враждебныя отношенія между гостями жениха и невѣсты.* Въ великорусской и малорусской свадьбахъ гости жениха и невѣсты составляютъ два хора, которые въ пѣсняхъ поражаютъ другъ друга остротами и насмѣшками.

Въ Смоленск. губ.: Говорили, что сваты богаты,
Чорта жъ въ нихъ!
По сметьицу ходили,
Пабросочки сбирали,
Тѣмъ дѣвушекъ дарили
Чорта жъ въ нихъ!

Сватья со стороны жениха на это привѣтствіе отвѣчаетъ:
Потянулись дѣвочки
Изъ-за столья,
Словно сучечки
Изъ подполья! (1)

Въ Арханг. губ.: Какъ въ лѣсѣ тетери
Все чухари;
У (NN) поѣзжане
Все дураки;
Они въ избу идутъ
Столбу кланяются,
Не здороваются.
Столбу бьютъ челомъ,
Будто тестю поклонъ;
Бьютъ ступѣ челомъ,
Будто тещѣ поклонъ;
Шесту бьютъ челомъ,
Будто шурину поклонъ;
Бьютъ лопатѣ челомъ,
Будто свайкѣ поклонъ;
Въ большой уголъ глядятъ,
Бочки пива хотятъ;
Они на грядку глядятъ,
Словно острежка [*] хотятъ. (2)

1) Терещенко, Бытъ Р. н. II 453; Wojcicki, Pies ludu II 138.
*) Острежокъ—очищенное березовое полѣно.
2] Москвитян. 1853. XIV. 90—91.

Digitized by Google

Въ малорусскихъ пѣсняхъ женихъ называется „ворогомъ“ (1). Въ подгородномъ селѣ г. Харькова Григоровкѣ мать невѣсты, одаривая родственниковъ жениха, громко заявляетъ, что подарки идутъ „грабителямъ—ракламъ“ (ракло—мѣстное названіе вора и бродяги). Въ Западной Россіи подруги невѣсты окружаютъ дружка и обвязываютъ его полотенцами; въ пѣснѣ онѣ высказываютъ, что поймали его пьянымъ въ то время, когда онъ удалился отъ дружины жениха, расположившейся въ полѣ (2). Въ особенности много упрековъ и брани приходится на долю свата или свахи и женихова дружка на свадьбахъ великорусскихъ. Къ проклятіямъ голосящей невѣсты они относятся, однако, съ полнымъ равнодушіемъ, зная всю ихъ обрядовую искусственность не смущаетъ ихъ и искренняя грусть невѣсты, по причинѣ твердой увѣренности въ безусловномъ превосходствѣ родительскаго разума надъ дѣвичьей „дуростью“.

У Кашубовъ двое изъ приглашенныхъ на свадьбу молодыхъ людей запрягаютъ четверку вороныхъ коней въ очень большую телѣгу и отправляются въ домъ невѣсты за приданымъ. Пріѣхавъ сюда вечеромъ, они отпрягаютъ лошадей и ставятъ ихъ въ конюшню. Изъ пирующихъ въ домѣ невѣсты гостей то тотъ, то другой выходитъ потихоньку и старается утащить, кто колесо, кто валекъ или т. п. Возницы, замѣтивъ вора, надѣляютъ его побоями [3]. Подобное обыкновеніе въ болѣе грубой формѣ встрѣчается у многихъ дикихъ и варварскихъ народовъ. У Кондовъ Орисссы [центральная Индія] родственницы и пріятельницы невѣсты бросаютъ въ жениха камнями и палками [4]. У Осетинъ аульные мальчики похищаютъ у дружковъ жениха, во время ихъ пребыванія въ домѣ невѣсты, шапки, подпруги или растаскиваютъ приготовленные для угощенія пріѣхавшихъ съѣдобные предметы [5]. У Калмыковъ подруги защищаютъ невѣсту, причемъ наносятъ побои жениху и его роднымъ [6].

XXIII. *Обыкновеніе совершать вѣнчаніе поздно вечеромъ.* Духовенство въ Россіи тщательно оберегало чистоту чина вѣнчанія, и народные обряды къ нему не пристали, за немногими исключеніями. Такъ, умыканіе дѣвицъ въ ночное время, повидимому, не осталось безъ вліянія на время совершенія вѣнчанія. Въ настоящее время въ простомъ народѣ вѣнчаніе бываетъ въ утреннее и вечернее время; въ древности предпочитали время вечернее. Въ былинахъ Михаилъ Потыкъ вѣнчается съ Авдотьей Лиховидьевной, отслушавъ вечерню, когда закатилось солнце красное [7].

---

[1] Метлинск. Южн. пѣс. 207.
[2] Крачковск., „Чтенія“ 1873. IV. 57.
[3] Этногр. Сб. V. 8,
[4] Лэбокъ. Нач, цивил. 65.
[5] Сборн. свѣд. о кавк. горц. IV. отд. III. 21.
[6] Нефедовъ, Подроб. свѣд. о волжс. Калмыкахъ. 194,
[7] Кирѣевскій, Пѣсни. IV. 54—56.

Digitized by Google

XXIV. *Обыкновеніе отправлять молодую въ домъ новобрачнаго поздно вечеромъ* весьма распространено зъ славянскомъ мірѣ. Въ буковинской свадебной пѣснѣ:

Не біймосе ночи
Біг нам на помочи!
Коні нам під ногами
Біймо их острогами,
Острогами залізными,
Нагайками ремінними [1].

Въ сербской свадебной пѣснѣ:

Сунце нам је на заходу, брзо т'е намъ зат'!
А невјеста на одходу, брзо т'е нам пот'! [2].

У древнихъ Грековъ молодую вели въ домъ ея мужа вечеромъ [3]. У Римлянъ domum deductio совершалось съ восходомъ вечерней звѣзды [4].

XXV. *Внесеніе молодой на рукахъ въ домъ новобрачнаго*, иногда при обрядовомъ сопротивленіи съ ея стороны, соблюдается въ В. и З. Россіи [5] и въ Бачкѣ [6]. Мужъ или кто нибудь изъ его родныхъ приподнимаетъ молодую съ повозки и переноситъ ее черезъ порогъ дома. Обычай передавать или переносить молодую черезъ порогъ дома новобрачнаго былъ у Римлянъ [7], во Франціи въ XVII ст. и въ настоящее время распространенъ у краснокожихъ Индѣйцевъ Канады, Китайцевъ, Абисинцевъ, [8] и нѣкот. друг. народовъ.

XXVI. *Сниманіе покрывала молодой кнутовищемъ*, по приведеніи ея въ домъ новобрачнаго, встрѣчается во многихъ мѣстахъ В. и М. Россіи [9]. Въ Олонецк. г. присутствующіе кричатъ при этомъ: „хороша! хороша!“ [10]. Подобное обыкновеніе встрѣчается у Грузинъ [11] и у Кабардинскихъ горцевъ [12].

XXVII. *Освѣщеніе молодой* въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываетъ на куплю невѣсты; напр., въ Волог. губ. женихъ, взявъ свѣчу, три раза поворачиваетъ кругомъ невѣсту, освѣщая ее огнемъ, затѣмъ отдаетъ невѣстѣ свѣчку, которую она относитъ и, возвратившись, становится рядомъ съ женихомъ (13). Въ большинствѣ случаевъ обрядовое освѣщеніе молодой указываетъ на совершавшееся въ

---

[1] Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II. 499.
[2] Вукъ Караджичъ, Срп. нар. пјес. I. 35.
[3] Schoemann, priech. Alterth. II. 494.
[4] Rossbach, Die römische Ehe. 329.
[5] Терещенко, Бытъ Р. н. II 360; Вѣст. Геор, Общ. 1853. VIII. 50.
[6] Rajacsich, Das Leben d. Südslav. 179.
[7] Фриндендеръ, Картины изъ ист. римск. правовъ I. 227.
[8] Лэбокъ, Нач. цивил. 68, 69.
[9] Отечеств. Зап. 1839. IX. См. 62; 1843. XXVI. См. 21.
[10] Биржев. Вѣдом. 1872. №. 292.
[11] Народы Россіи. IV. 395.
[12] Сборн. свѣд. о Кавк. горц. II. Этн. отд. 17.
[13] Вологод. Губ. Вѣд. 1880. № 24.

Digitized by Google

прежнее время похищеніе невѣсты. Въ Угорской Руси, когда молодая является въ домъ мужа, поютъ:

Свѣти, мамко, свѣти,
Што сьме ти привели,
Ци вивцю, ци ягничку,
Ци красну молодичку? (1).

XXVIII. *Символическое бѣгство молодой.* Во Влад. губ. послѣ свадьбы разыгрывается комедія бѣгства молодой къ роднымъ. Кто либо изъ гостей, всегда, мужчина, который побойче и полегче на ногу, нарядившись въ женское платье, въ подражаніе молодой, бѣжитъ къ „своимъ". За нимъ гонятся, кто съ чѣмъ попало и какъ попало, даже съ плетушками въ рукахъ, ловятъ, привязываютъ къ лошади и притворно наносятъ побои, а мнимая молодая только говоритъ, что больше не будетъ бѣгать (2). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи во время свадьбы невѣста убѣгаетъ отъ жениха; онъ ее нагоняетъ и схватываетъ; въ противномъ случаѣ надъ нимъ смѣются (3).

XXIX. *Символическое освобожденіе молодой отъ новобрачнаго.* Въ Малороссіи, когда молодую приведутъ въ домъ мужа, братъ ея или какой нибудь другой ея родственникъ садится на женихову лошадь и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре на своихъ лошадяхъ пускаются за нимъ въ погоню (4).

XXX. *Притворное рваніе косы молодой.* Съ похищенной дѣвушкой не церемонились; съ нея срывали дѣвическія украшенія, ее спѣшили изнасиловать. Актъ изнасилованія выражался, между прочимъ, отрѣзываніемъ косы, дѣйствіемъ, имѣющимъ за собою чуть ли не такую же древность, какъ и жертвоприношеніе волосъ. Въ старинной малорусской пѣснѣ о двухъ сестрахъ плѣнницахъ отрѣзанная коса знаменуетъ потерю дѣвственности (5) Притворное рваніе косы молодой, какъ символъ насильственнаго захвата, встрѣчается во многихъ мѣстахъ В. Россіи, напр. въ Костр. г. (6)

XXXI. *Вооруженное обереганіе молодыхъ въ первую брачную ночь.* Въ княжескихъ и царскихъ свадьбахъ XVI—XVII ст. соблюдалось обыкновеніе назначать боярина на ночь ѣздить вокругъ опочивальни молодыхъ съ обнаженнымъ мечемъ (7). Въ настоящее время обычай этотъ бытуетъ во многихъ мѣстахъ В. Россіи, напр. въ Костр. и Олон. губ. (8). Тождественное обыкновеніе существовало въ древней Греціи, гдѣ стражемъ былъ товарищъ молодаго (9).

---

1) Зап. Геогр. Общ. 1867. I. 702.
2) Ежегодникъ Владим. губ. стат. комит. 1877 III. 86; Владим. губ. вѣд. 1876. № 44
3) Kuhn, Märk Sagen. 358.
4) Терещ., Бытъ Р. н. II. 517.
5) Ант. и Драг., Историч. пѣс. Малор. нар. I. 85.
6) Терещенко, Бытъ Р. н. II. 174.
7) Сахаровъ, Сказ. Р. н. III. Доп. 51, 127; Олеарій, „Архивъ" Калачова 1859. IV 61; Котошихинъ, стр. 9;
8) Терещ., Бытъ Р. н. II. 183, 228.
9) Schoemann, griech Alterth. II 495; Страшкевичъ, Крат. оч. греч. древн. 449.

Digitized by Google

Купля невѣсты, сравнительно съ умыканіемъ, является болѣе высокой и облагороженной формой древняго бракосочетанія. Существуя первоначально въ чистомъ видѣ, купля невѣстъ, съ развитіемъ народнаго сознанія и подъемомъ значенія личности, переходитъ въ простое символическое дѣйствіе, указывающее на бытовавшую нѣкогда форму семейной жизни. Купля невѣстъ, дѣйствительная или символическая, на земномъ шарѣ имѣетъ почти такое же широкое распространеніе, какъ умыканіе. У нѣкоторыхъ народовъ въ самомъ названіи брака кроется значеніе простой торговой сдѣлки; такъ, по аварски бракосочетаніе называется „магари тиз“, что означаетъ; „заключеніе брачнаго торга“ (1).

Геродотъ упоминаетъ о древнемъ обычаѣ Енетовъ, пришедшихъ изъ Иллиріи, ежегодно собирать всѣхъ дѣвицъ, достигшихъ совершеннолѣтія, въ одно мѣсто, гдѣ ихъ покупали мужчины за условленную цѣну. Въ Чехіи въ началѣ прошлаго столѣтія встрѣчался обычай ходить за невѣстой на дороги и базары. Въ Красномъ Бродѣ дѣвичьи базары были два раза въ годъ. Сюда приходили дѣвицы и вдовы съ своими родными, а молодые люди съ своими. Дѣвушки были съ непокрытыми головами, украшенными барвинковыми вѣнками. Мужчина подходилъ къ женщинѣ, которая ему нравилась, подавалъ ей руку и коротко говорилъ: „Ked' ti treba chlopa, pod' do pora“. Дѣвушка выражала свое согласіе тѣмъ, что подавала молодому человѣку руку. Затѣмъ онъ уговаривался съ ея родными о платѣ, и въ заключеніе слѣдовало свадебное пиршество (2). О куплѣ невѣсты есть указаніе въ чешской народной поэзіи (3). Въ моравской свадебной пѣснѣ:

Iedu kupci od Hulina,
Pytajú sa po čem vlna?
. . . . . .
Pod' kupečku, pod' holečku,
Prodame ti jalüvečku,
Z jalüvečky bude krava,
Z tej nevesty mladá žena. (4).

На польской свадьбѣ разыгрывается цѣлая сцена продажи молодой мужу подъ видомъ коровы (5). Въ одной пѣснѣ невѣста говоритъ.

A ja sobie pójdę za piec,
Niby będę plakać;

---

1) Сборн. свѣд. о кавк. горц. III. отд. 3 стр. 25.
2) Časop. čes. Mus. 1859. I 101
3) Erben, Prast, čes. pis V 322
4) Sušil, Morav. nar. pis, II. 445.
5) Народы Россіи I. 72.

Digitized by Google

A wy na to nie zważajcie
Tylko targu dobijajcie,
A będziemy skakać. (1).

Въ болгарской свадебной пѣснѣ невѣста проситъ брата скрыть ее въ „сиво стадо не броено“ или „въ желто жито немѣрено“; но братъ отвѣчаетъ:

Ой тя сестро, милна сестро!
Какъ шта, сестро, да тя скрия?
Отъ сега си продадена,
Продадена, заложена,
Прѣдъ кумове, прѣдъ сватове,
На юнакъ продадена (2).

У Марваковъ отецъ невѣсты получаетъ отъ жениха опредѣленное количество вина, капусты, рису, мяса, сальныхъ свѣчей и проч. т. п. (3). Въ болгарской хороводной пѣснѣ дѣвушка говоритъ молодцу: „женился бы ты тогда, когда дѣвушки были дешевы; нынѣ онѣ вздорожали; за нихъ даютъ червонцы, за малую—сотню червонцевъ, а за большую и тысячу, такъ какъ дѣвицы-это цвѣтокъ незабудка въ Свѣтлый праздникъ, сирень въ день св. Георгія, василекъ въ Спасовъ день,-не то, что парни, которыми помыкаютъ, какъ пустою вещью“ (4).

Въ г. Нерехтѣ Костром. г. не только бѣдные, но и богатые крестьяне продаютъ дочерей и считаютъ даже для себя оскорбительнымъ отдать дочь безденежно (5). Въ Угорской Руси староста молодаго даетъ матери невѣсты деньги за „годувлю“ послѣдней (6). Въ бѣлоруской пѣснѣ “бояре ворота облегли, посыпали золото по земли„ (7). Въ пѣснѣ саратовскихъ крестьянъ:

Темно, темно на дворѣ,
Темнѣе того въ теремѣ:
Бояре ворота облегли,
Торгуютъ, торгуютъ Дуняшу (8).

Въ олонецкой пѣснѣ невѣста жалуется, что прибѣжалъ сватъ скорымъ шагомъ къ „крылечику переному“, вызвалъ ея родителей въ “сѣни рѣшотчаты“ и началъ имъ предлогать за дочь много серебра и жемчуга, города съ пригородками, села съ приселками, отцу сулилъ пуховую шляпу и одинцовый тулупъ, матери куньюшубу,—родители не согласились; когда сватъ пообѣщалъ имъ

---

1) Wojcicki, Pies ludu II. 55.
2) Безсоновъ. Болг. пѣс. II. 21—22.
3) Верковичъ, Опис. быта Болг. 37.
4) Безсоновъ, Болг. пѣс. II 37.
5) Терещенко, Бытъ Р. н. II. 170.
6) Головацкій, “Чтенія„ 1872 IV. 406.
7) Зап. Геогр. О. по отд. эт. 1873 V 164.
8) Терещенко, Бытъ Р. н, II. 344.

Digitized by Google

бадью меду, 40 ведеръ пива и 60 ведеръ водки,—родители не выдержали и промѣняли дорогую дѣвичью волюшку дочери на вѣковѣчную злодѣйную неволюшку (1).

По свидѣтельству свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, невѣсту продавалъ весь родъ, впослѣдствіи одни ея ближайшіе родители. И покупателемъ является не столько самъ женихъ, сколько его родъ и родители. Женихъ и невѣста вполнѣ подчиняются соображеніямъ родителей, въ древнее время всего рода.

Участіе всего рода въ продажѣ невѣсты сказалось въ созывѣ на сговоръ близкихъ и дальнихъ родственниковъ, (2) въ торжественномъ оповѣщеніи жителей того села или города, гдѣ живетъ невѣста (3), въ приглашеніи на свадьбу всей деревни (4), въ поклонахъ невѣсты всѣмъ встрѣчнымъ (5), въ потчиваніи виномъ всѣхъ проходящихъ мимо дома невѣсты (6), въ приготовленіи свадебнаго обѣда или одного коровая на приношенія всѣхъ гостей (7), въ загораживаньѣ дороги поѣзду невѣсты у Бѣлор., Чеховъ, Нѣмцевъ, Крымскихъ Татаръ (8) и въ куничномъ.

Замѣчательно, что свадебному движенію невѣстинаго поѣзда препятствуютъ парни той именно деревни, гдѣ жила невѣста. Женихъ покупаетъ у нихъ право проѣзда. Въ Германіи молодежь преграждаетъ дорогу снуркомъ. Современное народное объясненіе такое:

Wir thun es der Braut zu Ehren,
Woll'n einmal sehen,
Ob sie uns ein Biergeld bescheren! (9).

Первоначально куничное было со стороны невѣсты плата натурой первому въ родѣ, выразителю правъ всего рода, соединявшему въ своемъ лицѣ власть религіозную, какъ жрецъ, и власть административную, какъ старшина. Новобрачная обязана была проводить съ нимъ первую ночь. Это пресловутое jus primae noctis, которымъ пользовались феодалы средневѣковой Европы. Нѣкогда право первой ночи существовало и въ Россіи. В. К. Ольга освободила новобрачную отъ обязанности проводить первую ночь съ княземъ или съ тѣмъ, на чьей землѣ она жила. Ольга установила налогъ за дѣвственную непорочность новобрачной по черной куни, который налогъ женихъ платилъ въ пользу князя. Впослѣдствіи этотъ сборъ обращенъ въ денежный и до конца XVIII ст. назывался куничнымъ. Помѣщики брали со свадебъ деньгами.

1) „Бесѣда" 1872 г. IV. 120.
2) Москвитян. 1853 XIII. 12.
3) Авдѣева, Зап. о. р. б. 67.
4) Časop. č'es. Mus. 1859 I. 93.
5) Ворон. Бесѣда 1861, 161.
6) Верков., Оп. б. Болг. 35. Haupt u Smoler, Volkslied II 233.
7) Терещ. II 327; Этн. сб. I 144; Метлин. 161; Шейнъ, Бѣл. п. 202, 341.
8) Čas. č'es. Mus. 1859 I. 95. Hammerle, Salzburg Hochz—gebr 29; Народы Россіи III 297.
9) Kuhn. Märk. sag. 356.

Digitized by Google

Родъ часть своей власти надъ взрослыми молодыми мужчинами и женщинами передалъ ближайшимъ роднымъ брачущихся, отцу, матери и брату. Отецъ получилъ неограниченное общепризнанное господство надъ сыномъ и, въ особенности, надъ дочерью. Въ домонгольскій періодъ русской исторіи браки князей устраивались родителями, кромѣ особенныхъ случаевъ; напр., когда родителей не было въ живыхъ. Въ лѣтописяхъ обычны выраженія: „поя за сына", „оженн сына", „проси дщери (такого то) за сына своего", „отда дщерь свою за". По свидѣтельству Рейтенфельса, въ царствованіе Алексѣя Михайловича брачные договоры были заключаемы родителями жениха и невѣсты безъ вѣдома послѣднихъ (1). Корбъ въ своемъ описаніи Москвы 1698 г. говоритъ, что считали неприличнымъ, если женихъ до свадьбы видѣлъ свою невѣсту (2). Въ Елабужск. у. Вятск. г. родители молодого человѣка считаютъ грѣхомъ предоставить выборъ невѣсты на его волю и усмотрѣніе (3). Западно-русскій селянинъ самостоятельно женится только тогда, когда нѣтъ въ живыхъ его родителей (4). Въ Герцеговинѣ лишь недавно вышелъ изъ употребленія обычай уговариваться о женитьбѣ дѣтей еще до рожденія послѣднихъ (5). Въ настоящее время въ М. Россіи за дѣвушкой признаютъ право выбора мужа. Зап. Россія стоитъ на пути къ такому признанію; пока довольствуются только формальнымъ спросомъ невѣсты объ ея согласіи. Въ В. Россіи родительскій произволъ господствуетъ еще неограниченно, и невѣста продолжаетъ призывать Бога судьей надъ ея отцомъ и матерью, приневолившими ее выдти замужъ (6).

Обыкновеніемъ женить парней слишкомъ молодыми объясняется черногорскій обычай деверства, состоящій въ томъ, что братъ или другой близкій родственникъ жениха 3 дня и 3 ночи находится безотлучно при молодой и даже спитъ съ ней. (7) Въ южной Индіи у Редди женятъ ребенка (5-6 лѣтъ); вышедшая замужъ живетъ съ дядей или двоюроднымъ братомъ по матери; дѣтей усыновляетъ ребенокъ мужъ (8).

Малороссійскіе старосты, избираемые обыкновенно изъ почетныхъ людей села, въ древнее время могли быть послами отъ всего рода. Древлянскіе старосты, пришедшіе къ в. к. кіевской Ольгѣ, были многочисленны. Обыкновеніе избирать именно двухъ сватовъ возникло съ выступленіемъ на первый планъ, при совершеніи бракосочетанія, родителей жениха, отца и матери. Старосты сдѣлались представителями послѣднихъ.

---

1) Журн. М. Н. Пр. 1839 XXIII 52.
2) Пассекъ, Очерки Россіи IV 93.
3) Вятск. Губ. Вѣд. 1861 № 2.
4) Крачковскій, "Чтенія" 1873 IV. II.
5) Вукъ Карадж,, Ковчеж. 13.
6) Ст. Гуляевъ, "Библ. для чт." 1848 XC. 9.
7) Макушевъ, Задун. и Адріат. Слав. 22.
8) Лэбокъ. Нач. цивил. 49.

Digitized by Google

Дѣвушку, послѣ того кѣкъ участіе всего рода въ продажѣ ея вышло изъ употребленія, продавали а) отецъ ея, на что есть указанія въ великорусскихъ пѣсняхъ Арханг. и Костр. губ. (1), б) мать или женщина, ее замѣняющая, что сказалось въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ (2) и въ слѣдующемъ обрядѣ Познанскихъ Поляковъ. Родственница невѣсты приказываетъ послѣдней положить ногу на столъ. Женихъ кладетъ одну мелкою монету на ея сапогъ, другую—на колѣно, третью—на плечо и четвертую—на голову. Тогда женщина продавщица начинаетъ радоваться, бить въ ладоши, танцовать и передаетъ невѣсту жениху (3); и в) братъ или лицо, его замѣняющее, большею частью мальчикъ, что сказалось въ великорускихъ, малорускихъ и сербскихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ (4).

Свадебные обряды, относящіеся къ куплѣ невѣсты, приблизительно можно сгруппировать въ слѣдующіе отдѣлы:

I) *Сватовская формула „у васъ товаръ, у насъ купецъ“*, распространенная въ В. и М. Россіи (5). У Сербовъ Лужицкихъ сватъ начинаетъ свою рѣчь вопросами: не продается ли въ домѣ отца невѣсты поросенокъ, бычокъ, льняное сѣмя, просо и т. п. и потомъ переходитъ къ дѣвушкѣ (6).

II) *Пропой невѣсты*, соблюдаемый въ разныхъ мѣстахъ В. Россіи (7) и у Малороссовъ Буковины (8). Въ свадебной пѣснѣ Руси Угорской:

Пропили' сьте молодицю
За паленки бербеницю! (9).

Въ Ярослав. г. пропой невѣсты совершается въ ближайшемъ торговомъ селѣ (10). Въ Калужск. г. на пропоѣ невѣсты присутствуютъ молодые люди той улицы, гдѣ она живетъ.

III) *Продажа косы*—весьма распространенный обрядъ въ В., М. и Б. Россіи. Купившій косу, подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за косу и кладетъ на столъ деньги (11). Въ пѣсняхъ очень часто коса служитъ символомъ невѣсты.

IV) *Прикосновеніе къ челу невѣсты серебреной монетой*. У Марваковъ женихъ три раза ударяетъ невѣсту по челу серебреной монетой (12).

---

1) Москвитян. 1853. XIV 25; Терещ., Бытъ Р. н. II. 168.
2) Сборн. памяг. нар. творч, въ С. З. краѣ. CCXXXVIII.
3) Kolberg, Lud XI. 178.
4) Метлинск. 195; Терещ. II 518; Этногр. Сб. I 155; Снегир. Рус. прост. празд. IV. 164; Этногр. Сб. I 305; Rajacsich, Das Leben d. Südslau. 155.
5) Терещ., II 143, 192, 231, 263, 289; Москвитян. 1842. V. 445; Крачковск. „Чтенія“ 1873, IV 10.
6) Haupt ú. Smoler, Volkslied. II. 228.
7) Нар. Россіи I. 13; Этногр. Сб. V. 25.
8) Зап. Ю. З. д. Геогр. Общ. II. 475.
9) Головацкій, „Чтенія“ 1872 IV. 441
10) Москвит. 1842 IV. 452.
11) Терещ., Бытъ Р. н. II. 132.
12) Верковичъ, Опис. быта Болг. 33.

Digitized by Google

V) *Осмотръ невѣсты.* Въ Волог. г. женихъ и его родственники осматриваютъ невѣсту, какъ товаръ: со свѣчей въ рукахъ осматриваютъ шею, руки, уши, предлагаютъ пройтись по комнатѣ, чтобы узнать ея походку и т. д. (1)

VI) *Выкупъ мѣста около невѣсты или ея сундука жинихомъ* совершается у Марваковъ (2) и во многихъ мѣстахъ В. и М. Россіи. Въ Малороссіи обычай этотъ былъ уже въ 70 годахъ прошлаго столѣтія (3).

VII) *Рукобитье* состоитъ въ томъ, что сватъ бьетъ послѣ сговора по рукамъ, захвативъ полу своего верхняго платья, съ отцемъ невѣсты и со всѣми родными мужчинами невѣсты. Обычай этотъ распространенъ во всей В. Россіи (4) и встрѣчается въ Германіи (5).

Завертываніе руки полой бываетъ, какъ уже сказано, послѣ сговора, затѣмъ во время благословенія жениха и невѣсты родителями (6), во время потчиванія невѣсты виномъ со стороны дружка (оборачивается рука дружка) (7); во время молебна наканунѣ свадьбы въ Тверск. г. руку невѣсты завертываютъ въ длинный рукавъ ея рубашки (8). У Чеховъ невѣста на другой день послѣ свадьбы получаетъ дары рукой, завернутой въ полотенцѣ (9). Въ старину (XVIII ст.) въ Курскѣ женщины для свадьбы имѣли „шубку длинный рукавъ", т. е. шубу, одинъ рукавъ которой висѣлъ до земли (10). Въ В. и М. Россіи руку завертываютъ полой при продажѣ лошади (11). Руку заворачиваютъ полой, потому что голая рука знаменуетъ бѣдную жизнь; завернутая рука обѣщаетъ богатство. Обычай возникъ въ слѣдствіе сближенія и отождествленія понятій голаго и бѣднаго, отождествленія, особенно ясно сказавшагося въ извѣстномъ великорусскомъ дѣвичьемъ гаданіи въ дверяхъ бани.

VIII) *Подмѣнъ невѣсты.* У древнихъ Индусовъ въ число свадебныхъ обрядовъ входила мистификація жениха посредствомъ приведенія къ нему не невѣсты, а посторонней дѣвушки (12). Тождественное обыкновеніе встрѣчается въ настоящее время у Лаборскихъ Русскихъ (13) и у Сербовъ Лужицкихъ (14). Вмѣсто невѣсты выводятъ старуху у Черногорцевъ (15), Сербовъ-Лужицкихъ (16) и у

---

1) Терещенко, Бытъ Р. н. 231—233.
2) Верковичъ, Опис. быта Болг. 33.
3) Калиновскій, Опис свад. укр. обр. 1777. 10.
4) Отечеств. Зап. 1839. IX. См. 62; Терещ. II. 167, 232.
5) Mülhause, Die Urrelig. d. d. Volk. 195.
6) Труды Этн. Отд. Общ. Люб. Естеств. V. I 93; Пермен. сб. I, 7.
7) Ст. Гуляевъ. Библ. для чт, 1848 XC. 35.
8) Этногр. Сб. I 188.
9) Časop čes Mus 1859 I. 100.
10) Авдѣева, Зап. о. рус. бытѣ 69.
11) Вѣст. Геогр. Общ. 1853 VII 95.
12) Weber, Ind stud V. 393.
13) Головацкій, "Чтенія" 1872 IV 427.
14) Haupt ú Smoler, Volkslicd II 232.
15) Макушевъ, Задун. и Адріат. Слав. 1867, стр. 21.
16) Haupt ù Smoler Volkslied II 232.

Digitized by Google

Чеховъ (1); у послѣднихъ дружко спѣшитъ замѣтить: „staťena ta odraná, nenina˙e obrana!“ Подобный обычай существовалъ въ XVIII ст. у жителей о. Зельта (2) и существуетъ еще въ Зальцбургѣ (3).

IX) Соединеніе рукъ брачущихся не столько знаменуетъ ихъ взаимную любовь, сколько передачу дѣвушки во власть мужчины. Купецъ—отецъ, выгодно продавшій свой товаръ—дочь, передавалъ ее въ руки жениха покупателя. Брачный обрядъ соеденения рукъ восходитъ къ праарійскому времени. Въ санскр. бракъ называется karagraha или pânigraha-взятіе руки. Въ Р. В. женихъ hastagrabha, т. е. берущій руку (4) Котошихинъ говоритъ о передачѣ невѣсты родителями жениху изъ рукъ въ руки (5). Въ настоящее время обрядовое соединеніе рукъ молодыхъ встрѣчается во всей Россіи; въ Чехіи оно встрѣчается въ нѣсколько измѣненной формѣ: сватъ береть правую руку невѣсты и кладетъ ее на правую руку жениха (6).

Получивъ невѣсту, какъ товаръ, какъ купленную вещь, молодой на первыхъ порахъ своей брачной жизни старался напомнить ей символическимъ образомъ о ея полной подчиненности. Главенство молодаго, опредѣленное уже въ словахъ Владиміра Мономаха „жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти“, символически выражаютъ слѣдующіе свадебные обряды.

1) Ударъ невѣсты плеткой. По словамъ Корба, отецъ невѣсты билъ послѣднюю слегка плеткой, которую затѣмъ передавалъ жениху; женихъ закладывалъ плетку за поясъ [7]. Подобное обыкновеніе въ настоящее время встрѣчается въ западной Россіи. Мать невѣсты подаетъ жениху прутъ и проситъ его не бить ея „дочушки кулакомъ, а гетакимъ дубчикомъ“ (8). У Кашубовъ, во время очепинъ молодой, ея отецъ, мать или опекунъ бьетъ ее рукой по лицу, давая этимъ знать, что она не должна много о себѣ думать въ замужествѣ [9]. Это напоминаютъ родители. Молодой съ своей стороны не забываетъ сдѣлать подобное напоминаніе; одинъ или три раза онъ наноситъ новобрачной ударъ плеткой въ В. и З. Россіи (10), у македонскихъ Болгаръ Поленцовъ [11] и у Куявянъ [12]; у послѣднихъ подруга невѣсты принимаетъ на себя удары.

---

1) Kulda, Swadba u nar ˇes slov 17.
2) Klemm, Die Frauen II. 169.
3) Hammerle, Salzburg Hochz-gebr. 18.
4) Pictet, Les orig II. 336.
5) Котошихинъ. 122.
6) Kulda, Swadba u nar ˇes slov. 20.
7) Пассекъ, Очерки Россіи IV. 94.
8) Крачковскій, “Чтенія“ 1873 IV. 76.
9) Kolberg, Lud XI. 205.
10) Снегиревъ, Рус. прост. празд. IV. 147.
11) Верковичъ, Опис. быта Болг. 15.
12) Kolberg, Lud III. 256.

Digitized by Google

2) Заплетеніе и подстриганіе косы невѣсты,—обрядъ въ основаніи своемъ миѳическаго свойства, у разныхъ народовъ получило значеніе символа подчиненія молодому новобрачной. По древнему германскому обычаю свободный человѣкъ передачею волосъ другому подчинялся ему, какъ отцу и господину (1). У древнихъ Литовцевъ подстригали волосы молодой, въ знакъ ея подчиненности мужу [2]. Въ Орловской губ. новобрачный самъ расплетаетъ и заплетаетъ косу невѣсты (3).

3) Молодой наступаетъ новобрачной на правую ногу у Марваковъ (4) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. и М. Россіи.

4) Положеніе свадебнаго хлѣба поверхъ свадебнаго хлѣба невѣсты у Велик. корусовъ и Бѣлорусовъ (5).

5) Прикрываніе невѣсты женихомъ полой платья, по окончаніи вѣнчанія, въ концѣ XVII ст., по словамъ Корба, соблюдалось въ Московской области[6], въ концѣ прошлаго столѣтія у Донскихъ казаковъ [7] и въ настоящее время въ Себежск. у. Витеб. г. [8].

6) Разуваніе. Въ Лаврент. лѣт. подъ 980 г. Рогнѣда говоритъ о кн. Владимірѣ „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“ [9]. Въ великорусской былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ:

Не доѣхавши Иванъ до города Кіева,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты, душечка, Овдотья, лебедь бѣлая,
Сойди ко Овдотья со добра коня,
Разуй ко у меня сафьянъ сапогъ“ [10],

Есть свидѣтельства о разуваніи въ В. и М. Россіи въ прошломъ столѣтіи [11]. Разуваніе молодаго невѣстой встрѣчается въ В., Б и М. Россіи [12], хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по свидѣтельству этнографовъ, выходитъ изъ употребленія (13). Въ малорусской пѣснѣ парубокъ поетъ:

---

1) Срезневскій, въ “Архивѣ“ Калачова II. 121.
2) Kraszewski, Litwa. 1847. I. 236.
3) Терещенко, Бытъ Р. н. II 202.
4) Верковичъ, Опис. быта Болг. 32.
5) Этногр. сб. II. 182; Терощ. II. 182; Носовичъ. Бѣл. п. “З. Г. О. по О. Э.“ 1873 V. 145.
6) Пассекъ, “Очерки Россіи“ IV. 95.
7) Якушкинъ, Обычн. право- 1875 XI.
8) Вѣсн Геогр. Общ. 1853. VIII. 43.
9) Лѣтоп. по Лавр. сп. 1872 стр. 74.
10) Труды Этн. Отд. Об. Люб. Естеств. V. II- 17.
11) Абевега 1786. 9.; Калиновскій, Опис. свад. укр. обр. 16.
12) Терещ- II. 183, 205; Шейнъ, В. II. 539; Тр. Э. О. О. Л. Ест. V. 1. 80; Этн. сб. V. 19, 71; Бесѣда 1872 VI 117; Пермск. сб. I. 92; Этн. сб. III. 271; Основа 1862 IV. 37; Терещ. II 532.
13) Терещ. II. 183.

Digitized by Google

Дівчино моя,
Розуй мене на .

Дѣвушка отвѣчаетъ:

Розуватиму
Кого знатиму;
Ледачого обійду,
Не займатиму (1).

Въ другой малорусской пѣснѣ:

Обернись, милий,
Я тебе розую,
Твое биле личко
Сім раз поцілую (2).

Въ Сербіи въ первое время послѣ свадьбы молодая обязана разувать мужа, свекра и свекровь (3), въ Славоніи только мужа (čizme skida) (4). Въ Германіи во время Лютера былъ обычай, что молодая снимала въ первую брачную ночь сапогъ съ ноги молодаго и клала его на небо постели, въ знакъ господства мужа (5). Отъ свадебнаго обычая разуванія возникло гаданіе: мужчина, ложась въ постель съ однимъ сапогомъ на правой ногѣ, загадываетъ о суженой. Если во снѣ дѣвушка сниметъ сапогъ съ него, значитъ онъ скоро женится (6).

7) Цѣлованіе ногъ молодаго новобрачной, соблюдавшееся, по словамъ Рейтенфельса, въ Московской области (7).

Особнякомъ стоитъ слѣдующій свадебный обрядъ: Передъ отправленіемъ нѣвѣсты къ вѣнцу запираютъ (въ губ. Костром., Яросл., Нижегор. и др.) двери, и всѣ присутствующіе на нѣсколько времени садятся (8). Обыкновеніе это соблюдается также при отправленіи кого либо въ дальную дорогу. Этотъ обычай указываетъ на отдаленное время славянской жизни, когда малочисленное населеніе было разбросано на большомъ пространствѣ, и выданной замужъ дѣвушкѣ приходилось далеко ѣхать. Отсюда возникла необходимость временнаго отдыха передъ отправленіемъ молодой въ домъ мужа.

Умыканіе и купля невѣсты сказались въ глубоко тоскливомъ тонѣ свадебныхъ пѣсенъ и въ обильныхъ слезахъ невѣсты. Въ В. и М. Россіи, въ Верхнемъ Пфальцѣ (9) и въ Тиролѣ (10) выработалось даже убѣжденіе, что невѣста, же-

1) Труды Э. С. Эксп. въ З. р. кр. IV. 438.
2) Сборн. нам. нар. тв. въ СЗ. кр. CLXVII.
3) Гласник. 1867. V. 136.
4) Nič. Nar. slav. običaji. 67.
5) Снегиревъ. Рус. простъ. празд. IV. 123.
6) Терещенко, Бытъ Р. н. VII. 264.
7) Журн. М. Н. пр. 1839. XXIII. 52.
8) Терещ. II 180. Этногр. Сб. I. 48, 156.
9) Wuttke, Volksabergl. 348.
10) Zingerle, Sitte, Bräuche u. Mein. des Tirolenvolkes. 1871. 22.

Digitized by Google

лающая въ замужествѣ быть счастливой, должна много плакать на свадьбѣ. Г. Кулишъ въ грусти малорусскихъ свадебныхъ пѣсенъ видитъ слѣды вліянія кровавыхъ битвъ южнорусскаго народа съ Татарами (1). Грусть эта—результатъ древнихъ семейныхъ отношеній, порабощенности дѣвушки, и идетъ она съ тѣхъ поръ, когда „умыкиваху у воды дѣвицѧ“,

Въ свадебныхъ пѣсняхъ черными красками обрисована чужая дальная сторонушка жениха; она

Въ темнемъ лѣсу да во раменьѣ.....
Тоской кручинушкой изусѣяна,
Горючими слезами исполевана,
Она печалью да огорожена,
Кручинушкой изувязана. (2).

Въ пѣснѣ Лаборскихъ Русскихъ въ краю жениха „хлѣб не родить, лем дрібни бандурки [бульбы]“ [3].

Люди въ жениховомъ краю не имѣютъ на стѣнахъ иконъ. „на покутьѣ на лопату Богу молятся“ [4].

Чужи люди, словно темный лѣсъ,
Словно туча грозная:
Безъ морозу сердце вызябнетъ,
Безъ бѣды глаза выколятъ [5].

Изба жениха немытая [6]; углы у ней не отрублены, вершины не очищены [7].

Родители жениха,—и назвать ихъ невѣста не хочетъ:

Отъ горя—горя свекоръ—батюшка,
А отъ тоски—тоски свекровь—матушка. [8]

Въ дѣйствительности богоданный батюшка „старчище старое“, богоданная матушка—„муравьище кипучее“, вмѣстѣ они, что медвѣдь со медвѣдицей, деверьецо—братьецо—„ножи то булатные“, „шишица колючая“, сестрицы—„крапива то жгучая“, „сороки вѣщицы“ [9].

Самъ женихъ только отъ злата вѣнца ладоладушка„ [10], въ дѣйствительности, какъ крапива жгучая, какъ осока рѣзучая (11). Онъ рѣдко—рѣдко обѣщаетъ свою жену „сытно кормить, сытой поить, къ отцу, къ матери пускать, въ

1] Кулишъ, Ист. возсоед. Руси I. 158.
2] Пермск. Сб. I 38.
3] Головацкій, „Чтенія“ 1872. IV. 431.
4] „Бесѣда“ 1872. VI. 119.
5] Сахаровъ, Сказанія Р. н. III. 173.
6] „Бесѣда“ 1872. VI 119.
7] „Москвитян“. 1841. VI. 476.
8] Кохановская, Нѣск. рус. пѣс. „Русская Бѣсѣда“ 1860. I. 80.
9] Москвитян. 1841. VI. 476; Терещ. II. 247.
10] Кохановская, „Русск. Бесѣда“ 1860. I. 80.
11] „Москвит“. 1842. IV. 448.

Digitized by Google

обновы одѣвать, чужимъ людямъ хвалить", и то подъ условіемъ, чтобы она кланялась его батюшкѣ, матушкѣ, всей роднѣ (1).

Въ виду тѣхъ особенностей, которыми отличается женихъ и его родня, неудивительно, что у молодой замужней женщины, по словамъ пѣсни Арханг. губ., „помутятся очи ясныя, покотятся слезы горькія по бѣлу лицу блѣдному, по лицу истомленному" (2). Предчувствуя это, невѣста (Шенкурск. у. Арханг. г.) проситъ родителей о благословеніи слѣдующей печальной пѣснью:

Батюшка и матушка! благословите мыкать горе великое и со слезами горючими,
Отведите вы горя великаго за три горы высоки, а горючихъ то слезъ за три Дунай—рѣки быстрыи (3).

Въ бракѣ по договору отличаютъ: а) заключеніе брака по договору однихъ родителей, причемъ воля самихъ молодыхъ людей ничего не значитъ, и ихъ только для соблюденія внѣшней благовидности спрашиваютъ о согласіи на вступленіе въ бракъ, и б) заключеніе брака по взаимному уговору брачущихся, причемъ родительское согласіе и благословеніе имѣетъ только экономическое и нравственное значеніе. Договорная форма брака выработалась въ глубокой древности и жила у однихъ и тѣхъ же народовъ бокъ-о-бокъ съ умыканіемъ и куплей. По свидѣтельству лѣтописца Нестора, бракъ Полянъ совершался въ договорной формѣ. Въ формѣ исключительно родительскаго уговора встрѣчается бракъ въ В. Россіи. Только въ очень немногихъ мѣстахъ женихъ и невѣста имѣютъ самостоятельное значеніе; такъ, въ Олонецк. губ. браки происходятъ съ согласія жениха и невѣсты, которому и сами родители не въ состояніи сопротивляться (4). Въ Малороссіи получило полное право гражданства и всеобщее распространеніе заключеніе бракосочетаній по взаимному договору самихъ брачущихся. У Малороссовъ Астрах. губ. никогда противъ воли ни женятъ, ни отдаютъ замужъ (5). Въ малорусской пѣснѣ дѣвушка договоръ родителей скрѣпляетъ своимъ согласіемъ, выражающимся обрядовымъ положеніемъ руки невѣсты на руки ея отца и женихова свата во время рукобитья:

Змовленая Марусенька
Положила білу руку на заруку (6).

У Чеховъ молодые заранѣе, до сватовства, входятъ между собой въ соглашеніе и мѣняются кольцами (7). У Сербовъ Лужицкихъ женихъ обыкновенно сватаетъ самъ (8). У Сербовъ княжества женихъ выбираетъ, а сватомъ идетъ

---

1) Сахаровъ, Сказ. Р. н. III. 169.
2) „Москвитян". 1853. XIV. 30.
3) Труды Этн. Отд. Люб. Естеств. V. I. 103.
4) Отеч. Зап. 1839. IX. См. 61. Зап. Г. О. по Отд. Эти. 1873. III. 610.
5) „Волга" 1864 № 51.
6) Метлинск., Южнор. пѣс. 124.
7) Sbor. ces Mus. 1859. I. 92.
8) Haupt u Smoler, Volkslied II. 228.

Digitized by Google

его отецъ (1). Заключеніе брака по договору въ настоящее время распространено у всѣхъ Славянъ, хотя мнѣніямъ и чувствамъ самихъ брачущихся не вездѣ придается одинаковое значеніе: болѣе всего свободы предоставляется имъ у южныхъ и западныхъ Славянъ и менѣе всего у Славянъ сѣверо-восточныхъ.

Договорное бракосочетаніе сказалось:

I) *Въ обрядовомъ спрашиваньи жениха и невѣсты ихъ родителями или сватами о согласіи на вступленіе въ бракъ*, распространенномъ въ Сербіи (2) и во многихъ мѣстахъ Россіи, въ губ. Вятской (3), въ Волынской (4) и др.

II) *Сватъ спрашиваетъ у невѣсты позволеніе ввести жениха въ избу* въ Орловск. г. (5).

III) *Женихъ и невѣста изъявляютъ согласіе на вступленіе въ бракъ послѣ продолжительнаго въ присутствіи гостей смотрѣнія друга на друга* въ губ. Ярослав. (6), Орлов., Волог. (7) и др.

IV) *Родители невѣсты осматриваютъ домъ жениха*, что въ Тульск. губ. называется „смотрѣть колушки“ (8), у Лаборскихъ Русскихъ „смотрѣть углины“ (9). Обычай этотъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ В. и З. Россіи (10) и у Сербовъ Лужицкихъ (11).

V) *Родня жениха во время сговора становится у порога и прислуживаетъ родственникамъ невѣсты* въ слоб. Трехъизбянской Староб. у. Харьк. г. (12).

VI) *Родители молодой высказываютъ намѣреніе взять ее обратно, въ случаѣ дурной жизни въ домѣ мужа.*

Въ галицкой пѣснѣ:

Вийди, Марунепько, до нас вийди,
Ци нема тобѣ крівди,
Може ті е крівдонька,
Возьмемо тя назад с собою! (13).

VII) *На невѣсту надѣваютъ шапку жениха.* Объ этомъ обрядѣ говорится въ одномъ рукописномъ сборникѣ половины XVI ст. (14); встрѣчается онъ и въ на-

1) В. Карадж., Ковчеж. 43.
2) Гласник. 1867. V. 131.
3) Этногр. сб. V. 93.
4) Ibid. I. 303.
5) Терещ., Быть Р. н. II, 196.
6) „Москвит., 1853. XIV 105.
7) Терещ. II. 196. 231—232.
8) „Москвит.“ 1853. XIV. 105.
9) Головацкій, „Чтенія“ 1872. IV. 414.
10) Этногр. сб. I. 187.
11) Haupt. u Smoler. Volkslied. II. 228.
12) Этногр. сб, III. 10.
13) Головацкій, „Чтенія“ 1872 III. 281.
14) Погод., Древ. рус, ист. II. 749; Бусл., Эпич. позз. 47.

Digitized by Google

стоящее время. Въ Украинѣ, послѣ свадьбы, парня, замѣняющаго жениха, одѣваютъ въ намитку, какъ молодую (1).

VIII) *Невѣста въ опочивальнѣ раздѣваетъ жениха и женихъ невѣсту* у южноавстрійскихъ Сербовъ (2).

IX) *Женихъ посылаетъ невѣстѣ сорочку, а невѣста жениху* въ Германіи [3] и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ въ Россіи. Здѣсь дѣло обходится тѣмъ, что одна невѣста даритъ жениху сорочку.

X) *Поднесеніе невѣстѣ ключей женихомъ* или отъ ея собственнаго сундука съ приданымъ, или отъ сундука жениха соблюдается во многихъ мѣстахъ В. Россіи [4] и въ Германіи [5].

Только бракосочетаніе по взаимному согласію молодыхъ людей могло отразиться въ народной поэзіи веселой пѣсней, и невѣста съ увѣренностью могла сказать: „лепше миленькій, як брат рідненькій“ [6] и надѣяться, что у свекра и свекрови найдетъ болѣе привѣта и ласки, чѣмъ у роднаго отца и матери. [7].

На первыхъ страницахъ несторовой лѣтописи встрѣчается уже ясное свидѣтельство объ умыканіи дѣвицъ по предварительному договору съ послѣдними. Умыканіе происходило вблизи рѣкъ „на игрищахъ межю селы“. Поляне развились до степени договорнаго брака: „не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче“; это значитъ, что женихъ не участвовалъ въ сватовствѣ; сватовство вели его родители; они уговаривались съ родителями невѣсты о выдачѣ послѣдней замужъ, причемъ, быть можетъ, взносили за дѣвушку извѣстную плату; молодую приводили въ домъ мужа, по общему всѣмъ Аріямъ обычаю, вечеромъ; на другой день утромъ приносили ея приданое, состоявшее, вѣроятно, изъ платья, женскихъ украшеній и т. п. добра. Приданое могло идти рука объ руку съ вѣномъ. Думаемъ, что полянскій бракъ имѣлъ большое сходство съ греческимъ бракомъ гомеровaго времени. Неосновательно думать, что у Древлянъ, Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ „брака не бываше“. Навѣрно и у нихъ были брачныя церемоніи, вовсе не такъ рѣзко отличавшіяся отъ брачнаго ритуала Полянъ, какъ старается изобразить преданный своему племени древній лѣтописецъ; только у нихъ бытовало болѣе древнихъ, въ глазахъ образованнаго по своему времени лѣтописца очень грубыхъ, свадебныхъ обрядовъ. Народы эти жили въ лѣсистыхъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ главныхъ торговыхъ путей и потому,

---

1) Nowosielski, Lud ukr I. 231.
2) Rajacsich, Das Leben d. Südslav 147.
3) Wuttke, Volksabergl. 347.
4) Снегиревъ, Рус. прост. празд. IV 146.
5) Liebrecht, Zur Volkskunde. 300.
6) Головацкій, „Чтенія“ 1871 . IV. 87.
7) „Москвитян.„ 1853. XIII. 111.

Digitized by Google

естественно, сохранили въ своихъ нравахъ и обычаяхъ болѣе первобытной грубости, чѣмъ Поляне, осѣвшіе въ плодородномъ Приднѣпровьѣ на великомъ торговомъ пути древняго русскаго міра изъ Варягъ въ Греки.

Полянская свадьба, по свидѣтельству Нестора, продолжалась довольно продолжительное время, въ теченіе котораго должно было совершаться не мало обрядовъ, судя по современнымъ русскимъ свадьбамъ, имѣвшихъ религіозное значеніе, обрядовъ, выражавшихъ бракосочетаніе свѣтилъ небесныхъ, участіе послѣднихъ въ людскомъ брачномъ торжествѣ и формы поклоненія имъ древняго человѣка.

НЕБЕСНЫЕ БРАКИ.

Въ отдаленный доисторическій періодъ народнаго развитія, съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ опредѣленной формы соединенія двухъ половъ, черты брака человѣческаго были перенесены на небо. Простодушная и наивная мысль древняго человѣка небесное и земное переплела нераздѣльно; событія человѣческой жизни она перенесла въ воздушныя сферы; небесными явленіями она украшала скромное человѣческое существованіе; солнечными лучами обливала новобрачную и сдѣлала ее также лучезарной и священной, какъ само солнце, цвѣтами радуги опоясала станъ дѣвушки и разсыпала плодотворныя молніи, пролила весенній животворный дождь среди пирующихъ свадебныхъ гостей. Солнце, луна, звѣзды, земля и молнія стали принимать дѣятельное участіе въ судьбѣ человѣка, опредѣлять время его рожденія и счастье или несчастье всей будущей жизни, устраивать бракосочетанія и. т. д.

Перенесеніе брачныхъ свойствъ свѣтилъ небесныхъ на человѣческій бракъ сдѣлало послѣдній таинствомъ. У многихъ народовъ, въ томъ числѣ у образованнѣйшаго народа древности,— Грековъ, бракъ считался таинствомъ (1). Небесный бракъ сталъ освящающимъ первообразомъ брака земнаго и придалъ послѣднему священное, таинственное значеніе. У древнихъ Индусовъ всѣ восемь формъ брака (брама, даива, арша, кая, асура, гандарва, ракшаса и писача) носили имена боговъ или демоновъ. Наиболѣе уважаемыя формы брака получили имена наиболѣе чтимыхъ боговъ.

1] Страшкевичъ, Крат. оч. греч. древн. 448.

Digitized by Google

Съ женитьбой и замужествомъ издавна соединяли мысль о предопредѣленіи. Кто на землѣ вступаетъ въ супружескій союзъ,—значитъ такъ было заранѣе предназначено въ небесной книгѣ. Отсюда выраженія: „суженый“, „суженая“, „суженаго и конемъ не объѣдешь“. Въ великорусскихъ пѣсняхъ мужъ, свекоръ и свекровь для новобрачной богоданные; въ малорусской пѣснѣ: „тим я его полюбила, що судився мій“; по польскому народному выраженію: „smierć i żona od P. Boga przeznaczona“.

Отмѣтимъ супружескія небесныя пары, въ большей или меньшей мѣрѣ входившія въ міровоззрѣніе славянскихъ народовъ.

1) НЕБО И ЗЕМЛЯ. „Очевидное для всѣхъ, говоритъ Аѳанасьевъ, вліяніе неба на земные роды (урожаи) невольно возбуждало въ умѣ мысль о супружескомъ союзѣ отца Неба съ матерью Землею. Небо дѣйствуетъ, какъ мужская плодотворящая сила, проливая на землю свои согрѣвающіе лучи и напояющій дождь, издревле уподобляемый плотскому сѣмени; а земля принимаетъ весеннюю теплоту и дождевую влагу въ свое лоно и только тогда чреватѣетъ и даетъ плодъ. Согласно съ этимъ, небо обозначалось словами мужескаго, а земля—женскаго рода“. (1). Въ Новой Зеландіи дикіе родоначальниками человѣческаго рода считаютъ Ранги и Папу, т. е. Небо и Землю (2). У Ирокезовъ установителями брака считается богъ неба Торонгіавагона (3). Въ древнемъ природномъ культѣ Китая олицетворенная земля занимаетъ мѣсто непосредственно послѣ Неба. Тіэнъ и Ту тѣсно связаны между собою въ народной религіи, и понятіе объ этой четѣ, какъ о міровыхъ родителяхъ, развивается въ символикѣ Китайцевъ. Преклоненіе жениха и невѣсты передъ отцомъ и матерью всего существующаго, почитаніе Неба и Земли, составляли существенный обрядъ китайскаго брака (4).

Небо у древнихъ Индусовъ являлось началомъ производительнымъ, активнымъ (Dyâushpitar),а земля началомъ пассивнымъ, жен-

---

[1] Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. Слав. на пр. I. 64.
[2] A. Maury, Hist. des relig. de la Grece ant. II 72.
[3] Тэйлоръ, Первобытн. культ. II. 308.
[4] Ibid. II. 323.

Digitized by Google

скимъ (Prthivîmâtar). Ведическое Dyâvâprthivi означаетъ ихъ брачное соединеніе. Небо и Земля назывались «великими родителями»(1). Въ Ригъ Ведѣ въ темномъ гимнѣ, посвященномъ Viçvedevas, какое-то лицо говоритъ: «небо—мой отецъ-родитель, происхожденіе и родство—мать моя эта великая земля» (2). Въ древнихъ индусскихъ свадебныхъ изреченіяхъ женихъ говоритъ, обращаясь къ невѣстѣ: «я небо, ты земля! соединимся и будемъ родить дѣтей». Въ другомъ мѣстѣ: «Подобно тому, какъ земля принимаетъ въ себя зародыши предметовъ, пріймешь и ты (жена) отъ меня (мужа) зародышъ» (3). У современныхъ Индусовъ браминъ обращается съ мольбой къ небу и землѣ, ставя ихъ рядомъ (4).

У древнихъ Грековъ Гея (земля) считалась супругой Урана (неба). Греческую Деметру Пиктe считаетъ измѣненной Ге-метеръ, соотвѣтствующей римской Tellus mater, mater Ops, alma Parens (5). Бракъ Зевса и Геры считался божественнымъ типомъ брака; онъ праздновался ежегодно (6). Въ Спартѣ Зевсъ и Гера имѣли одинъ общій храмъ (7). Въ числѣ прозваній Геры было гамелія—свадебная, брачная (8). Гера проходитъ различныя фазы женской жизни: дѣтство, дѣвичество, замужество, состояніе матери. Для благочестивыхъ греческихъ женщинъ она служила божественнымъ образцомъ женщины во всей полнотѣ ея жизни (9). Странности свадебныхъ обрядовъ Греки оправдывали необходимостью подражанія браку первой четы боговъ Зевса и Геры (10). Отъ супружеской четы Зевса и Геры произошли другіе боги покровители брака, число которыхъ было значительно (Артемида, Афродита и Нимфы) (11).

1] Pictet, Les orig II. 666.
2] В. Миллеръ, Асв-Diock. 23.
3] Weber. Ind. Stud. V. 216, 227.
4] Тэйлоръ, Первоб. культ II, 323.
5] Pictet, Les orig II, 666,
6] Welcker, Griech Götterlehre, I, 364,
7] A. Maury, Hist. des Relig. de la Grèce ant. I, 67.
8] Schoemann, Griech. Alterth II. 492.
9] A. Maury, Hist. des. Relig. de la Grèce ant. I. 4. 11.
10] Страшкевичъ, Крат. оч. греч. древн. 449.
11] Böttiger. Aldobrandisehe Hochzeit 139; Rossb., Die röm Ehe, 223.

Digitized by Google

Отецъ небо и мать земля въ русскихъ заклятіяхъ являются постоянно вмѣстѣ. Небо и Земля у Славянъ-верховная супружеская пара, отъ проницательнаго взора которой не ускользаетъ ни одно бракосочетаніе, въ какой бы формѣ оно ни было предпринято. Въ бѣлорусской пѣснѣ братовая жена приглашаетъ золовку ночевать и затѣмъ выдаетъ ее предательски пріѣзжимъ знатнымъ удальцамъ:

Нихто того ни чоў. ни бачиў.
Тольки чуло Небо да Земля [1].

Въ лѣтописи Нестора заключается упрекъ Латинянамъ, что они землю называютъ матерью. «Да аще имъ есть земля мати, замѣчаетъ лѣтописецъ, то отецъ имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо, тоже землю.». Если только вѣрно мнѣніе М. И. Сухомлинова, что приведенное лѣтописное мѣсто русское, а не заимствованное изъ византійскихъ источниковъ [2], то, можно думать, лѣтописецъ Латинянамъ приписалъ вѣрованіе языческихъ Русскихъ, съ тѣмъ чтобы предъ христіянскими читателями лѣтописи еще болѣе оттѣнить заблужденія Латинянъ. На особенное значеніе для женщины земли указываетъ слѣдующая свадебная пѣсня изъ Моложск. у. Яросл. г.:

Выйдзи ты на цысто́ поле́,
Падзи ткё ты своей грудзью бѣлою
На маць ту ли на сыру землю
Возмоцы-ткё ты сыру землю
Своемъ горюцьми слезами
И раскажи про свою жицьо неудашнюю.... [3].

Въ Галиціи по Збручу и въ Буковинѣ родители молодыхъ, благословляя ихъ, высказываютъ желаніе, чтобы они были счатливы, здоровы, богаты и «ситни, як свята земля ситна.» [4].

---

[1] Безсоновъ, Болг. пѣс. I. 40.
[2] Сухомлиновъ, О древ. рус. лѣт. 69.
[3] Этног. Сб. I. 148.
[4] „Основа“ 1862. IV 10; „Зап. Ю. З. О, Геогр. Общ.“ II. 484.

Digitized by Google

2) СОЛНЦЕ И ЗЕМЛЯ.

Alles keimet in der Sonne
Zú der Bauern Lust und Wonne.

Мысль, высказанная въ этомъ двустишіи, возникла въ глубокой древности. Небо родило сына солнце и уступило ему свое значеніе и свою силу. Дорогое дитя неба въ народныхъ міровоззрѣніяхъ заняло широкое мѣсто, вытѣснивъ изъ нихъ мало-по-малу своего родителя. По религіознымъ вѣрованіямъ Кондовъ въ Орисѣ, богъ свѣта или богъ солнца Белла-Пенну создалъ Тари Пенну, богиню земли, какъ жену для себя, и отъ нихъ произошли всѣ прочіе боги. [1]. Германцы ко времени зимняго солнцестоянія относили бракосочетаніе солнечнаго бога Вуотана съ богиней земли Голле [2]. Представленіе о бракѣ земли съ юнымъ свѣтоноснымъ солнцемъ повело къ созданію многочисленныхъ разсказовъ, до сихъ поръ сохранившихся въ сказкахъ разныхъ народовъ. Сказки объ окаменѣломъ царствѣ, спящей или очарованной царевнѣ,—отзвуки мѳа о зимнемъ снѣ земли, изъ котораго ее выводитъ первый поцѣлуй весенняго солнца. Въ слѣдующемъ замѣчательномъ болгарскомъ обычаѣ сказалась мысль о бракосочетаніи солнца и земли: 9 марта въ каждомъ домѣ пекутъ круглый хлѣбъ, который называется кравайче. Дѣти берутъ по одному кравайче и идутъ на гору; они пускаютъ хлѣбъ катиться внизъ, и гдѣ онъ остановится, тамъ они вырѣзываютъ ямку въ землѣ, а потомъ и въ хлѣбѣ; кусокъ хлѣба кладутъ въ землю, а землю изъ выкопанной ямки въ хлѣбъ. Этотъ кусокъ земли употребляется для лѣкарства, а на мѣстѣ, гдѣ похороненъ хлѣбъ, думаютъ, вырастетъ лѣкарственная трава [3].

3) МѢСЯЦЪ И СОЛНЦЕ.

А. Мѣсяцъ—мужеское начало, солнце—женское.

Бракосочетаніе мѣсяца съ солнцемъ, какъ мужескаго начала въ природѣ съ женскимъ, было вѣрованіемъ въ глубокой древности, такъ какъ можно считать доказаннымъ, что женскій образъ солнца

[1] Тэйлоръ, Первоб. культ. II. 321.
[2] Mulhause, Die Urrelig. 72.
[3] Каравеловъ, Памятн. I. 192.

Digitized by Google

древнѣе, чѣмъ мужескій [1]. Аты на Ванкуверовомъ островѣ поклоняются божественнымъ супругамъ Лунѣ и Солнцу, при чемъ Луна считается мужемъ, и Лунѣ оказывается высшее поклоненіе, какъ божеству, которое смотритъ внизъ на землю въ отвѣтъ на молитвы и видитъ всѣхъ [2]. У Мексиканцевъ мѣсяцъ и солнце относятся другъ къ другу, какъ мужъ и жена. Луна—Meztli,—мужчина [3]. Преданіе о бракѣ мѣсяца было общимъ достояніемъ индо-европейскихъ народовъ; несходныя черты отдѣльныхъ преданій указываютъ на индивидуальное развитіе основнаго преданія помѣстно. У Индусовъ и Латышей невѣстой и женой мѣсяца является солнцева дочь (заря), у Литвиновъ, Русскихъ—само солнце, у Латышей, Русскихъ и Болгаръ утренняя звѣзда или одно изъ созвѣздій (Auszrine у Литовцевъ, Rohini у Индусовъ). Впрочемъ, строгаго разграниченія здѣсь нѣтъ, и вѣрованія въ бракъ мѣсяца съ солнцемъ, съ зарей, съ звѣздой встрѣчаются у одного и того же народа. Въ гимнахъ Ригъ—Веды прославляется бракъ Сомы съ Суріей, причемъ подъ Сомой разумѣется мѣсяцъ [4]. Сурія, по мнѣнію Гааса, солнце, олицетворенное въ видѣ женскаго божества [5], по мнѣнію Вс. Миллера, дочь солнца, олицетвореніе зари, Uŝas [6]. Филологическое свидѣтельство Пикте располагаетъ на сторону перваго мнѣнія. Sûrya—ведич. sûr, sûra, svar, svarya, svarga; откуда Сварогъ — небо; санскр. svar стоитъ въ связи съ зендскимъ hvarê, родит. hûrô — солнце, персидск. hôr, др.—рус Хорсъ. [7]. Въ латышской пѣснѣ миѳическаго свойства:

Мѣсяцъ женился на солнышкѣ
Ранней весною.
Солнышко рано встало,
Мѣсяцъ его покинулъ, [8].

---

[1] О. Миллеръ, Опытъ ист. р. сл. I, 28.
[2] Grimm, Deutsche Myth II. 666.
[3] Тэйлоръ, Первоб. культ. II, 348.
[4] Weber. Indisehe Stud V. 178—179. Другія значенія Сомы: 1) растеніе 2) божественный напитокъ.
[5] Weber, Ind. Stud. V. 270,
[6] Вс. Миллеръ, Асв.—Діоск. 26.
[7] Pictet, Les orig. II. 671.
[8] Вс. Миллеръ, Асв.—Діоск. 131.

Digitized by Google

Въ Германіи крестьяне, говоря о солнцѣ и лунѣ, имѣютъ обыкновеніе употреблять выраженія Frau Sonne, Herr Mond [1].

Въ великорусскихъ и малорусскихъ загадкахъ и сказкахъ солнце обыкновенно является въ женскомъ образѣ. Въ малорусской сказкѣ солнце-прекрасная царевна, смѣхъ которой сопровождается паденіемъ золота, а плачъ—паденіемъ жемчуга; когда она танцуетъ —растутъ цвѣты [2]. Въ сербскихъ пѣсняхъ мѣсяцъ—женихъ, а солнце невѣста.

Бога моли младо момче:
Дай ми, Боже, златне роге
И сребрне порошчит'е,
Да прободем бору кору,
Да ја вид'у, шта ј' у бору.
Бог му даде златне роге
И сребрне порошчит'е,
Те прободе бору кору,
Ал' у бору млада мома,
Так засија, кано сунце,
Њој говори младо момче:
«Ој, чујеш ли, млада мома!
Просио б те, не даду те
Мамиобте, пот'и не т'еш;
Отим'о б те, сам не могу.... [3].

Молодецъ съ золотыми рогами, отыскивающій прекрасную невѣсту, на которой, однако, не можетъ жениться-сербскій варіантъ арійскихъ сказаній о любовной встрѣчѣ мѣсяца съ солнцемъ. Въ сербской пѣснѣ «женидба сјајнога мјесеца:»

Фалила се звијезда даница,
Оженит'у сјајнога мејсеца,
Испросит'у муњу од облака,
Окумит'у Бога јединога,

[1]) Grimm, Deutshe Myth. II. 666.
[2]) Труды Этног. Эксп. въ З. р. кр. II.
[3]) Вукъ Караджичъ, Срп. нар. пјес. I. 364.

Digitized by Google

Дјеверит'у и Петра и Павла,
Старог свата светога Іована,
Војеводу светога Николу,
Кочијаша светога Илију. [1].

Въ колядкахъ и щедровкахъ хозяинъ уподобляется мѣсяцу, хозяйка —солнцу, а ихъ дѣти—звѣздамъ [2]. Въ одной червонорусской колядкѣ парубокъ говоритъ, что отецъ его—мѣсяцъ, мать—солнце, а сестра заря [3]; въ великорусской пѣснѣ:

Что свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами,
То мой батюшка съ сыновьями;
Красно солнышко со зарями—
То моя матушка съ дочерями [4].

Связь между женщиной и покровительствующимъ ей солнцемъ, и покровительствующимъ, можно думать, въ силу своей женской природы, связь эта не прекращается и по выходѣ дѣвушки замужъ. Въ болгарской свадебной нѣснѣ молодая женщина, исправивъ домашнія работы, разговариваетъ съ солнцемъ:

Ей ти слонце, лѣтно слонце,
Ти си греишъ на високо,
Ти си гледашъ на далеку,
На далеку, на широко,
Нели виде моя—та майка,
Моя та майка, мой—отъ тейко,
И мои те до два брата—
До два брата, два близнака,
И мои те до двѣ снахи,
До две снахи и две сестри?
Слонце то ѝ проговора:
Ей невѣсто цàрнооко!
Вчера отъ тамъ поминахъ,

[1]) Ibid. l. 155.
[2]) Шейнъ, В. пѣс. 369; Терещ. Бытъ Р. н. VII. III, 113, 122.
[3]) Головацкій, „Чтенія“ 1871, IV. 48—49.
[4]) Кохановская, „Русская Бесѣда“ 1860 I. 64.

Digitized by Google

Твоя та майка колакъ месе,
Твой-те бракя коня седлать,
Твой те снахи вино точать,
Твой те сестри венци віять,
Ке си ходать за невѣста [1].

Въ малорусской народной поэзіи восходъ мѣсяца—образъ брака (2). Въ великорусскихъ и малорусскихъ пѣсняхъ весьма обычно сравненіе жениха съ мѣсяцомъ (3). Замѣчательно въ галицкой пѣснѣ сравненіе неженатаго человѣка съ половиной мѣсяца, освѣщающей только половину земли. Пришедши къ морю, половинный мѣсяцъ не отдыхаетъ:

Ой, милый Боже! кобы цѣлый,
Щобы всю земленьку освѣтив,
Прійшов над море, та й спочив.

Соотвѣтственно этому и парубку нужна подруга жизни, чтобы, поработавъ, имѣлъ онъ съ кѣмъ отдохнуть въ свободное время (4). По великорусской пословицѣ, „неженатый человѣкъ—полчеловѣка“. Древніе Греки имѣли подобное воззрѣніе на бракъ, какъ на божественное учрежденіе, возводящее половинную жизнь, жизнь холостую, къ высшей цѣлости (5).

В. Солнце—мужское начало, мѣсяцъ—женское. Бракосочетаніе солнца и мѣсяца, какъ мужа и жены, было вѣрованіемъ древнихъ Перуанцевъ и Египтянъ (6). Въ греческомъ разсказѣ о бракѣ Діониса и Аріадны видятъ бракъ солнца и луны (7). Прекрасный солнечный богъ древнихъ Германцевъ Фро съ именемъ Одира является супругомъ Фроувы, богини луны. Когда Одиръ уѣхалъ, Фроува искала его по всему міру и въ горести плакала золотыми слезами (звѣзды) (8). Въ прекрасномъ стихотвореніи Гейне „Солнечный закатъ“ (изъ „Сѣвернаго моря“):

[1]) Миладиновы, Болг. нар. пѣс, 486.
[2]) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872. IV. 41.
[3]) „Основа“ 1862 IV. 23, 26; Сахаровъ, Сказанія. Р. н. III. 52, 90; Шейнъ В. п. 200, 324, 461 и др.
[4]) Головацкій, „Чтенія“ 1872, II 293.
[5]) Schoemann, Griech. Alterth. II 492.
[6]) Тэйлоръ, Первоб. культ, II, 349, 350.
[7]) A. Maury, Hist. des Belig de la Grèce ant. I. 508,
[8]) Mülhause, Die Urrelig. 123—124.

Digitized by Google

Einst am Himmel glänzten,
Ehlich vereint,
Luna, die Göttin, und Sol, der Gott,
Und es wimmelten um sie her die Sterne,
Die kleinen, unschuldigen Kinder.

Doch böse Zungen zischelten Zwiespalt,
Und es trennte sich feindlich
Das hohe, leuchtende Ehpaar.

Letzt am Tage, in einsamer Pracht,
Ergeht sich dort der Sonnengott,
Ob seiner Herrlichkeit
Angebetet und vielbesungen
Von stolzen, glückgehärten Menschen.
Aber des Nachts
Am Himmel wandelt Luna,
Die arme Mutter,
Mit ihren verwaisten Sternenkindern,
Und sie glänzt in stiller Wehmuth,
Und liebende Mädchen und sanfte Dichter
Weihen ihr Thränen und Lieder.

Die weiche Luna! Weiblich gesinnt,
Liebt sie nochimmer den schönen Gemahl.
Gegen Abend, zitternd und bleich,
Lauscht sie hervor aus leichtem Gewölk,
Und schaut nach dem scheidenden schmerzlich,
Und möchte ihm ängstlich rufen: „Komm!
Komm! die Kinder verlangen nach dir“.
Aber der trotzige Sonnengott,
Bei dem Anblick der Gattin erglühter
Jn doppeltem Purpur,
Vor Zorn und Schmerz,

Digitized by Google

Und unerbittlich eilt er hinab
Jn sein fluthenkaltes Wittwerbett (1).

Ни у одного славянскаго народа въ поэзіи миѳъ о женихѣ солнцѣ не получилъ такого сложнаго и разносторонняго развитія, какъ у народа болгарскаго. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи пѣсня о свадьбѣ солнца, записанная въ трехъ варіантахъ Дозономъ, Миладиновымъ и г. Дриновымъ. Содержаніе пѣсни о свадьбѣ солнца по варіанту, записанному Дозономъ, состоитъ въ слѣдующемъ: У Дешки умирали дѣти. Дешка родила дочь—замѣчательную красавицу и при крещеніи дала ей имя Грозданки. Когда дѣвушка выросла, она пошла въ отцовскій садъ. Здѣсь ее увидѣло солнце. Три дня и три ночи оно дрожало на небѣ и не могло зайти за небосклонъ. Мать приготовила ему ужинъ и ждала его. Когда солнце возвратилось въ свое жилище, мать стала выговаривать ему за то, что оно опоздало. Солнце призналось, что увидѣло на землѣ прекрасную дѣвицу и не хочетъ, если не женится на ней, свѣтить такъ, какъ свѣтило прежде. Оно послало мать спросить у Бога, можно ли похитить дѣвушку, живущую на землѣ. Богъ сказалъ , что можно и вполнѣ прилично. Въ день св. Георгія съ неба была спущена золотая качель, и, когда всѣ пошли качаться на качеляхъ „на здоровье“, Грозданка сѣла въ золотую качель и была поднята вверхъ на небо. Плачущая ея мать приказала ей не говорить съ свекромъ, свекровью и мужемъ 9 лѣтъ, что дочь и исполнила. Солнце, опечаленное ея молчаніемъ, хотѣло жениться на другой дѣвушкѣ. Грозданка была выбрана крестною матерью и покрыла невѣсту покрываломъ, которое при этомъ само собою сгорѣло. Кончился для Грозданки срокъ молчанія, и она заговорила. Солнце женилось на ней, отославши назадъ свою невѣсту (2). По варіанту, записанному Миладиновымъ, невѣста солнца Яна молчала три года, и мать солнца вмѣсто нея выбрала другую невѣсту Дзвездоденицу, т. е. утреннюю звѣзду. (3).

---

1) Heine's, Sämmtliche Werke. XV. 312—313
2) Dozon, Бàлг. нар. пѣс. 1875. 17—20.
3) Миладиновы, Бàлг. нар. пѣс. 15—16.

Digitized by Google

Миоъ о брачномъ соединеніи солнца и мѣсяца мало-по-малу затемнился въ народномъ вѣросознаніи. Вмѣсто отношеній супружескихъ, между солнцемъ и мѣсяцемъ являются отношенія поссорившихся товарищей, вообще двухъ молодцовъ, недружелюбно относящихся другъ къ другу, большей частью изъ за дѣвушки. Сербская пѣсня ,,сунце и мјесец просе дјевойку'' отдаетъ предпочтеніе послѣднему [1]. Въ болгарской колядкѣ солнце является молодцомъ, имѣющимъ прекрасную сестру, которую уступаетъ юнаку въ силу того, что послѣдній обогналъ его на своемъ конѣ. Юнакъ этотъ, можно думать, и есть мѣсяцъ [2].

Солнце и мѣсяцъ у Славянъ получили значеніе покровителей человѣческаго брака. Въ В. Россіи дѣвушки стерегутъ появленіе молодаго мѣсяца и, увидѣвъ его, вертятся на пятѣ правой ноги, приговаривая: ,,Младъ мѣсяцъ! увивай около меня жениховъ, какъ я увиваюсь около тебя'' [3]. Въ волынской веснянкѣ дѣвушка идетъ ночью къ колодцу и обращается къ мѣсяцу съ просьбой сказать ей правду, пойдетъ она замужъ за милаго или за нелюба [4]. Въ сербской пѣснѣ женихъ обращается къ солнцу съ просьбой:

Жарко сунце, раступи ступове,
Док ја своје опремим сватове,
Да доведу лијепу дјевојку. [5].

Въ чешской сказкѣ рыцарь Лабушъ, отыскивая свою милую, попавшую въ руки чародѣевъ, обращается къ солнцу съ просьбой о помощи [6]. Въ чешской пѣснѣ дѣвушка обращается къ солнцу съ просьбой сказать ей, въ какую сторону она пойдетъ замужъ [7].

Въ антропоморфическомъ образѣ солнце у Славянъ явилось Ладомъ или Ладой, смотря по тому, мужеское или женское его олицетвореніе брало верхъ въ народномъ вѣросознаніи. Въ слѣдствіе совмѣстнаго существованія и отчасти сближенія разновременныхъ по происхожденію

---

[1]) Вукъ Карадж., Срп. нар. пјес. I. 155.
[2]) Безсоновъ, Болг. пѣс. II. 9.
[3]) Л. Майковъ. Великор. заклинанія. „З. Г. О. по. О. Э". 1869. II.
[4]) Костомаровъ, „Бесѣда" 1872. IV. 38.
[5]) Гласник. 1870. XI. 186.
[6]) Срезневскій, Объ обож. солнца. „Ж. М. Н. Пр." 1846. т. 51 стр. 41.
[7]) Sumlork, Starac obyč. I. 536.

Digitized by Google

представленій солнца мужчиной и женщиной, явилось двое возлюбленныхъ Ладъ, или Ладо и Лада.

Лада—женскій символъ міровой производительности, вызываемой свѣтомъ и тепломъ. Въ силу внутренней связи древнихъ религіозныхъ представленій, она заключала въ своей природѣ характеръ божества земледѣльческаго и любовнаго. Божество земледѣльческое обыкновенно въ народныхъ миѳологіяхъ принимаетъ на себя функціи божества брака; время его празднованія дѣлалось временемъ бракосочетаній. У Германцевъ плугъ стоялъ подъ покровительствомъ богини земли и земледѣлія Гольды [1], покровительствовавшей въ то же время любви и браку.

Лада удержалась въ припѣвахъ свадебныхъ и хороводныхъ пѣсенъ, причемъ ее часто сопровождаетъ слово „Дидъ", напр., въ припѣвѣ: „Ой Ладо, ой уряди Дидъ—Ладо, уряди". Припѣвы „Ладо" и „Дидъ—Ладо", какъ окаменѣлый остатокъ далекой древности, присоединяются иногда къ пѣснямъ новѣйшаго происхожденія; такъ, припѣвъ „ой Ладо, ой уряди Дидъ—Ладо, уряди" встрѣчается въ одной южно-сибирской пѣснѣ, указывающей на военныя роты и полковниковъ (1). Юнгманъ сравниваетъ славянское Дидъ съ индусскимъ dhidi, свѣтъ, красота. (2).

Въ польскихъ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчается Лель и Полель, въ русскихъ—только Лель. Очень мало извѣстно объ этихъ древнихъ продуктахъ народной фантазіи, сохранившихся въ однихъ припѣвахъ. Народъ въ настоящее время Лелю не придаетъ значенія живаго божественнаго существа. Въ однихъ случаяхъ припѣвъ «ой Лелю» имѣетъ музыкальное значеніе; мягкій складъ слова содѣйствуетъ благозвучію стиха. Въ другихъ случаяхъ «Лелю» имѣетъ значеніе ласкательнаго слова; напр., въ Костромск. г. на Ѳоминой недѣлѣ въ честь молодой замужней женщины поютъ:

Ой Лелю, молодая, о Лелю,
Ты вьюная, о Лелю,

---

[1]) Grimm, Deutsche Mythol 246--253.
[1]) Ст. Гуляевъ, „Библ. д. Чт." 1848. XC. 14.
[2]) Hanush, Die Wissens. d. slav. Mythus 347.

Digitized by Google

Ты по горницѣ пройди, о Лелю,
Покажи свое лицо, о Лелю,
Да въ окошечко, о Лелю... (1).

Въ Нерехотск. у. Костромской г. на третій день послѣ свадьбы сосѣди молодыхъ, собравшись передъ домомъ новобрачнаго, кричатъ: «о Лелю, молодые!», за что ихъ угощаютъ виномъ; словами этими привѣтствуютъ молодыхъ, когда они катаются о масленицѣ (2).

Въ христіанское время народнаго развитія языческіе боги, покровительствовавшіе браку, были замѣнены двумя святыми христіанской церкви, Космой и Даміаномъ, которыхъ народная фантазія сливаетъ иногда въ нераздѣльное лицо Кузьмодемьяна, быть можетъ, подъ вліяніемъ нераздѣльныхъ Дидъ-Лада, Ладо-Лада. Праздникъ Космы и Даміана въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считается дѣвичьимъ праздникомъ и называется Кузьминками. Дѣвушки въ складчину варятъ пищу и пекутъ пироги и блины. Въ Яросл. г. въ день К. и Д. зять непремѣнно гоститъ у своего тестя [3]. Въ свадебныхъ пѣсняхъ К. и Д.-устроители брачнаго союза; они куютъ свадьбу [4]. Что кованіе свадьбы первоначально относилось не къ самимъ К. и Д., а къ тому или тѣмъ языческимъ божествамъ, которыхъ они замѣнили въ христіанскую пору народнаго развитія, видно изъ слѣдующей польской пѣсни, которую поютъ во время обрученія молодыхъ:

Pósród pola
Kuźnia stała,
A w téj kuźni.
Dwa kowalczyki.
Łado! Łado!
Biją młoty
W perścień' złoty,
Z młodym Jasienkiem

---

1) Снегиревъ, Рус. прост. празд. IV. Добав. 195.
2) „Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос." 1846.II. 26.
3) Этногр. Сб. I. 100.
4) Шейнъ, В. п. 546; Б, п. 297; Терещ. II. 448; VI. 62.

Digitized by Google

Ku ślubowi,
Ładoł Ładoł [1].

Въ пѣснѣ не названы имена двухъ кузнецовъ; но, по мѣстоположенію кузни, по припѣву и по матеріалу, изъ котораго сдѣлано кольцо, можно думать, что въ пѣснѣ скрывается раздвоенный богъ громовникъ, сковывающій посредствомъ молніи въ грозовомъ облакѣ кольцо для земныхъ молодыхъ, какъ онъ сковывалъ перстень для небесныхъ молодыхъ. Солнце и луна могли считаться золотыми кольцами, скованными громовникомъ, кольцами, которыми небесные свѣтоносные супруги мѣняются въ своемъ брачномъ соединеніи.

4) СОЛНЦЕ И ЗАРЯ.

Древніе Аріи представляли зарю возлюбленной солнца. Въ Ригъ-Ведѣ говорится, что солнце слѣдуетъ за зарей, какъ мужчина слѣдуетъ за женщиной. Любовныя отношенія солнца къ зарѣ обрисованы въ Брахманѣ Яджуръ-Веды въ миѳѣ о связи Пурураваса и Урваши. Урваши, изъ рода фей, полюбила Пурураваса, сына Иры и, встрѣтясь съ нимъ, сказала ему: «три раза въ день ты можешь заключать меня въ свои объятія, но никогда противъ моей воли и никогда не давай мнѣ увидѣть себя безъ твоей царской одежды!» Такимъ образомъ она жила съ нимъ долгое время. Тогда гандарвы, ея прежніе друзья, сказали: «долго жила Урваши между смертными; пускай возвратится она къ намъ.» Они похитили одного за другимъ двухъ ягненковъ, привязанныхъ къ ложу, на которомъ покоились Пурураваса и Урваши. Пурураваса въ гнѣвѣ вскочилъ нагій. Тогда гандарвы послали молнію, и Урваши увидѣла своего мужа нагимъ такъ ясно, какъ бы это было днемъ. Въ ту же минуту она скрылась; «я возвращусь,» сказала она и исчезла, какъ исчезаетъ первая заря. Въ послѣдней книгѣ Р. В. Урваши говоритъ своему супругу, что онъ созданъ богами для того, чтобы противостоять силамъ мрака; извѣстно, что это назначеніе постоянно приписывается Индрѣ и другимъ существамъ солнечнаго происхожденія. [2] Въ Магабгаратѣ у юнаго пастуха Кришны, представляющаго собой олицетвореніе весенняго солнца, есть возлюблен-

[1] Wojcicki, Piesni ludu II. 72.
[2] М. Мюллеръ, Сравнит. миѳологія, въ пер. Живаго. „Лѣт. Рус. лит. и древ.“ V. 89-91.

Digitized by Google

ная Радга,-олицетвореніе зари и весны [1]. Греческій Орфей соотвѣтствуетъ ведическому Рибу (Ribhu), эпитету Индры и одному изъ названій солнца; жена Орфея, Эвридика,—одно изъ многочисленныхъ древне-греческихъ названій зари [2]. Въ разсказахъ о борьбѣ Аполлона съ Идасомъ изъ-за Марпэсы усматриваютъ одинъ изъ многочисленныхъ варіантовъ повѣсти о борьбѣ солнца и мѣсяца за утреннюю зарю [3]. Въ виликор. и малор. пѣсняхъ есть указанія, что представленіе о брачномъ союзѣ солнца и зари было свойственно и славянскимъ народамъ.

Въ бѣлорусской пѣснѣ:

Пора жонки домовъ ици,
Потеряла зоря ключи,
Потеряла зоря ключи,
Коло постаци идучи,
А съ совникомъ гуляючи,
А мѣсика гукаючи,
А взойдите ясны зорки,
И найдите ключи звонки:
Пора землю отмыкаци,
Пора росу выпущаци. (4).

Въ этой пѣснѣ повторяется миѳическая исторія Аполлона, Идаса и Марпэсы, только съ болѣе мирнымъ характеромъ. Приведенная бѣлорусская пѣсня поясняетъ значеніе извѣстной загадки «заря-заряница по полю ходила, ворота запирала, ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ,—не поднялъ, солнце увидѣло,—скрало.» Въ этой загадкѣ кроется цѣлая любовная исторія, причемъ предпочтеніе отдается теплотворному солнцу въ противоположность сербской пѣснѣ «сунце и мјесец просе девојку,» въ которой предпочтеніе отдается мѣсяцу. Въ родствѣ съ приведенной бѣлор. пѣсней и загадкой стоитъ начало слѣдующей свадебной пермской пѣсни:

Утренняя заря съ бѣлымъ свѣтомъ,—
То совѣтъ и любовь со женою. (5).

---

[1]) Вс. Миллеръ, Аęв.—Діоск, 321.
[2]) М. Мюллеръ, Срав. мио. „Лѣт. Р. лит. и древ." V. 110.
[3]) Вс. Миллеръ, Аęв-Діоск. 246.
[4]) Этногр. сб. III. 212; Зап. Г. О по О. Э." 1873. V. 95.
[5]) Пермск. сб. I. 20.

Digitized by Google

5) МѢСЯЦЪ И ЗВѢЗДА.

Нерѣдко замѣчается явленіе на небѣ, что какая нибудь звѣзда случайно какъ будто идетъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его близкая подруга. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая звѣздочка. У древнихъ Индусовъ существовало такое преданіе о любви лунаго бога Сомы къ созвѣздію Rohini: У Праджапати было 33 дочери, которыхъ онъ отдалъ за царя Сому. Изъ нихъ Сома жилъ только съ Рогини. Прочія жены разгнѣвались и ушли къ отцу; но Сома пошелъ за ними и требовалъ ихъ къ себѣ. Праджапати согласился возвратить затю дочерей только съ условіемъ, чтобы Сома жилъ поочередно со всѣми. Сома обѣщалъ; но по прежнему любилъ только Рогини, и за это имъ овладѣла немочь. [1]) Древне-индусское объясненіе ущерба мѣсяца его исключительной любовью къ созвѣздію Rohini въ литовской миѳологіи съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ выразилось въ сказаніи о брачной звязи въ первую весну мѣсяца съ солнцемъ. Однажды солнце встало рано и отправилось въ прогулку. Мѣсяцъ отъ него отдѣлился и отправился въ свою очередь въ одиночку гулять по небу. Онъ увидѣлъ утреннюю звѣзду и влюбился въ нее. Перкунъ разгнѣвался на мѣсяцъ и разрубилъ его ликъ мечемъ. ([2]) Подобный разсказъ, вѣроятно, существовалъ нѣкогда и у Славянъ. Въ малорусской народной поэзіи мѣсяцъ называется «перебірчикомъ», потому что любитъ перебирать звѣзды, пока не выберетъ себѣ одну звѣздочку. Невѣрный парубокъ сравнивается съ мѣсяцемъ. Полюбить молодца «по місяцю стоя»—не будетъ добра. ([3])

Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ между мѣсяцемъ и звѣздочкой обнаруживаются отношенія двухъ любовниковъ или супруговъ. Молодецъ съ дѣвушкой, какъ пара, ставятся въ подобіе мѣсяца и звѣздочки:

---

[1]) Вс. Миллеръ, Асв.-Діоск. 131—132.
[2]) Nesselmann, Littauische Lieder. 1.
[3]) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872. IV. 43.

Digitized by Google

Зійшла зоря, зійшла зоря, місяць опізнився, (1)
Вийшла дівка на улицю, козак опізнився.

Въ щедровкѣ Новгородсѣверск. у. Черн. г.

Що ясний місяць—дак то сам господар;
Для місяця зорочка
Да то ёго жіночка,
А дрибніі звіздочки
Дак то ёго діточки (2)

Въ свадебныхъ пѣсняхъ:

Де ж ти бував,
Що ти чував,
Святий короваю?
Бував же я, чував же я
Місяця з зорою.
Не есть же то, не есть же то
Місяць из зорою,
А есть же то, а есть же то
Иванко з жоною (3).

Да выйдземъ мы да послухаемъ:
Чы не чуваць, чи не гойкаюць?
Да чуваць, чуваць, сваты!
Залезные калы звиняць,
Да сивы кони иржаць.
Да узъѣхау Хведорка самъ дзесяць на дворъ,
Да уышоу мѣсяць надъ избой.
Да узвёзъ зораночку за собой. (4)

Слала зоря до місяця,
Ой місяцю, товаришу,
Не заходь ти раній мене,
Зайдемо обое разом,

---

1) Метлинск., 118.
2) Тр. Эт. Ст. Эксп. въ З р. кр. III. 463.
3) Ibid. IV. 245.
4) Шейнъ, Бѣл. пѣс. 367.

Digitized by Google

Освітимо небо и землю,
Зрадуется звір у полі,
Зрадуется гость у дороги!
Слала Марья до Иванка
Ой Иванку, мій сужений,
Не сідай ти на посаду,
На посаду раній мене,
Сядемо обое разом,
Звеселимо ми два двора:
Ой первий двір батька твого,
А другий двір—батька мого (1).

Судя по уподобленію, вечерняя звѣзда должна была относиться къ мѣсяцу, какъ невѣста къ жениху, жена къ мужу и лишь съ затемнѣніемъ древнихъ миѳическихъ воззрѣній на взаимныя супружескія отношенія вечерней звѣзды и мѣсяца явилась товарищемъ. Въ свадебной пѣснѣ Грод. губ. является просто «заря мѣсяцова», которой въ уподобленіи соотвѣтствуетъ Маринка Степанкова—невѣста Марина жениха Степана (2). Въ малор. пѣснѣ:

Ой ти, зірочко вечіняя,
Чому рано не зіходила?
Чом місяця не догонила?

Встрѣча мѣсяца съ звѣздой въ малоруск. колядкѣ знаменуетъ имѣющійся совершиться на землѣ брачный союзъ:

Ишов—перейшов місяць по небі,
Та стрівся съ ясною зорею.....

Вечерняя звѣзда говоритъ мѣсяцу, что она остановится на дворѣ NN (имя хозяина, которому колядуютъ), на его хатѣ:

У ёго хаті дві радости буде:
Першая радость—сина женити,
Другая радость—дочку отдавати (3).

---

1) Труды Эт. Ст. Экст. въ 3 р. кр. IV. 112.
2) Крачковскій „Чтенія“ 1873 IV 80.
3) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872 IV 46.
4) Ibid. IV. 45; Тр. Э. С. Э. въ 3 р. кр. III, 415; Терем. VII 78.

Digitized by Google

Послѣ такого заботливаго участія вечерней звѣзды въ устроеніи земнаго брака понятна галицкая коломійка:

Ой упала звѣзда з неба, та й ся розсипала,
Дѣвчинонька позбирала, та й ся затикала;
Ой упала звѣзда з неба, атй упала ясна,
Та на тое подвôренько, де дѣвчина красна (1).

Красота дѣвушки и ея бракъ, по коломійкѣ, небеснаго происхожденія. И то, и другое ей доставила небесная звѣзда. Въ чешск. и малорус. пѣсняхъ любовь дѣвушки сравнивается съ свѣтомъ звѣзды, причемъ самая любовь иногда въ извѣстной степени ставится подъ вліяніе звѣзды.

Swytila mi pêkna hwêzdička,
Kdyz gsem milowala Jenjcka.
Už swjtit nebude.
Kdo milowat bude
Meho Janečka (2)
Зійшла зоря, зійшла зоря,
Та не назарілася.
Прийшовъ милий из походу—
Я й ненадивилася (3).

Въ Малороссіи мать невѣсты, отправляя новобрачную въ домъ мужа, даетъ ей въ проводники и покровители мѣсяцъ и звѣздочку:

Отсе тобі проводничок—
Ясний місячок.
Отсе тобі проводничка
Ясна зірниця (4).

Въ червонорусской пѣснѣ:

Ивасева мати двери підхиляла
И з зорою розмовляла;
Ой зоре моя, зоре, зоренько вечірняя,
Тожесь ми присвѣтила,

---

1) Головацкій, „Чтенія“ 1872. I 471
2) Sumlork, Staroč. obič. II. 119.
3) Костомаровъ. „Бесѣда“ 1872 IV 45
4) Ibid. IV 42. Метл. 225.

Digitized by Google

До дому митницю,
До поля работницю,
До комори ключницю (1).

Мать жениха поздно вечеромъ ожидаетъ свадебный поѣздъ съ новобрачной и обращается къ вечерней звѣздѣ, какъ божественному существу, устроившему бракосочетаніе ея сына. Молодой новобрачную вёзъ въ свой домъ съ восходомъ мѣсяца и звѣзды:

Ишов місяць и зоря—
Виіжджае Ивашко з подвірья (2).

Въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ весьма распространено сравненіе новобрачныхъ съ мѣсяцемъ и звѣздой утренней или вечерней:

Сіяла зірочка, сіяла
З кім ти, Марьечко, шлюб брала?
З тобою, Ивасю, з тобою.
Як ясний місяць з зорою (3).

Иде Кузёмка до дѣвки,
Якъ ясный мѣсяцъ до зурки (4).

Въ моравской свадебной пѣснѣ:

Vyśla hvezda na kraj svéta
Osvitila to pul svêta,
Nebyla to hvézda jasná
Neź to byla panna krásná (5).

Въ польской свадебной пѣснѣ невѣста говоритъ:

Stanę ja się stanę malučką gwiazdeczką
Będę ja świeciła w lesie nad góreczka;
A ja twoją niebędę;
Ani jednę godzinę.

Женихъ отвѣчаетъ:

Będę ja dawał babkom, dziadkom chleba,
Będą Boga prosić spuści gwiazdę z nieba;

[1] Лукашевичъ, Малор. и червон. нар. пѣс. и думы 161; Тр. Э. С. Э. IV. 433
[2] Тр. Э. С. Э. IV. 87.
[3] Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872 IV. 42.
[4] Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. 28.
[5] Sušil, Morav nar. písne. II. 50.

Digitized by Google

A ty moją musisz być,
Moją wolę uczynić (1).

Уподобленіе невѣсты звѣздѣ встрѣчается также въ чешскихъ (2) и болгарскихъ (3) народныхъ пѣсняхъ.

Звѣзда, какъ существо женское, обнаруживаетъ особенное любопытство по отношеніи къ дѣвушкамъ, напр.:

Зірочка вечірняя . . . . . рано ухопилася.
На дівчину задивилася,
Як дівчина та купалася.....(4).

6) УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА И ЗАРЯ.

Въ латышской пѣснѣ утренняя звѣзда (аусѣклис.—муж. р.) является соперникомъ мѣсяца и сватаетъ у солнца дочь. Мѣсяцъ, однако, отнялъ невѣсту у аусеклиса и былъ за то изрубленъ разгнѣваннымъ солнцемъ. Въ другой латышской пѣснѣ:

Рано восходитъ утренняя звѣзда,
Желая солнечной дочери;
Всходи солнышко само рано,
Не давай дочки утренней звѣздѣ (5).

Славянская народная поэзія почти ничего не знаетъ о супружескихъ отношеніяхъ утренней звѣзды и зари. Въ свадебной пѣснѣ Олонецкой губ. блескъ утренней зари служитъ символомъ замужества. Подружки невѣсты выходятъ на улицу и поютъ, подъ окномъ дома невѣсты:

Ой мы выдемте сестрицы на божій свѣтъ,
Да на божій свѣтъ, на буянъ вѣтеръ,
Мы прокличимте зорю утреню,
Зорю утреню, зорю ясную:

---

1) Zbg. Pauli, Pies· ludu polsk. wąlic 134.
2) Erben, Prost. čes. pis, IV. 304.
3) Миладиновы, Болг. нар. пѣс. 472.
4) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872. IV. 46.
5) Спрогисъ, Памят. латыш. нар. творч. 315.

Digitized by Google

Какъ зоря въ небѣ занималася,
Такъ сестра наша замужъ собиралася (1).

7) ГРОМОВНИКЪ И ОБЛАЧНАЯ ДѢВА. «Въ грозѣ, говоритъ Аѳанасьевъ, древній человѣкъ видѣлъ брачный союзъ бога громовника съ облачной дожденосной дѣвой» (2). У Германцевъ Донаръ (Торъ)—богъ брака. Своимъ молотомъ онъ освящаетъ невѣсту и дѣлаетъ ее способной къ чадородію (3). Въ норвежскихъ сагахъ Торъ получаетъ приглашеніе присутствовать на свадьбѣ; онъ является и выпиваетъ огромныя бочки пива (4). Что у Русскихъ нѣкогда существовало вѣрованіе въ покровительство громовника человѣческимъ бракамъ, можно видѣть изъ тѣхъ грозовыхъ свойствъ, которыми обладаютъ Кузьма и Демьянъ въ народныхъ сказаніяхъ. Въ сербской пѣснѣ хожденіе дѣвичьяго кола по деревнѣ сравнивается съ хожденіемъ грозовыхъ тучъ по небу (5). Въ одной малор. пѣснѣ встрѣчается образъ брачнаго веселья подъ видомъ грома и тучи. Въ пѣснѣ туча и громъ знаменуютъ собою невѣсту и жениха (6).

Изъ различныхъ по содержанію и разновременныхъ по происхожденію древнеславянскихъ представленій о небесныхъ бракахъ, представленіе о бракѣ неба и земли самое древнее, сохранившееся лишь въ немногихъ обрывкахъ въ народной поэзіи. Славянскимъ народамъ преимущественно было свойственно вѣрованіе въ супружескія отношенія мѣсяца и солнца, причемъ мѣсяцъ, по особымъ условіямъ языка и всего склада народнаго быта, явился первоначально мужескимъ началомъ и лишь мало по малу, съ полнымъ установленіемъ земледѣльческаго быта, уступилъ первенство солнцу и подчинился ему, какъ жена мужу. Наравнѣ съ вѣрованіемъ въ бракосочетаніе солнца и мѣсяца, у Славянъ пользовалось повсемѣстнымъ распространеніемъ вѣрованіе въ бракосочетаніе мѣсяца и вечерней звѣзды. То и другое вѣрованія оставили въ народной поэзіи много-

---

1) Биржев. Вѣдом. 1872. № 292.
2) Аѳанасьевъ, Поэтич. воззр. Сл. на пр. II.179.
3) Wolf. Beiträge. I. 80.
4) Grimm, Deutsche Myth. 52.
5) Шепингъ. „Древности". Тр. М. Арх. О. I. 151.
6) Труды эти. Ст. эксп. въ З р. кр. IV. 179, 350.

Digitized by Google

численные слѣды. Почти вся религіозно-нравственная сторона древнеславянской свадьбы опредѣлялась вѣрованіями въ солярные браки. Остальные, перечисленные нами, небесные браки весьма мало затронули славянское народное воображеніе и не получили достаточнаго развитія.

Участіе небесныхъ свѣтилъ въ устроеніи человѣческихъ браковъ.

Г. П. Лавровскій высказалъ сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи въ древности вѣрованія въ гостеваніе боговъ. (1). Можно привести массу миѳологическихъ разсказовъ о томъ, какъ боги принимали дѣятельное участіе въ жизни людей. Мало того, что они ткутъ нитку самой жизни; они вмѣшиваются во всѣ подробности ея теченія, облегчаютъ роды, оберегаютъ новорожденнаго младенца, являются въ домъ въ качествѣ гостей, устраиваютъ бракосочетанія и предсказываютъ смерть. Они даже входятъ въ половую связь съ людьми. У древнихъ Грековъ боги посѣщали женщинъ, которыя имъ нравились. Особенной слабостью въ этомъ отношеніи отличался отецъ боговъ Зевсъ. Боги у древнихъ Грековъ покровительствовали браку и сходили на землю съ цѣлью предсказать человѣку кончину (2). Въ латышской народной пѣснѣ дѣвушка проситъ солнце:

Согрѣй меня, теплое солнышко,
У меня нѣтъ согрѣвателя!
Люби меня, милый богъ,
Нѣтъ у меня любящаго! (3).

Въ галицкой калядкѣ «ясна зорнице», сестра мѣсяца, послана богомъ на землю въ села узнать, соблюдаются ли старинные обряды и добрые нравы (4). Въ колядкѣ Карпатскихъ горцевъ съ верховій Днѣстра домъ крестьянина посѣщаютъ:

Гостейки трои не еднакіи
Еден гостейко—свѣтле сонейко;

1) П. Лавровскій „Чтенія въ М. О. И. и Др.“ 1866 II. 40.
2) A. Maury, Hist. des Relig de la Grece ant. I. 410, 580.
3) Спрогисъ, Памят. лат. нар. творч. 310.
4) Головацкій, „Чтенія“ 1871. IV. 103.

Digitized by Google

Другій гостейко—ясен мѣсячек;
Третій гостейко—дробен дожджейко (1).

Въ великорусской пѣснѣ, записанной въ Курск. губ., небесныя свѣтила устраиваютъ судьбу дѣвушки—невѣсты:

Что не батюшка выдаетъ,
Что не матушка снаряжаетъ,
Что не братцы въ поѣздѣ,
Не сестрицы въ свашенькахъ.
Выдаетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Снаряжаетъ красное солнце;
Частыя звѣзды во поѣздѣ,
Вечерняя заря въ свашенькахъ (2).

Замѣчательное сходство съ этой пѣснью обнаруживаетъ слѣдующая литовская пѣсня о дѣвушкѣ невѣстѣ:

Мѣсяцъ батюшка
Долю выдѣлялъ.
Солнце матушка
Приданое готовила.
Сетинъ (созвѣздіе) братецъ
Въ поле провожалъ.
Звѣзда сестрица
Кушаки ткала (3).

Во многихъ случаяхъ христіанскіе святые замѣнили въ дѣлѣ устроенія человѣческаго брака небесныя свѣтила. Въ бѣлорусской пѣснѣ:

У насъ сяянни перезовъ!
И самъ Богъ къ намъ перейшовъ,
Со святой Троицею,
Съ пречистою Богородицею,
Съ добрымъ словомъ, съ хлѣбомъ—солью,
Съ щасцемъ и доброю долею (4).

---

1) Памят. и обр. нар. яз. и слов. изд. 2 Отд. А. Н. Тетр. I. 29.
2) Кохановская, Нар. рус. пѣс. „Рус. Бесѣда“ 1860. I. 45.
3) Юшкевичъ, Литов. нар. пѣс. „Зап. Ак. наукъ“ 1868. XII. 6
4) Зап. Г. О. по О. Этн. 1873, V. 175.

Digitized by Google

Въ Сербіи вѣрятъ, что молодыхъ встрѣчаютъ св. Петръ и св. Николай. Въ пѣсняхъ мать жениха, отправляя послѣдняго къ вѣнцу, высказываетъ слѣдующее желаніе:

Све ти, синко, у час добар било!
Сретали те два Божья анд'ела,
Свети Петар и свети Никола.
Вазда теби у помот' били,
А у ови данас у најбољи! (1)

Въ сербской пѣснѣ къ вѣстнику о благополучіи молодыхъ обращаютъ слова: „С вама дошла свака срет'а и сам Господ Бог!“ (2). Въ малорусской пѣснѣ:

Ой иде Маруся на посад,
Зострiча ii Господь сам,
Ой из долею щастливою,
Из доброю годиною! (3)

Въ малор. и бѣлор. коровайныхъ пѣсняхъ просятъ Бога сойти съ неба и не становиться за дверями, а войти въ избу, сѣсть въ переднемъ углу и дать молодой долю (4) Господь исходитъ на эти просьбы и даже самъ мѣситъ коровай (5) или только содѣйствуетъ его приготовленію своимъ божественнымъ словомъ (6). Въ малор. свадебной пѣснѣ наканунѣ воскресенья, въ субботу, когда бываетъ дѣвишникъ, растворилось небо;

Там видно все хрести золотиі
И престолиі святиі
Биля престола
Мати Хритова
Плете віночкй, стоя,

---

1) Караведовъ. Памят. I. 273—274; Вукъ Караджъ, Срп. нар. пјес. I. 55.
2) Вукъ Караджъ., Срп. нар. пјес. I. 45.
3) Метлинск., Южнор. нар. пѣс. 144.
4) Этногр. сб. III. 243.
5) Шейнъ, Бѣлор. пѣс. 340.
6) Труды эт. ст. эксп. въ З р. кр. IV. 219.

Digitized by Google

То з шевліеньки,
То з червоної рожі (1).

Плетеніе вѣнка Богородицей для молодаго встрѣчается въ бѣлор. пѣснѣ (2). Въ малор. народной поэзіи Богоматерь вьетъ свадебный вѣнокъ и возлагаетъ его на голову невѣсты (3).

Въ связи съ вѣрованіемъ въ появленіе боговъ среди людей стоитъ сохранившійся до сихъ поръ *обычай переряживаться*. Еще Лука Жидята обвинялъ свою паству въ москолудствѣ, т. е. въ переряживаньѣ (4). Обычай переряживаться на другой день послѣ свадьбы распространенъ въ В. и М. Россіи (5) и у Сербовъ Лужицкихъ (6).

Время совершенія свадьбы.

Г. Кавелинъ высказалъ вполнѣ основательное мнѣніе, что свадьба въ незапамятныя времена была частью извѣстнаго языческаго праздника, отъ котораго и получила свое религіозное освященіе. Послѣ она отдѣлилась отъ годоваго праздника и совершалась особо (7). Нѣмцы имѣютъ для означенія свадьбы слово Hochzeit (древ. саксhôgetîdi), слово, обозначавшее нѣкогда высшее и наиболѣе священное время въ году (8). У Поляковъ gody—свадьба, godownik—отецъ невѣсты; у нижнелужицкихъ Сербовъ словомъ gody называется праздникъ Рождества Христова (9). Изъ первоначальнаго понятія gody-время возникло понятіе объ опредѣленномъ времени, времени праздничномъ, и празднество свадьбы названо однимъ словомъ съ празднованіемъ дня Р. Хр., обстоятельство, свидѣтельствующее, что въ древнее время, быть можетъ, совершеніе свадебныхъ торжествъ было пріурочено ко времени празднованія рожденія солнца. Что Славяне имѣ-

---

1) Тамъ же IV. 135.
2) Крачковскій, „Чтенія“ 1873 IV. 63.
3) Тр. Э. С. Э. въ Зап. Р. кр. IV. 446.
4) Срезневскій, Мысли объ ист. Рус. яз. 144. [москолудство = маска + luda (покровъ)].
5) Этногр. сб, 1. 191. Пермск. сб, I. 99:
6) Haupt. ú. Smoler. Volkslied. II, 236.
7) Кавелинъ, Сочиненія. IV. 184.
8) Hamerle, Salzburq, Huchz.-qebr. 2.
9) Haupt. ú. Smoler, Yolkslieder. II. 270.

Digitized by Google

ли или могли имѣть одно опредѣленное время въ году, назначенное для бракосочетаній и сведебныхъ торжествъ, видно изъ современнаго обычая верхне-македонскихъ Болгаръ Мыяковъ обрученіе и свадьбу назначать въ извѣстное время и день года для всѣхъ безъ исключенія. Того изъ Мыяковъ, который обручается или женится въ иное время года, община строго наказываетъ и считаетъ его несчастнымъ человѣкомъ (1). Если совершеніе свадьбы у древнихъ Славянъ и пріурочивалось къ опредѣленному времени въ году, то время это врядъ ли было одно и тоже для всего Славянскаго племени; оно разнилось по мѣстностямъ. Такъ какъ въ чертогахъ солнца, по народнымъ вѣрованіямъ, бываютъ празднества весною и лѣтомъ, то и на землѣ къ этимъ періодамъ времени преимущественно были пріурочены праздники въ честь солнца; въ это время должны были совершаться и свадьбы.

Въ лѣтописи февраль называется „свадьбами“ (2). Въ настоящее время февраль во многихъ мѣстахъ выбираютъ для свадьбы. Въ Костромск. губ. свадьбы играютъ между Богоявленіемъ и Масленой недѣлей. Въ февралѣ солнце уже обнаруживаетъ очевидный поворотъ на лѣто. Правда, зима въ это время еще крѣпка и морозна; но прибавляющіеся дни предвѣщаютъ животворную побѣду теплаго и свѣтлаго начала въ природѣ надъ зимнимъ холодомъ и мракомъ.

Весна красная—настоящее свадебное время. Въ литовской пѣснѣ мѣсяцъ жилъ съ солнцемъ въ супружествѣ въ первую весну (pirma pawasareli) (3). Въ Тульск. губ. говорятъ, что 8 апрѣля солнце встрѣчается съ мѣсяцемъ (4). У древнихъ Индусовъ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ vaiçākha, соотвѣтствующій нашему апрѣлю и маю, назывался Радга (Радга—Лада). Первое число vaiçākha—rādha соотвѣтствуетъ весеннему равноденствію. Новолуніе этого мѣсяца имѣло значеніе при выборѣ времени для бракосочетанія (5). Въ Россіи

---

1) Верковичъ. Опис. быта Болг.. населяющихъ Македонію. 1868. стр. 8.
2) Снегиревъ, Рус. прост. празд. 1. 179.
3) Nesselmann, Li ttau. Lieder. 1.
4) Караѳеловъ, Памятн. 1. 197
5) Вс. Миллеръ. Аѳв.—Діоск. 319—320

Digitized by Google

свадьбы играютъ на Красную Горку, почти всегда приходящуюся въ апрѣлѣ (1).

Май мѣсяцъ имѣетъ особенное значеніе относительно бракосочетаній. Въ однихъ мѣстахъ май излюбленное время для бракосочетаній, въ другихъ именно брачущіеся избѣгаютъ май, какъ несчастный мѣсяцъ. У древнихъ Германцевъ было религіознымъ обычаемъ совершать бракосочетанія въ первые дни мая (2). У Чеховъ дѣвушка, желающая выйти замужъ, въ маѣ мѣсяцѣ обращается въ пѣснѣ къ веснѣ съ слѣдующей просьбой:

Uslyš Vesno, mého hlasu
V tomto case májovém,
Zachovej mi moji krasu
U mladem veku ruzovem (3).

Парни разносятъ въ Чехіи въ маѣ мѣсяцѣ по домамъ своихъ возлюбленныхъ небольшія деревца и поютъ: „Vesna ti věnec věje“ (4). Римляне май считали несчастнымъ для браковъ: Nec viduae taedis eadem, nec virginis apta tempora quae nupsit non diuturna fuit. Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt, mense malas Majo nubere vulgus ait (5). У современныхъ Французовъ: „noces de Mai—noces mortelles“ (6). Бракъ въ маѣ считается несчастнымъ, предвѣщающимъ горькую жизнь и скорую смерть въ Германіи (7). въ Тиролѣ (8) и во многихъ мѣстахъ В. и М. Россіи. Въ Архан. губ. апрѣль и май считаются несчастными для свадьбы [9]. «Хто въ маі звинчастця, буде вік маятця», говорятъ Малороссіяне (10).

Оставляемъ въ сторонѣ мнѣніе, что май получилъ несчастное для брачущихся значеніе, потому что названіе мѣсяца напоминаетъ понятіе, заключающееся въ близкомъ по звуку словѣ маяться.—Май мѣсяцъ несчастенъ и у такихъ народовъ, у которыхъ не встрѣчается подобнаго

1) Снегиревъ, Рус. прост. празд. III. 5.
2) Mülhause, Die Urreligg. 194.
3) Jumlork, Staraé. obyč. II. 252.
4) Тамъ же II. 251
5) Svid., Faust, V. 487—490.
6) Снегиревъ, Рус. прост. празд. I. 69.
7) Wuttke, Qolksaberg. 346.
8) Zingerle, Sitte, Br. u Mein. Tirolen Yolkes, 19.
9) „Москвитян.“ 1853. XIII. 7.
10) Номисъ, Укр. приказки § 450. Максимовичъ, Собр. соч. II 486.

Digitized by Google

звуковаго сходства двухъ по значенію различныхъ словъ. Снегиревъ причину несчастнаго значенія мая видитъ въ томъ, что для бабъ въ этомъ мѣсяцѣ начинаются трудныя работы при недостаткѣ продовольствія: возка и разбивка назема, сѣнокосъ и др. (1). Мнѣніе это также неосновательно; оно не обнимаетъ предмета во всей его полнотѣ. Трудныя работы начинаются послѣ мая; самые страдные мѣсяцы—іюнь и іюль. Народъ не боится труда; онъ не настолько дорожитъ праздностью, чтобы считать счастливымъ того, кто женится въ праздное время. У Римлянъ неблагопріятными для брака мѣсяцами считались тѣ, въ которые были крупные годовые праздники; май мѣсяцъ считался особенно несчастнымъ, потому что въ половинѣ его приходился праздникъ грозныхъ ларовъ и лемуровъ (2). Можно думать, что у Славянъ несчастное значеніе мая приблизительно имѣетъ такое же происхожденіе. Къ этому времени пріуроченъ былъ бракъ Лады, богини весенняго солнца. Когда женихъ и невѣста отождествлялись съ небесными молодыми, бракосочетаніе первыхъ совпадало по времени съ бракосочетаніемъ послѣднихъ, и совершалось именно въ маѣ; но лишь только явилось сомнѣніе въ полномъ соотвѣтствіи человѣческихъ событій явленіямъ небеснымъ, и небесныя свѣтила получили одно покровительственное значеніе, сочтено было неудобнымъ назначать бракосочетаніе въ то время, когда солнце или его олицетвореніе Лада сама была занята любовными дѣлами; она не могла быть достаточно внимательной и заботливой къ человѣческимъ нуждамъ. Не трудно было прійти къ заключенію, что лучше для бракосочетаній выбирать то время, когда небесный бракъ уже совершился и небесные молодые живутъ въ полной красотѣ и силѣ.

Такимъ временемъ являются іюнь и іюль. Праздникъ Ивана Купала есть праздникъ побѣды солнца, день его величайшаго могущества. Къ этому времени пріурочивался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ славянскаго міра праздникъ Лады (3). Въ это время земля счи-

---

1) Снегиревъ, Рус. прост. празд. I. 84.
2) Rossbach, Die Röm. Ehe. 267.
3) Квашнинъ-Самаринъ, Слав. миѳол. „Бесѣда“ 1872. IV, 254; Терещ. VI. 43,

Digitized by Google

тается благословенной Господомъ, а въ древности считалась состоящей въ прямой связи съ солнцемъ. У Лаборскихъ Русскихъ родители, благословляя жениха, кладутъ на его голову руки и произносятъ слѣдующія слова: «Жеби тя Бог благословив так, як благословить землю о св. Янѣ и о св. Петрѣ» (1).

Въ жаркій іюль солнце обнаруживаетъ всю свою любовную страсть къ землѣ и въ своей слѣпой любви обливаетъ ее горячими цѣлующими лучами. У Мыяковъ единственнымъ временемъ въ году, когда играютъ свадьбы, бываютъ дни отъ 20 іюля до 15 августа. Кто не сыгралъ свадьбы въ это время, долженъ дожидаться до того же времени слѣдующаго года. Въ день Ильи, послѣ окончанія литургіи, старѣйшій изъ поселянъ выходитъ на средину села, окруженный народомъ; онъ имѣетъ по правой сторонѣ священника, а по лѣвой сельскаго старшину (челник, каджабаши), за которымъ съ обѣихъ сторонъ слѣдуютъ другіе старики. Ставъ посреди села, сѣдоголовый селянинъ объявляетъ молодцамъ, одѣтымъ въ праздничное платье, что, «по Божіей волѣ, свадьбы начинаются». Молодежь кланяется ему, становится на колѣни передъ священникомъ подъ его благословеніе и цѣлуетъ ему руку (2).

Въ настоящее время у славянскихъ народовъ свадьбы главнымъ образомъ совершаются въ осеннее время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи онѣ начинаются съ «Голѣма Богородица» (15 авг.) [3] или, начавшись съ конца іюля, бываютъ въ августѣ и сентябрѣ (4). Въ В. и М. Россіи свадебное время бываетъ около Покрова [1 окт.] (5). «Пришла Пречиста, разносе старостів», говорятъ въ М. Россіи (6). «Покровъ весело провести, значитъ дружка знайсти», говорятъ въ Б. Россіи (7). Въ В. и М. Россіи бракосочетанія часты около дня Дмитрія Солунскаго [26 окт.]. «До Дмитра дівка хитра» (8). Въ нѣко-

---

1) Головацкій, „Чтенія“ 1872. IV. 425.
2) Верковичъ, Опис. быта Болг. 8.
3) Каравеловъ, Памят. I. 251.
4) Верковичъ, Оп. б. Болг. 8, 36.
5) Этногр. сб. V. 23.
6) Номисъ, Укр. прик. § 489.
7) Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. II.
8) Номисъ, Укр. прик. § 497.

Digitized by Google

торыхъ мѣстахъ В. Россіи покровителями брака считаютъ св. вмц. Параскеву—Пятницу [28 окт.] (1), Анастасія Овчаря [29 окт.] (2) и Косму и Даміана [1 нояб.] (3). Въ Б. Россіи дѣвушки 21 ноября молятъ Богоматерь: «Введеніе, Мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку» [4]. Особенно покровительствуютъ бракамъ св. Екатерина [24 нояб.] и св. Андрей Первозванный [30 нояб.], которыхъ ставятъ въ связь съ солнечнымъ культомъ (5). Въ В., М. и Б. Россіи и въ Славоніи [6] бракосочетанія пріурочиваютъ къ 24 ноября. Въ Болгаріи св. Екатерина считается покровительницей невѣстъ и устроительницей браковъ (7). Кануны дней св. Екатерины и св. Андрея Первозваннаго въ Малороссіи, Галиціи и Польшѣ посвящены гаданію. Въ канунъ дня св. Екатерины парни постятъ, чтобы имѣть хорошихъ женъ; въ канунъ Андреева дня постятъ дѣвушки, чтобы имѣть хорошихъ мужей.

Весенніе и лѣтніе браки миѳологическаго происхожденія. Браки осенніе возникли по экономическимъ соображеніямъ. Женились и женятся, запасшись хлѣбомъ. Изъ статистики извѣстно, что урожаи вліяютъ на число бракосочетаній. Замужъ выдаютъ осенью охотно, потому что зимой не нужно будетъ кормить дѣвушки, «съ хлѣба долой», какъ выражаются въ Тверск. губ. [8]. Въ галицкой коломійкѣ заключеніе брака поставлено въ зависимость отъ сбора пшеницы [9]. Въ чешской народной пѣснѣ:

Malo pšenic, malo žit,
malo žit
nesmime se oženit
oženit;

---

1) Терещ., Быт. Р. н. V. 59.
2) Каравеловъ, „Памятн.“ I. 265.
3) Терещ., VI. 62.
4) Крачковскій. „Чтенія“ 1873. IV. II.
5) Труды Кіевск. Дух. Акад. 1871. IX. 573.
6) Jlic, Nar. Slav. ob. 40.
7) Каравеловъ. Памят. I. 269.
8) Этногр. Сб. I. 187.
9) Головацкій, „Чтенія“ 1872. I.

Digitized by Google

jěčmeny jsou zeleny,
musime bejt bez ženy [1].

Въ польской пѣснѣ:

Nieclopoc się o żonkę,
Da ci Pan Jezus panienkę;
Jest pszeniczka, będzie mąka,
Są dziewczątka, będzie żonka [2].

Въ древнемъ народномъ міровоззрѣніи жизнь человѣка была поставлена въ тѣсную, неразрывную связь съ жизнью внѣшней природы. Изъ сближенія, подчасъ отождествленія микрокосма и макрокосма возникло вѣрованіе въ счастливые и несчастные дни. Когда природа угрюма и печальна, небо заволакиваютъ однообразныя, сѣрыя тучи, и землю сковываетъ морозъ,—это въ природѣ несчастное время, несчастное и для человѣка. Когда солнце яркими лучами обливаетъ вселенную и повсюду разливаетъ теплоту и свѣтъ,—это время счастливое и для внѣшней природы и для человѣка. Первоначально несчастные дни—дни пасмурные и холодные, когда надъ внѣшнимъ міромъ брали верхъ боги гнѣва и зла; счастливые дни—дни солнечные, ясные, когда въ небесныхъ пространствахъ безпрепятственно совершала свою прогулку Лада. Римляне для счастливыхъ и несчастныхъ дней имѣли въ высшей степени характеристичныя названія dies albi и dies atri. Что у Русскихъ счастливый день первоначально былъ именно ясный, солнечный день, видно изъ слѣдующихъ свадебныхъ повѣрій: Въ Пензенск. губ. сваха отправляется въ домъ отца невѣсты въ ясную погоду (3). Въ Воронежск. губ. ясная погода во время свадебнаго поѣзда въ церковь предвѣщаетъ веселую жизнь; если во время вѣнчанія облако закрываетъ солнце,—будутъ размолвки [4]. Дѣленіе дней на счастливые и несчастные встрѣчается у различныхъ народовъ, причемъ различіе между тѣми и другими днями въ особенности берутъ во вниманіе при бракосочетаніяхъ. У Китайцевъ (5) и Германцевъ (6) для совершенія брака избираютъ счастливый день,

[1]) Erben, Prost. čes. pis. IV. 274.
[2]) Lipinski, Piosnki ludu wielikopolsk. I.55.
[3]) Пензенск. Г. В. 1864. № 17.
[4]) Воронежск. Г. В. 1861. № 29.
[5]) Klemm, Allgem. Kulturgesch VI. 106
[6]) Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart, 1869, стр. 346.

Digitized by Google

что, какъ извѣстно, соблюдается почти повсемѣстно въ Россіи. Счастливый день опредѣлялся не только днемъ солнечнымъ; необходимо было, чтобы онъ приходился въ опредѣленный фазисъ луны, считаемый наиболѣе благопріятнымъ для человѣческихъ дѣлъ. По различнымъ соображеніямъ у разныхъ народовъ предпочтеніе отдается или новолунію, или первой четверти, большею частью полнолунію и никогда послѣдней четверти.

У древнихъ Индусовъ ночь, когда луны не бываетъ на небѣ, называлась amā-vā-syā, т. е, сожительство (ama-съ и vas-жить), причемъ разумѣлось сожительство солнца съ мѣсяцемъ (1). Къ этому времени пріурочивались и человѣческія бракосочетанія. У Норвежцевъ лучшимъ временемъ для вступленія молодой женщины въ домъ мужа считается новолуніе (2). Въ русскомъ поученіи конца XVI ст. или начала XVII ст. «къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума въ роженіе мѣсяца, и въ наполненіе, и въ ветохъ, и въ преходня звѣзды, и въ злые дни и часы» говорится, что многіе неразумные «въ нароженіе мѣсяца....женитвы и посягання учрежаютъ» (3).

Значительной распространенностью пользуется обычай совершать бракосочетаніе въ прибавленіе мѣсяца и въ полнолуніе. Народная мысль въ соотвѣтствіе съ прибавленіемъ и ростомъ мѣсяца поставила понятіе объ обиліи и прирощеніи; ущербъ же мѣсяца, напротивъ, сталъ знаменовать ослабленіе или обѣднѣніе человѣческихъ силъ и способностей. Есть свидѣтельства, что у древнихъ Индусовъ свадьбу совершали на прибавленіе мѣсяца (4). Въ настоящее время на прибавленіе мѣсяца совершаютъ свадьбу въ Германіи (5) и у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, напр., Сербовъ Лужицкихъ (6). У послѣднихъ говорятъ, что, когда нѣтъ на небѣ во время свадьбы мѣсяца, не будетъ у молодыхъ дѣтей.

---

1) Вс. Миллеръ, Аęв—Діоск, 321.
2) Liebrecht, Zur Volkskunde 1879. 321.
3) „Лѣтоп. Рус. Лит. и Древн.“ 1863. V. 100. „Пять древ. рус. поуч“.
4) Weber, Ind. Stud. V 296.
5) Wuttke, Volksaberg. 346.
6) Haupt. u. Smoler, Volkslied. II, 257.

Digitized by Google

По свадебнымъ обычаямъ славянскихъ народовъ трудно опредѣлить какой день недѣли предпочитался при бракосочетаніяхъ. Въ воскресенье свадьба бываетъ въ В., М. и Б. Россіи, въ Угорской Руси(1); въ понедѣльникъ—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, прежде населенныхъ Славянами (2); во вторникъ—у Кашубовъ [3]; въ четвергъ свадьба бываетъ преимущественно у народовъ германскаго племени, у древнихъ Дитмарзовъ и Фризовъ (4), въ Тиролѣ (5) и во многихъ мѣстахъ Германіи (6). Въ пятницу—въ верхнемъ Пфальцѣ [7], вообще, въ сѣверной Германіи и преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде жили Славяне (8). У Мазуровъ свадьбы непремѣнно бываютъ въ пятницу (9). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи [10], Германіи (11) и въ Тиролѣ [12] свадьбы, совершенныя въ пятницу, напротивъ, считаются несчастными. Среда и суббота—совсѣмъ не свадебные дни; въ эти дни иногда начинаютъ сговоръ, напр., у Краковскихъ Поляковъ (13).

Повидимому, воинственные Германцы предпочтеніе отдавали четвергу, стоявшему подъ особымъ покровительствомъ грознаго громовника Донара, а миролюбивые Славяне остановились на пятницѣ, посвященной богинѣ любви и земледѣлія Ладѣ, и на воскресеньѣ, сдѣлавшемся почетнымъ подъ христіанскимъ вліяніемъ.

Черты небеснаго брака въ бракѣ человѣческомъ.

Мысль о томъ, что браки, совершающіеся на землѣ, представляютъ подобіе супружескихъ сочетаній божественныхъ существъ, повела къ низведенію небесной брачной обстановки на землю, въ

---

1) Головацкій, „ Чтенія “ 1872. IV. 421.
2) Wuttke, Volksabergl. 346.
3) Этногр. Сб. V. 56.
4) Klemm, Die Frauen. II. 166,
5) Zingerle. 19.
6) Mülhause, Die Urrelig. 196; Kuhn, Märk. Sag. 354.
7) Wuttke, Volksabergl. 346.
8) Kuhn. Mârk. Sag. 355.
9) Toeppen. Aberglauben aus Masuren. 1867. 84.
10) Wolf, Bieträge. I. 211.
11) Kuhn. Märk, Sag. 387; Wolf. Bieträge I. 211.
12) Zingerle. 19.
13) Kolberg. Lud. XI. 67.

Digitized by Google

особенности выразившемуся въ древне-индусскихъ свадебныхъ изреченіяхъ, гдѣ Агни передаетъ невѣсту Гандарвѣ, а Гандарва—жениху. Женихъ и невѣста, все ихъ окружающее, окрашены красками другаго высшаго міра, окружены ореоломъ свѣта, красоты и чистоты.

I. Свѣтоносное и громоносное свойства молодыхъ. Въ свадебныхъ пѣсняхъ Угорской Руси стѣна начинаетъ свѣтить, когда около нея садится женихъ или невѣста:

Ой где Иванко сидит,
Там ся стѣночка свѣтит,
А где Марійка сидит,
Коло ней ся яснит (1).

Въ свадебной пѣснѣ Тульской губ. невѣста освѣтила весь дворъ, когда по немъ прошла (2).

Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ:

Звинѣла комора, звинѣла,
Гдзѣ Тацянка садзѣла... (3).

—

Разсыпайцися горы,
Разлятяйцися утёсы,
Дзѣвочка къ вянцу ѣдзя (4).

II. Расположеніе къ красному цвѣту. Римская невѣста на голову надѣвала flammeum—покрывало огненнаго цвѣта. Въ старинное время нѣмецкая невѣста одѣвалась въ красное платье (5). Въ В. и М. Россіи сватъ или сваха и гости на другой день послѣ свадьбы украшаютъ себя красными лентами. Кашубы приписываютъ краснымъ лентамъ значеніе предохранительнаго средства отъ колдовства и сглазу и привязываютъ ихъ къ лошадинымъ уздечкамъ, а жеребятамъ обязываютъ вокругъ шеи (6). Вѣроятно, и на свадьбахъ красныя ленты предохраняютъ отъ колдовства.

---

1) Головацкій, „Чтенія“, 1866. I. 555.
2) „Москвитян.“ 1853. XIV. 114.
3) Зап. Г. О. по О. Этн. 1873. V. 182.
4) Сборн. нам. нар. творч. въ С. З. кр. CCXCIII.
5) Klemm, Die Frauen. II. 182.
6) Этногр. сб. V. 73.

Digitized by Google

III. Молодые оказываютъ благотворное вліяніе на растительность. Въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ, когда женихъ ѣдетъ по лугамъ, луга зеленѣютъ, вблизи сада,—садъ разцвѣтаетъ (1). Въ свадебной пѣснѣ Костр. губ. во время поѣзда невѣсты цвѣты разцвѣтали (2). Въ болгарской свадебной пѣснѣ:

Кога за Іелка (имя невѣсты) пойдоха
Вишни, черéши цафтеха;
Кога се с Іелка врнаха,
Вишни, черéши узрели. (3).

IV. Вліяніе новобрачной на размноженіе скота. У Сербовъ Лужицкихъ молодая, по возвращеніи изъ церкви послѣ вѣнчанія, обходитъ дворъ своихъ родителей и заходитъ въ коровникъ, гдѣ доитъ коровъ (4). Въ Германіи существуетъ подобное обыкновеніе; молодая, входя въ помѣщенія домашнихъ животныхъ, принадлежащихъ мужу, желаетъ имъ „viel Glück“ (5).

V. Соблюденіе всѣхъ употребляемыхъ въ извѣстной мѣстности свадебныхъ обрядовъ только при бракосочетаніи невинной дѣвушки. Какъ солнце только разъ въ году празднуетъ торжественно свое бракосочетаніе съ мѣсяцемъ или землей, такъ и женщина, по древнимъ воззрѣніямъ, удержавшимся отчасти до сихъ поръ, только однажды въ своей жизни можетъ расчитывать на полное свадебное торжество. Всѣ пѣсни любви, всѣ украшенія красоты и слова радости—одной цѣломудренной невѣстѣ, потому что только цѣломудренная дѣвушка достойна уподобиться вѣчно чистой и радостной небесной Ладѣ. Въ В., М. и Б. Россіи только при бракосочетаніи дѣвушки соблюдаются всѣ свадебные обряды; во время бракосочетанія вдовы нѣкоторые свадебные обряды опускаются; такъ, вдовы не удостоиваются вѣнка. У Римлянъ вдовы брачились безъ pueri patrimi et matrimi и безъ обрядоваго приподниманія при

---

1) Шейнъ, Бѣл. пѣс. 477. Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. кр CXCVI.
2) Снегиревъ, Рус. прост. празд. IV. 134,
3) Безсоновъ, Болг. пѣс. II. 16,
4) Hauptu, Smoler, Volkslied. II. 235.
5) Wuttke, Volksabergl. 351.

Digitized by Google

шествіи черезъ порогъ въ домѣ новобрачнаго (1). У Бедуиновъ Арабовъ брачныя церемоніи существуютъ только для дѣвицъ; бракъ вдовы не считается событіемъ достаточно важнымъ, чтобы соблюдать обряды. (2). Въ Индіи, при бракосочетаніи нецѣломудренной дѣвицы, не употреблялись религіозные обряды (3).

VI. *Исключительное уваженіе къ невѣстѣ.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и Германіи (4) невѣста на свадьбѣ является героиней торжества; всѣ присутствующіе угождаютъ ей; каждый изъ гостей считаетъ своей обязанностью протанцовать съ нею хотя одинъ разъ. Обязательный для всѣхъ мужчинъ, присутствующихъ на свадьбѣ, танецъ съ молодой встрѣчается у Чеховъ (5) и у Бѣлоруссовъ на другой день послѣ свадьбы [6]. Въ Олонецкой губ. невѣста разъѣзжаетъ по домамъ знакомыхъ женщинъ, и онѣ садятъ ее къ себѣ на колѣни, держатъ косу ея въ своихъ рукахъ и ласкаютъ [7]. Быть можетъ, здѣсь дѣйствуетъ одна обрядным образомъ выраженная жалость о дѣвушкѣ, выходящей въ чужую дальную сторонушку, къ людямъ незнакомымъ; быть можетъ, обрядъ возникъ изъ древняго сближенія невѣсты съ солнцемъ, въ силу чего невѣста получила значеніе существа, содѣйствующаго человѣческому благосостоянію.

VII. *Воздержаніе молодыхъ отъ пищи во время свадебнаго стола.* Въ духовномъ стихѣ Олонец. губ. объ «Алексіѣ, божьемъ человѣкѣ» на брачномъ пирѣ, по случаю свадьбы Алексѣя,

Сажали его, свита, за трапезу,
За скатерти, свита, за браныя;
Вси князья—бояре воскушаютъ,
Одинъ Олексій не воскушаетъ (8).

---

1) Rossbach, Die röm. Ehe. 262.
2) Лэбокъ, Нач. цивил. 52.
3) Смирновъ, Очерки семейн. отнош. I. 59.
4) Mülhause, Die Urrelig. 202.
5) Časop. ces. Mus. 1859. I. 97.
6) Вѣст. Геогр. Общ. 1853. VIII. 60.
7) „Бесѣда“ 1872. VI. Ш.
8) Зап. Г. О. по О. Э. 1869. II. 69.

Digitized by Google

У Малороссовъ [1]) и Сербовъ Сирміи, или Срѣма [2]) молодые за свадебнымъ столомъ ничего не ѣдятъ; у Краковскихъ Поляковъ въ день свадьбы они не ѣдятъ только мяса («чтобы не гибли животныя», по современному народному объясненію) [3]). У Чеховъ [4]) и у Бѣлоруссовъ [5]) не употребляетъ пищи только невѣста. У Калмыковъ существуетъ подобное обыкновеніе, причемъ молодые воздерживаются въ день свадьбы отъ питья [6]). Всѣ эти обычаи указываютъ на молодыхъ, какъ на существъ мистическихъ.

VIII. *Богатое одѣяніе молодыхъ и свадебнаго поѣзда въ произведеніяхъ народной поэзіи.* Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ женихъ, невѣста и ихъ родственники отличаются драгоцѣнными одеждами. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отличать два вліянія: А) вліяніе бытовой старины и Б) вліяніе миѳологіи.

А) Въ малорусской пѣснѣ невѣста проситъ сдѣлать ей «зеленую суконечку по земельку, широзлотний поясочок на станочок, червонії черевички на ніжечки» [7]). Въ бѣлорусской пѣснѣ теща, въ ожиданіи зятя, устилаетъ дворъ куньими, бобровыми и собольими мѣхами [8]). Въ великорусской пѣснѣ свахѣ тяжело сидѣть, потому что золотой кокошникъ клонитъ ея голову къ землѣ, алмазныя серьги оттягиваютъ уши, бурмитскій жемчугъ третъ шею и соболиная шуба тяготитъ плечи [9]). Въ другой пѣснѣ, когда молодые поѣхали къ вѣнцу, то «золотые поводы зазвенѣли» [10]). Въ пѣсняхъ этихъ и многихъ другихъ, имъ подобныхъ, помимо естественнаго въ народной поэзіи преувеличенія, доходящаго подчасъ до превращенія скромной мѣди въ благородное золото, сказалось воспоминаніе о прежнемъ народномъ матеріальномъ достаткѣ. Въ южно-сибирской пѣснѣ отецъ невѣсты даетъ дочери въ приданое «десять городовъ

[1]) Терещ., Бытъ Р. н. II. 526.
[2]) Rajacsich, Das Leben d. Südslau 157.
[3]) Kolberg, Lud VI. 46.
[4]) Савор. čes. Mus. 1859. I. 96.
[5]) Вѣст. Геогр. Общ. 1853. VIII. 35.
[6]) Небольсинъ, Оч. быта Калм. 75.
[7]) Метлинск., 140.
[8]) Этногр. сб. III. 254.
[9]) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. III 181.
[10]) Терещенко, II 203.

Digitized by Google

съ пригородками и десять теремовъ съ притеремками» (1),—черта, выхваченная изъ княжескаго быта и подкрашенная народной фантазіей. Въ старинное время, когда населеніе русской страны было малочисленно, а ея природныя богатства почти нетронуты, народъ отличался большей, чѣмъ теперь, обезпеченностью въ матеріальномъ отношеніи, большимъ достаткомъ. Оттого за дѣвушками давали болѣе цѣнное приданое, чѣмъ въ настоящее время. «Прежде давали другое приданое, говорилъ одинъ архангельскій крестьянинъ П. С. Ефименко, такъ что было что и заложить, и продать въ случаѣ крайности; прежняя одежда и украшенія далеко превосходили по стоимости нынѣшнія: штофники руб. 40 ассигн., кумачники въ 5 руб., на нихъ серебреныя пуговицы и золотыя бахромки рублей на 10 асс.; прежде жемчугъ былъ въ большомъ употребленіи; богатыя повязки (головной уборъ), унизанныя жемчугомъ, цѣнились рублей въ 100—300 асс. Теперь только и цѣнности, что салопы на лисьемъ мѣху (2)».

Б) Есть, однако, совсѣмъ другаго значенія изображенія красоты и богатства жениха, невѣсты и ихъ родныхъ. Въ южно-сибирской свадебной пѣснѣ невѣста NN соболемъ лѣса прошла.

Крыла лѣса алымъ бархатомъ,
По пути катила крупнымъ жемчугомъ,
Прикатила на крутой бережокъ,
Стала на бѣлъ-горючь камешокъ,
Вскрыкнула она зычнымъ голосомъ:
Кто бы меня за рѣку перевезъ? (3).

Обстановка, среди которой является невѣста, вполѣ миѳическая; здѣсь и бѣлъ-горючь камень, и покрытые алымъ бархатомъ лѣса, и рѣка. Въ основаніи пѣсни лежитъ героиня небесная, само солнышко въ женскомъ образѣ, проглянувшее черезъ тучи, окрасивъ ихъ въ красный цвѣтъ. Миѳическимъ свойствомъ отличаются также тѣ малорусскія и бѣлорусскія пѣсни, въ которыхъ невѣста

1) Ст. Гуляевъ, „Библ. для Чт.“ 1848 XC 5
2) Зап. Геогр Общ. по О. Эти. 1873 Ш 19
3) От. Гуляевъ „Библ. для Чт.“ 1848 XC 10

Digitized by Google

«сыпетъ золото изъ рукавця» (1). Въ объясненіе этихъ пѣсенъ можно указать на червонорусскую пѣсню о дѣвушкѣ, сѣющей изъ рукава красоту. Она сѣетъ въ утреннее время и при такой обстановкѣ, которая наводитъ на мысль усмотрѣть въ ней утреннюю зарю.

Під дубровою
Під зеленою
Дрібна росонька впала;
Там Марусенька,
Там паннуненька
Красу разсѣвала,
Пришов до неи
Батенько:
«Що дѣешь Марусенько?»
То я дѣю,
Красеньку сѣю,
Из рукавця витрясаю (2).

Въ бѣлорусской пѣснѣ, гдѣ сидитъ невѣста, стѣны отъ золота дѣлаютъ трещины, отъ серебра ломаются скамьи, а отъ сапогъ невѣсты горитъ полъ (3). Невѣста въ данной обрисовкѣ соотвѣтствуетъ дивчинѣ галицкой колядки; въ уборѣ этой дивчины:

Червоний саян землицю мете,
Перлова тканка голову клонит,
Золотой пояс лядвици ломит,
Червони чижми ножки стіскают,
Золотой перстень пальчики свѣтлит (4).

Невѣста бѣлорусской пѣсни и дѣвушка галицкой колядки стоятъ въ родствѣ съ солнечной дочерью сербской пѣсни; у солнечной дочери руки до плечъ и ноги до колѣнъ золотыя (5).

Въ малорусской свадебной пѣснѣ «родина» невѣсты ходитъ вокругъ квашни «все в сріблі, та все в золоті, та в червоним окса-

1) Минск. Губ. Вѣд. 1865 № 30
2) Лукашевичъ, Малор. и червон. нар. пѣс. и думы 158
3) Шейнъ, Бѣл. пѣс. 460.
4) Головацкій, „Чтенія“ 1871. IV. 70.
5) Вукъ Караджк. Срп. нар. пјес 1 157

Digitized by Google

митi» (1). Въ пѣснѣ Угорской Руси бояре въ шелковой одеждѣ, староста до колѣнъ въ золотѣ и въ красныхъ лентахъ (2). Пѣсни эти стоятъ въ миѳическомъ родствѣ съ слѣдующей колядкой:

Ой з-за гори високоі
Ой дай, Боже!
Відти іде три колясочки:
Перша колясочка багровенькая,
Друга—червоненькая,
Третя—золотенькая.
А в тий багровенький сиділи еі служеньки,
А в тий червоненький кгречная панна,
А в тий золотенький еі міленький (3).

И съ слѣдующей латышской народной пѣсней:

Пѣгіе кони, кованая колесница
У дверей солнечнаго дома;
Солнечная матушка отдаетъ свою дочку,
Приглашаетъ меня въ поѣзжане (4).

Въ небесномъ бракѣ солнца и мѣсяца принимали участіе всѣ свѣтила небесныя. Вращеніе въ золотой одеждѣ вокругъ квашни, разноцвѣтныя коляски, кованая колесница приведенныхъ пѣсенъ—все это различные символы одного и того же небеснаго явленія: вращенія небесныхъ свѣтилъ около солнца.

XI. *Сохраненіе брачной одежды и ея цѣлебное значеніе.* Въ В. и М. Россіи брачную одежду сохраняютъ всю жизнь, особенно фату; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брачную одежду надѣваютъ въ большіе годовые праздники; въ нѣкоторыхъ—только послѣ смерти облекаютъ ею покойника, которому она принадлежала. Иногда брачная одежда переходитъ изъ рода въ родъ. Въ Харьковск. губ. прикосновеніе къ вѣнчальному платью невѣсты считаютъ цѣлебнымъ.

---

1) Nowosielski, Lud. ukr. I. 214.
2) Головацк., „Чтенія“ 1872. IV. 438.
3) Тр. Э. С. Э. Ш. 315.
4) Спрогисъ, Пам. латыш. нар. тв. 313.

Digitized by Google

Свадебные символы солнца, грома и дождя.

Славянскія свадьбы обладаютъ преимущественно чертами солнечнаго культа. Грозовыя явленія отразились въ нихъ въ слабой степени. Оттого, при значительномъ количествѣ свадебныхъ символовъ солнца, свадебныхъ символовъ грозы почти нѣтъ.

Кольцо. Обрядовое употребленіе на свадьбахъ кольца имѣетъ широкое распространеніе среди народовъ индоевропейскаго племени вообще и народовъ славянскихъ въ частности. У древнихъ Индусовъ надѣвали желѣзныя кольца на правую руку жениха и на лѣвую руку невѣсты; невѣста дарила кольцомъ жениха, когда онъ входилъ въ домъ ея отца (1). У Римлянъ дѣвушка дарила жениху желѣзное, впослѣдствіи золотое кольцо и получала отъ него обручальное кольцо (annulus pronubus), въ знакъ вѣрности и взаимной любви (2). Обручальное кольцо надѣвали на лѣвый безыменный палецъ на томъ будто основаніи, что, по словамъ Геллія, при разсѣченіи и вскрытіи труповъ, нашли, что одинъ тончайшій нервъ проходитъ отъ этого пальца къ сердцу, и потому то нашли умѣстнымъ удостоить подобной чести тотъ по преимуществу палецъ, который какъ бы связывается съ сердцемъ (3). У древнихъ Германцевъ свадьбѣ предшествовало обрученіе, состоявшее въ томъ, что женихъ и невѣста мѣнялись кольцами (4). Кольцо служило символомъ брачнаго соединенія. У Англосаксовъ въ старинное время женихъ подавалъ своей невѣстѣ кольцо на рукояткѣ меча (5).

Христіанская церковь въ глубокой древности приняла и освятила своимъ авторитетомъ обрядовое употребленіе кольца на свадьбахъ. О золотыхъ обручальныхъ кольцахъ говоритъ впервые Тертуліанъ (6).

Въ В. и М. Россіи мѣняются кольцами на Троицу въ знакъ дружбы (7). У Уральскихъ казаковъ сваха на всѣхъ пальцахъ но-

1) Weber, Ind. Stud. VI 299.
2) Фридлендеръ, Карт. изъ ист. рим. нрав. I. 226.
3) Тихоновичъ, Бр. и свад. обр. у др. Римл. 22.
4) Pfahler, Hanbbuch deutsch. Alterthümer. 573
5) Klemm, Die Frauen. II. 152.
6) Augusti, Denkwürdigk. IX 316
7) Терещ., VI. 175,

Digitized by Google

ситъ кольца (1). Кольцо—самое вѣрное ручательство брачнаго союза. «Чи је прстен—тога и дѣвойка», «безъ прстена нема разговора»—говорятъ Черногорцы (2). Почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ сватовство начинается подаркомъ перстня невѣстѣ женихомъ, иногда обратно,—у Бѣлоруссовъ (3), Великоруссовъ [4], Сербовъ, Болгаръ [5]. Въ Б. Россіи кольца жениха и невѣсты кладутъ въ одинъ платокъ и поднимаютъ его выше головы; волосы невѣсты продѣваютъ черезъ кольцо и немного поджигаютъ [6].

Свадебное кольцо—символъ солнца, брачнаго соединенія солнца съ мѣсяцемъ или землей и, наконецъ, символъ человѣческаго брака. Кольцо, какъ символъ солнца, въ особенности ясно сказалось въ латышской народной поэзіи; здѣсь оно составляетъ необходимую принадлежность солнечной дочери [7].

Яблоко, какъ символъ солнца, встрѣчается въ свадебныхъ обрядахъ многихъ славянскихъ народовъ. Оно вовсе неизвѣстно съ этимъ значеніемъ въ В. и М. Россіи. Въ Б. Россіи невѣста посылаетъ жениху въ подарокъ яблоки [8]. Въ Чехіи невѣста даетъ дружкѣ красное яблоко разломить на двѣ равныя половины. Обѣ половины она прячетъ за пазуху. Оставшись наединѣ, она одну половину отдаетъ мужу, другую оставляетъ себѣ (9). У Болгаръ и Сербовъ, со включеніемъ Черногорцевъ, женихъ или его уполномоченный даритъ невѣстѣ яблоко (10). Въ черногорской свадебной пѣснѣ:

Прстен дава Јанко харамбаша,
За прстеном ябуке се маша,
У ню мече до десет дуката,
Све дуката от чистога злата (11).

---

1) Абевега 1786. 10.
2) „Вѣстн. Евр.“ 1879. IX. 166.
3) Терещ, II ,561.
4) „Отеч. Зап.“ 1843. XXVI. См. 20; „Москвитян.“ 1853. XIV 88.
5) „Москвитян.“ 1845. VI. 169.
6) Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. 25 53. Шейнъ, Б. п 357.
7) Спрогисъ, Памят. латыш. нар. творч. 353.
8) Вѣст. Геогр. Общ. 1853 VIII. 31
9) Časop. čes Mus. 1859. I 39.
10) Rajacsich, Das Leben d. Südslaw. 138; Безсоновъ, Болг. пѣс. II 52. Гласник. 1870. XI. 178 „Вѣстн. Европы“ 1879. IX. 165.
11) „Вѣст. Европы“ 1879 IX. 166.

Digitized by Google

У Галицкихъ Поляковъ молодые люди въ знакъ любви дарятъ другъ другу яблоки, какъ видно изъ словъ колядки: nadobna Anuska piąte złote jabłuszka dała temu, co kochała [1]. У Сербовъ южной Австріи (2) и македонскихъ Болгаръ Мыяковъ [3] позолоченное яблоко втыкаютъ на верху свадебнаго знамени. Въ Черногоріи знакомые жениха или невѣсты подносятъ свадебному поѣзду въ попутныхъ деревняхъ бутылку водки, положивъ на верхъ горлышка бутылки яблоко или апельсинъ (4). У Сербовъ южной Австріи женихъ неожиданно бросаетъ въ свояченицу яблокомъ; она отвѣчаетъ ему тѣмъ же (5].

У древнихъ Египтянъ, Персовъ и Грековъ яблоко было символомъ солнца [6]. Такое значеніе оно имѣло нѣкогда и у Славянъ, на что сохранились указанія въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ. Въ малорусской веснянкѣ солнце названо прямо яблокомъ:

Катилось яблучко
С гори до долу;
. . . . . .
Час вам дівочки
Из гуляння до дому [7].

Въ польской сказкѣ женщина съѣла яблоко, и у ней родился золотоволосый сынъ [8].

Вѣнокъ. Вѣнокъ въ сказаніяхъ и обрядовыхъ дѣйствіяхъ разныхъ народовъ играетъ важную роль, какъ предметъ священный и мистическій. Еще Египтяне клали въ храмахъ вѣнки изъ цвѣтовъ. Въ древней Греціи во время жертвоприношенія надѣвали на голову вѣнки, держали вѣнки въ рукахъ и вѣнками же украшали жертвенныхъ животныхъ (9). Жениха и невѣсту украшали вѣнками, преимущественно миртовыми, положенными на голову (10). Кромѣ

[1] Zeg. Pauli, Pies. ludu 4
[2] Rajacsich, Das Leben I. Südsl 142
[3] Верковичъ. Опис. быта Болг.. населяющихъ Македонію. 1868. стр. 8.
[4] „Вѣстникъ Европы“ 1879 Б 170
[5] Rajacsish, Das Leben d. Südsl 144
[6] Mülhause, Die Urrelig 57
[7] Труды эт. ст. эксп. въ З р. кр. III. 131.
[8] Kolberg, Lud VIII 52
[9] Wachsmuth, Hell, Alterthumskunde. II 231; Schoemann, Griech. Alterth II. 210.
[10] Böttiger, Aldobrand. Hochzeit· 142,

Digitized by Google

того, вѣнки встрѣчаются на скульптурныхъ изображеніяхъ боговъ и побѣдоносныхъ военачальниковъ, на чашахъ и кубкахъ. Римляне до времени второй пунической войны ношеніе на головѣ вѣнковъ ограничивали лишь немногими случаями и виновныхъ въ нарушеніи обычая наказывали. Только въ опредѣленные праздники [сатурналіи, флораліи, либераліи] разрѣшалось всякому надѣвать вѣнокъ. «Coronae deorum honos erant et Larium publicorum privatorumque ac sepulcrorum et Manium»(1). Вѣнки клали на голову жрецовъ, на жертвенныхъ животныхъ и жертвенный хлѣбъ и на побѣдоноснаго начальника. Въ честь боговъ, покровителей земледѣлія и брака, вѣнокъ на головѣ носили молодые и поѣзжане. Вѣнокъ невѣсты состоялъ изъ flores, verbenae herbaeque, которыя она сама собирала (2). Вѣнки вѣшали въ домѣ новобрачныхъ въ атріи (3). По словамъ Гильдебранда, «erat corona apud veteres: 1) signum laetitiae, 2] signum honoris и 3] signum victoriae. Omnium horum index est corona nuptialis» (4). У Литовцевъ свадебный вѣнокъ также пользуется большимъ уваженіемъ. Пѣсни, которыя о немъ поютъ, въ научномъ отношеніи очень важны, какъ ключъ, открывающій доступъ къ пониманію основнаго значенія свадебнаго вѣнка. Въ латышскихъ пѣсняхъ вѣнокъ отъ дѣвушки долженъ перейти къ дѣвушкѣ же; если онъ останется у женщины, послѣ ея выхода замужъ, у ней будетъ болѣть голова:

Кладите мой вѣночекъ
Моей свояченицѣ на голову!
Не кладите его въ приданое,
Чтобы у меня не болѣла голова (5).

Въ литовской пѣснѣ вѣнокъ изъ руты знаменуетъ молодость и красоту (6).

Въ древней Германіи невѣста и ея подруги носили на свадьбѣ вѣнки (7). Въ настоящее время вѣнокъ составляетъ необходимую

1] Rossbach, Die röm. Ehe. 202.
2) Ibid. 335, 292, 293.
3) Фридлендеръ, Карт. изъ ист. рим. нрав. I. 227.
4] Augusti, Denkwürdigk. IX. 322.
5) Спрогисъ, Памят. лат. нар. творч. 208.
6) Nesselmann, Litt. Volkslieder. 1853. стр. 200.
7) Klemm, Die Frauen II. 162

Digitized by Google

принадлежность нѣмецкой невѣсты [1], причемъ въ однихъ мѣстахъ его разрываютъ послѣ свадьбы на куски по числу присутствующихъ [2], въ другихъ—сохраняютъ для счастья молодыхъ [3]. Въ Германіи дѣвушки сплетаютъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ и вѣшаютъ его въ комнатѣ или въ конюшнѣ. На другой годъ засохшій вѣнокъ замѣняютъ новымъ вѣнкомъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ (4).

Вѣнокъ, достояніе языческаго міросозерцанія, былъ принятъ христіанскою церковью для бракосочетаній въ концѣ III вѣка (5).

Въ Западной Европѣ женихъ и невѣста носятъ вѣнки съ тѣмъ только различіемъ, что невѣста носитъ вѣнокъ на головѣ, а женихъ на плечѣ или въ рукѣ [6]. Въ Восточной Европѣ [народы греческіе и славянскіе] вѣнокъ носитъ или только невѣста, или невѣста и женихъ, но обое на головѣ,—невѣста на косѣ, женихъ на шапкѣ [7].

У славянскихъ народовъ вѣнки вьютъ 1] въ весенніе и лѣтніе праздники и 2] на свадьбахъ.

1] Въ В. Россіи распространено обыкновеніе вить весной вѣнки и украшать себя цвѣтами. Въ М. Россіи дѣвушки украшаютъ себя вѣнками изъ цвѣтовъ 23 іюня, наканунѣ Ивана Купала. Еще Стоглавъ возставалъ противъ весенняго плетенія вѣнковъ, какъ обряда языческаго [8]. Въ Б. Россіи дѣвушки во время весеннихъ хороводовъ украшаютъ себя цвѣточными вѣнками въ честь Ярилы (9). Во многихъ мѣстахъ В. Россіи дѣвушки вьютъ вѣнки въ день Сошествія св. Духа, цѣлуются черезъ нихъ, бросаютъ ихъ въ рѣку и по ихъ положенію гадаютъ о своемъ будущемъ [10]. Завиваніе троицкихъ вѣнковъ изъ березовыхъ вѣтокъ встрѣчается въ Сѣверской сторонѣ [11]. Обыкновеніе бросать на Ивана Купала въ воду вѣнки и по ихъ положенію судить о будущемъ встрѣчается въ В.

1) Kuhn, Mark. Sagen 350
2) Mülhause, Die Urrelig 204
3) Wuttke, Volksaberge 353
4) Grimm, Deutsch. Myth 50
5] „Христ. Чтеніе“ 1880. I. 107.
6] Augusti, Denkwürdigk. IX. 323.
7) Шейнъ, Вел. пѣс. 287, Головац.. „Чтенія“ 1872. IV. 402.
8] Погодинъ. Древ. русск. ист. II 763.
9) Ефименко, „Зап. Г. О. по О. Эти.“ 1869. II. 84.
10] Этногр. Соб. V. 104 Шейнъ Вел. п. 398
11) М. А. Максимовичъ, Соб. соч. II 505.

Digitized by Google

и М. Россіи и у Мазуровъ [1]. Въ М. и Б. Россіи красивая дѣвушка [«богиня»], украшенная вѣнкомъ изъ ржи, относила въ прежнее время дожиночный снопъ къ помѣщику [2]. Въ Ю. З. краѣ 23 апрѣля изъ зеленаго жита плетутъ вѣнки, освящаютъ ихъ и кладутъ на хоругви [3]. Въ Болгаріи наканунѣ дня св. Георгія (23 апр.) вьютъ вѣнокъ, несутъ его въ церковь, освящаютъ и затѣмъ вѣшаютъ его въ переднемъ углу дома наряду съ иконами; его части въ истертомъ видѣ даютъ въ кормъ скотинѣ, если она начнетъ болѣть. Въ самый день св. Георгія выводятъ въ поле барашка и надѣваютъ ему на голову вѣнокъ изъ колосьевъ и цвѣтовъ, принесенныхъ молодыми людьми съ нивъ и полей; на вѣнкѣ прикрѣпляютъ двѣ зажженныхъ восковыхъ свѣчи; тогда приступаетъ хозяинъ къ барашку и закалываетъ его (4]. У Чеховъ въ старинное время дѣвушки въ маѣ и іюлѣ вили на возвышенныхъ мѣстахъ вѣнки и украшали ими молодыхъ мужчинъ, съ которыми танцовали [5].

2] Свадебный вѣнокъ встрѣчается у всѣхъ славянскихъ народовъ, причемъ у западныхъ и южныхъ Славянъ чаще и съ большей торжественностью, чѣмъ у Славянъ сѣверо-восточныхъ. Свадебный вѣнокъ бываетъ преимущественно изъ руты, розы или розмарина.

Въ мазурской пѣснѣ дѣвушка обращается къ вѣнку съ просьбой:

Otocz mi się kołem
Nad dziewiczym czołem! [6].

Въ Познани невѣста даритъ вѣнокъ жениху [7]; у Краковскихъ Поляковъ женихъ даритъ вѣнокъ невѣстѣ; послѣдняя разноситъ вѣнки подругамъ и приглашаетъ ихъ на свадьбу (8]. Въ Познани вѣнокъ невѣсты, передъ ея отправленіемъ въ церковь, кладутъ по срединѣ избы на разостланномъ платкѣ и окропляютъ его освященной

1] Wojcicki, Piesni ludu. I 257.
2) Сб. пам. нар. твор. въ С. З. кр. LXIX.
3) Тр. Эт. Ст. Эксп. III. 31.
4) Ефименко, „Зап. Г. О. по О. Этн.“ 1889. II. 102, 103.
5) Sumlork, Staroč. obyč. II. 467.
6) Wojcicki, Pies. ludu II. 27.
7) Kolberg, Lud XI 95.
8) ibid. VI. 13.

Digitized by Google

водой [1]). У Кашубовъ вѣнокъ, снятый съ головы молодой, зашиваютъ въ брачную постель, чтобы новобрачная жила счастливо [2]).

Въ Чехіи женихъ, получивъ отъ невѣсты розмариновый вѣнокъ, сохраняетъ его въ теченіе всей своей жизни [3]). Дѣвушки вьютъ вѣнки наканунѣ свадьбы вечеромъ [4]).

Въ сербо-лужицкихъ пѣсняхъ невѣста печалится, что ей немного времени остается веселиться и танцовать въ вѣнкѣ изъ розъ:

Njent mje' grajso sljenju rejku
Wo rušanem wjenku! [5]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ княжества Сербіи дѣвушка, при появленіи сватовъ, смотритъ на нихъ черезъ вѣнокъ, сплетенный изъ васильковъ и богородичной травы (смилье) [6]). Въ теченіе одного или двухъ первыхъ лѣтъ своего замужества, до рожденія перваго ребенка, молодая сербская женщина носитъ на головѣ очень большой полукруглый вѣнокъ изъ искусственныхъ и натуральныхъ цвѣтовъ и павлиновыхъ перьевъ [7]).

Передъ свадьбой болгарскія дѣвушки плетутъ вѣнки и дарятъ ими невѣсту. Во время свадьбы голову невѣсты украшаетъ вѣнокъ [8]).

По свидѣтельству Боплана, въ Малороссіи въ половинѣ XVII ст. парубкамъ, приглашавшимъ на свадьбу, надѣвали на руку вѣнки изъ цвѣтовъ, и невѣста шла въ церковь, имѣя на головѣ вѣнокъ [9]). Въ Галиціи по Збручу, положивъ вѣнокъ на голову невѣсты, дружко немного съ ней танцуетъ. Другой вѣнокъ кладутъ поочередно на всѣхъ присутствующихъ на свадьбѣ дѣвушекъ, и затѣмъ оба вѣнка кладутъ на хлѣбы [10]).

Г. Ящуржинскій говоритъ, что вѣнокъ принадлежитъ только малорусскимъ и польскимъ свадьбамъ и что въ настоящее время въ

---

[1]) ibid. XI. 90.
[2]) ibid. XI. 206.
[3]) Kulda, Swadba. 36—37
[4]) Časop. č'es. Mus. 1859. I. 101.
[5]) Haupt u Smoler, Volkslied. II. 140.
[6]) Гласник 1873. XXXVII. 134.
[7]) Kanitz, Serbien. 38, 532.
[8]) „ Москвитян," 1845. VI. 170.
[9]) Бопланъ, Опис. Укр. 74.
[10]) „Основа" 1862. IV. 6.

Digitized by Google

великорусскихъ свадьбахъ не существуетъ обычая вить вѣнки, хотя нѣкогда обычай этотъ существовалъ и въ В. Россіи (1). Свадебный вѣнокъ въ настоящее время встрѣчается у всѣхъ народовъ славянскихъ, въ томъ числѣ и у Великоруссовъ, хотя у послѣднихъ не такъ часто, какъ у западныхъ и южныхъ Славянъ. Въ Калужск. губ. было обыкновеніе, что парень, задумавшій жениться, долженъ былъ вытащить изъ рѣки брошенный туда нарочно вѣнокъ и передать этотъ вѣнокъ своей возлюбленной. Вытащивши вѣнокъ, онъ могъ свататься (2). Въ Пермской губ. вѣнокъ считается необходимой принадлежностью наряда невѣсты, и безъ него никогда ее не выводятъ. Пермскій вѣнокъ состоитъ изъ дорогой матеріи и бываетъ покрытъ дорогими камнями. Бѣдные берутъ его, въ случаѣ надобности, у богатыхъ напрокатъ (3).

Вѣнокъ—символъ дѣвства. Въ Буковинѣ кладутъ подъ одну миску вѣнокъ, а подъ другую ручникъ, предварительно удаливши изъ комнатъ одну изъ дѣвушекъ. Она должна отгадать, подъ которой миской лежитъ ручникъ, такъ какъ вѣнокъ означаетъ дѣвство (4). У Лаборскихъ Русскихъ дѣвушка въ свадебной пѣснѣ высказываетъ сожалѣніе о своемъ зеленомъ вѣнкѣ, съ которымъ должна разстаться. по случаю выхода замужъ, согласно волѣ родителей (5). У Поляковъ невѣста на колѣняхъ отдаетъ вѣнокъ своей матери, причемъ поютъ:

Marysin! weź wianek w dłonie,
Oddaj go matce w pokłonie (6).

Въ польскихъ свадебныхъ пѣсняхъ:

Wzięłaś ci sę Iasia,
Wnet wianecek straciś,
Wianecek utracis,
Warkockiem zapłacis.

---

1) Ящуржинскій, О. лирич. пѣс. „Рус. Фил. Вѣст.“ 1880. I. 76, 80.
2) Терещенко, Бытъ Р. Н. VI. 184.
3) Пермск. Сб. I. 54.
4) „Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ.“ 1875, II. 366.
5) Головацкій, „Чтенія“ 1872. IV. 425.
6) Wojcicki, Pjesni ludu. II. 68.

Digitized by Google

Bo jako świat światem,
Ta rzec nie była,
Żeby mężatecka wianecek nosiła (1).

Posła dziewcyna ko ogrodowi,
Kopać dołek swemu wiankowi,
Kopie, kopie—wykopała,
Swój wianecek pochowała. (2)

Въ чешскихъ пѣсняхъ дѣвическая невинность сравнивается съ вѣнкомъ, уплывшимъ по рѣкѣ (3). Въ слѣдующихъ чешскихъ пѣсняхъ вѣнокъ знаменуетъ дѣвство:

Wceras měla
Gestě wěnec;
Ale dnes už máš,
Ale dnes už máš
Biley čepec
Wčeras byla
Gěstě pannau,
Ale dnes už gsi,
Ale dnes už gsi
Mogj ženau. (4)

Trubte mně trubači
Vesele,
Dokud mám věneček
Na čele
Až toho věnečka
Pozbudu,
Do roka vesela
Nebudu. (5)

---

1) Kolberg, Lud. VI. 85.
2) Ibid. VI. 54.
3) Sumlork, Starač. obyč. II. 61.
4) Ibid. I. 528.
5) Erben, Prost. čes. pis. IV. 319.

Digitized by Google

Hopsa, hejsa!
Ztratila věneček,
. . . . . .
Dostala céreček.
. . . . . .
Dostala jsi muže
Kdo ti ted' pomuže? (1).

Вѣнокъ является иногда символомъ замужества. У Сербовъ Сирміи сватъ надѣваетъ на голову невѣсты вѣнокъ; но она его сбрасываетъ; тогда онъ снова надѣваетъ вѣнокъ (2). Въ В. Россіи подобное продѣлываютъ съ головнымъ покрываломъ молодой. У Великоруссовъ вѣнокъ, какъ уже было выше замѣчено, встрѣчается очень рѣдко; близкій къ нему по значенію церковный вѣнецъ въ костромской свадебной пѣснѣ знаменуетъ тяжелую жизнь; въ олонецкой свадебной пѣснѣ «подъ вѣнцомъ голова болитъ» (3).

Вѣнокъ, какъ символъ дѣвства, стоитъ на болѣе древней ступени развитія народнаго міровоззрѣнія, чѣмъ вѣнокъ, изображающій супружество. Послѣднее значеніе вѣнка есть послѣдняя, новѣйшая ступень въ историческомъ развитіи свадебнаго вѣнка. Съ этимъ значеніемъ вѣнокъ очень рѣдко встрѣчается.

Въ слѣдующемъ чешскомъ народномъ разсказѣ вѣнокъ близко поставленъ къ пламени и золоту. Одинъ благочестивый человѣкъ въ Вербное воскресенье увидѣлъ подъ сосной пламя, исходившее изъ земли на мѣстѣ денежнаго клада, зарытаго скупцомъ. Случайно вѣнокъ изъ розъ упалъ съ головы благочестиваго человѣка на пламя; пламя потухло, и передъ изумленнымъ благочестивымъ человѣкомъ явился кусокъ чистаго золота (4). Въ свадебной пѣснѣ Угорской Руси вѣнокъ произошелъ изъ цвѣтовъ и травъ, которые солнце окропило каплями морской воды:

У понедѣлок рано
Соненько ся купало,

1) Ibid. V. 54.
2) Rajacsich, Das Leben d, Südslav. 156,
3) Терещ. II. 179. 224.
4) Reinsberg—Düringsfeld, Fest—Kalend. 112.

Digitized by Google

Соненько ся купало,
Вон море виливало,
Вон море виливало,
Зѣльечко покропляло,
Зельечко покропляло
Марьци на вѣночек (1).

Въ бѣлорусскихъ и великорусскихъ пѣсняхъ вѣнокъ имѣетъ другое, еще болѣе чудесное, происхожденіе: Летѣла пава размашистая, посыпала перья золотистыя; перья эти собрала красивая дѣвушка и отнесла ихъ къ золотыхъ дѣлъ мастерамъ. Мастера выковали ей изъ перьевъ жемчужный вѣнецъ для вѣнчанія, мѣдный кубокъ для свадебнаго угощенія, золотой перстень для обрученія и кованый поясъ; въ великорусскихъ пѣсняхъ дѣвушка сама вьетъ себѣ изъ найденныхъ перьевъ золотой вѣнокъ, который однако подхватили буйные вѣтры и унесли на синее море, на лукоморье. Пѣсни эти волочебныя (2). Въ бѣлорусской купальской пѣснѣ вѣнки дѣвушкамъ вьетъ Купала въ саду Ивана (3). Въ латышской пѣснѣ:

Солнце плететъ вѣнки,
Сидя на ивѣ (4).

Въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ солнце—Купала въ плетеніи вѣнковъ уступаетъ мѣсто Богоматери. Такъ, въ одной пѣснѣ говорится, что подъ воскресенье раскрылось небо и показались золотые кресты и святые престолы. Въ концѣ одного престола Богоматерь вьетъ вѣнки изъ шалфея и розы, молодому изъ шалфея, а молодой изъ розы (5).

Свадебный вѣнокъ въ древнѣйшее время знаменовалъ солнце или свѣтозарный нимбъ, его окружающій.

Въ слѣдующей латышской пѣснѣ сказалось основное мифологическое значеніе свадебнаго вѣнка:

Дочь солнца вбродъ переходитъ море.
Виднѣется лишь ея вѣночекъ:

1) Головацкій, „Чтенія“ 1872. IV. 423.
2) Безсоновъ, Бѣл. п. I. 14; Шейнъ, Великор. и. 392.
3) Безсоновъ, Бѣл. п. I. 30.
4) Спрогисъ, Памят. лат. нар. творч. 311.
5) Nowosielski, Lud ukr. I. 197—198.

Digitized by Google

Гребите лодочку, божьи сыновья,
Спасайте жизнь солнца (1).

Въ литовской пѣснѣ утренняя звѣзда даетъ свадьбу. Перкунъ, въѣхавъ въ ворота, срубилъ дубъ, и его кровь оросила платье и вѣнокъ дочери солнца. Солнце плакало и три года собирало завядшіе листы вѣнка (2). Въ этой замѣчательной пѣснѣ солнечный и грозовой элементы свадьбы слились нераздѣльно. Громовникъ, вообще благосклонный къ солнцу, какъ мужу или женѣ, въ приведенной пѣснѣ является враждебнымъ ему. Онъ ударилъ молніеносной палицей по облачному дубу, росшему въ чертогахъ солнца, и солнце, заволоченное тучами, стало плакать дождевыми каплями о своемъ лучезарномъ нимбѣ или вѣнкѣ. Послѣ того, что сказано въ латышской и литовской пѣсняхъ о солнечномъ вѣнкѣ, дѣлается естественнымъ и понятнымъ обыкновеніе древнихъ Германцевъ посвящать богинѣ зари Остарѣ вѣнки изъ амаранта и бѣлыхъ лилій (3). Какъ символъ солнца, вѣнокъ сталъ играть важную роль въ весеннихъ годовыхъ праздникахъ и въ свадьбахъ. Въ особенности широкое развитіе и употребленіе вѣнокъ получилъ на свадьбахъ въ силу того обстоятельства, что славянская свадьба въ древности была по преимуществу культомъ солнца.

Свѣтоносное значеніе свадебнаго вѣнка есть прямое слѣдствіе отождествленія вѣнка и солнца.

Въ польской пѣснѣ:... mi się wionecek na głowisi świéci,

Swièci mi się świeci—złotemi perłami (4).

Въ свадебной пѣснѣ Угорской Руси отъ зеленаго вѣнка жениха свѣтятъ стѣны (5). Въ Галиціи по Збручу, когда на невѣсту надѣнутъ вѣнокъ, дѣвушки поютъ:

Ой чи огóнь, чи пóломинь палáе?
На Марисоньці золотий вінець сіяе [6].

---

1) Спрогнсъ. Пам. лат. нар. тв. 312.
2) Nesselmann, Litt. Volkslieder 2.
3) Mülhause, Die Urrelig. 145.
4) Kolberg Lud. VI. 51.
5) Головацкій, „Чтенія“ 1872. IV. 405.
6) „Основа“ 1862. IV. 10.

Digitized by Google

Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ находятся указанія, что дѣвушки, свивши вѣнокъ, катили его по столу(1). Обыкновеніе это служитъ символическимъ выраженіемъ движенія обоготвореннаго свѣтила, покровительствующаго браку, въ небесныхъ пространствахъ.

Вѣнокъ знаетъ будущее. Въ польской свадебной пѣснѣ невѣста проситъ вѣнокъ разсказать ей будущее:

Powiedz że mi, wien'cu,
Jaki wiek mój będzie daleki?

Народъ пережилъ много вѣковъ, прежде чѣмъ вѣнокъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ:

Ja ci tego ne powiem, boć ja nie stworzenie,
Tylko ziele zielone z różnego korzenia (2).

Божественными свойствами вѣнка объясняется существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи и въ Угорской Руси обыкновеніе невѣсты поклоняться вѣнку. Въ свадебной пѣснѣ Угорской Руси:

Приступай, Настьо д столу,
Помолься пану Богу,
Поклонься вѣнку своему,
Чень би був счастливенький (3).

Свѣча. По сербо-лужицкому повѣрью яркій огонь снится къ свадьбѣ (4). Въ малорусскомъ гаданьѣ встрѣча двухъ свѣчей, пущенныхъ на воду, означаетъ бракъ (5). Въ Олонецк. губ. во время сватовства зажигаютъ свѣчу передъ образомъ; если невѣстѣ не понравится женихъ, она гаситъ свѣчу (6). Въ рукописномъ сборникѣ второй половины XVII ст. говорится, что вокругъ головъ молодыхъ волхвуютъ обведеніемъ свѣчъ и троекратнымъ прикосновеніемъ къ головѣ (7). Въ Арханг. губ. въ настоящее время женихъ обводитъ зажженными свѣчами три раза вокругъ лица невѣсты,

---

1) Метл., 143; Шейнъ, Бѣл. п. 361.
2) Kolberg, Lud XI. 91.
3) Нап. Геогр. Общ. 1867. I. 697; Головацкій. „Чтенія“ 1872. IV. 402.
4) Haupt ú Smoler, Volkslied. II. 361.
5) Тр. Эт. Ст; Эксп. въ 2. р. кр. III. 259.
6) Терещ , Бытъ Р. н. II. 208.
7) Буслаевъ, Эпич. поэз. 47.

Digitized by Google

послѣ чего цѣлуетъ ее [1]. Въ Украинѣ и въ Галиціи втыкаютъ одну или пять сложенныхъ вмѣстѣ и зажженныхъ свѣчей въ коровай или тотъ хлѣбъ, на которомъ лежитъ вѣнокъ; зажженную свѣчу ставятъ также на дно квашни [2]. У Краковскихъ Поляковъ во время очепинъ невѣсты держатъ въ рукахъ три зажженныхъ свѣчи [3]. По горѣнію свѣчей во время вѣнчанія судятъ о долговѣчности молодыхъ въ В. и М. Россіи [4], въ Славоніи [5] и въ Чехіи [6]. Въ XVII ст. на княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ подлѣ саней невѣсты, возвращавшейся изъ церкви, несли съ пѣснями шесть зажженныхъ восковыхъ свѣчей [7]. Обычай провожать молодую въ домъ новобрачнаго съ факелами въ рукахъ былъ у древнихъ Индусовъ [8], Грековъ [9], Римлянъ [10] и встрѣчается еще въ Германіи [11]. Обычай этотъ выходитъ даже за предѣлы арійскаго племени; такъ, онъ встрѣчается у Китайцевъ [12]. У Римлянъ puer patrimus et matrimus несъ впереди невѣсты зажженный факелъ «in honorem Cereris». Число свадебныхъ факеловъ (faces или taedae nuptiales, jugales, geniales, legitimae) не должно было превышать пяти. По словамъ Плутарха, «четное число раздѣлимо, или, что одно и тоже по связи понятій, разрушимо, нечетное неизмѣнно. Въ жизни семейной четное число должно было служить обозначеніемъ уже совершеннаго и законченнаго, близкаго къ смерти, нечетное—обозначеніемъ совершающагося, растущаго, далекаго отъ конца. Четное число можетъ символизировать старца, нечетное—юношу. Оттого «imparem numerum antiqui prosperiorem hominibus esse crediderum». Обрядовое несеніе факеловъ передъ невѣстой у Римлянъ называлось «igne accipere», обрядъ, считавшійся необходимымъ, наравнѣ съ обря-

[1]) Труды Эти. О. Общ. Люб. Естеств. V. I. 99.
[2]) Nowosielski, Lud ukr. I. 187; Головацкій, „Чтенія“ 1872. III. 371.
[3]) Kolberg, Lud VI. 53.
[4]) Воронеж. Г. Вѣд. 1861. № 29.
[5]) Ilič, Nar. slav. ob. 60.
[6]) Erben, Prost. čes. pis. IV. 303
[7]) Олеарій О. сост. Рос. „Архивъ“ Калачова 1859. IV. 60.
[8]) Weber, Ind. Stud, V, 367.
[9]) Schoemann, Griech Alterth. II. 494.
[10]) Rossbach, Die röm Ehe. 109.
[11]) Kuhn, Märk. Sag. 357.
[12]) Klemm, Allgem. Kulturgesch. VI. 107.

Digitized by Google

домъ aqua accipere (1). Древнее значеніе обрядоваго несенія факеловъ передъ невѣстой сказалось въ древней Индіи. Здѣсь свадебный огонь переносили изъ дома отца невѣсты въ домъ новобрачнаго; молодая нѣсколько разъ обходила вокругъ огня и первую пищу въ домѣ мужа варила посредствомъ принесеннаго огня (2). Обыкновеніе встрѣчать молодыхъ, возвратившихся изъ церкви, со свѣчой въ рукахъ встрѣчается въ Пенз. губ. (3) и въ Б. Россіи (4).

Свѣча на свадьбахъ служитъ знаменіемъ солнца. Само солнце провожаетъ и встрѣчаетъ молодую. Въ древне—индусскихъ свадебныхъ изреченіяхъ женщину въ супруги даетъ Агни (5). На сближеніе солнца съ свѣчой указываютъ многія повѣрья и пѣсни. Въ Могилевск. губ. хозяинъ поля, возвратившись домой послѣ посѣва, не зажигаетъ огня изъ боязни, что солнце выжжетъ его ниву (6]. Въ малорусской веснянкѣ передъ солнцемъ и мѣсяцемъ горятъ зажженныя свѣчи (7). Въ латышской пѣснѣ:

Двѣ свѣчи горятъ на морѣ
На двухъ серебреныхъ подсвѣчникахъ;
Около нихъ сидитъ дочь солнца,
Убирая вѣночекъ (8).

Костеръ. У Малоруссовъ въ XVIII ст. и въ настоящее время(9], у Бѣлоруссовъ (10), Сандомірскихъ Поляковъ (11) молодой и его дружки по дорогѣ въ церковь перепрыгиваютъ черезъ зажженный костеръ. Обыкновеніе это было у древнихъ Германцевъ (12). Въ настоящее время молодые въ Бранденбургѣ, отправляясь вѣнчаться, переходятъ

---

1) Rossbach, Die röm Ehe. 338. Примѣч. Фридлендеръ, Карт. изъ ист рим. нрав. I. 227.
2) Weber, Ind. Stud. V. 367.
3) Терещ., Бытъ Р. н. II. 286.
4) Носовичъ, Б. п. „Зап. Г. О. по. О. Этн.“ 1873. V. 154. У Ацтековъ молодую въ домѣ новобрачнаго встрѣчали въ дверяхъ съ факелами въ рукахъ. (Klemm, Allgem. Kulturgesch, V. 34).
5) Weber, Ind. Stud V. 191.
6) Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. 94.
7) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872. IV. 68.
8) Спрогисъ, Памят. лат. нар. тв. 313
9) Калиновскій, Опис. св. укр. об. 15; Вѣст. Геогр, Общ. 1855. I. 145.
10) Шейнъ, Б. п. 288; Терещ. II. 469; „Иллюстрація“ 1846. № 10,
11) Народы Россіи. I. 72.
12) Rossbach, Die röm. Ehe. 232.

Digitized by Google

черезъ разложенный на порогѣ огонь (1). Въ Китаѣ невѣсту переводятъ черезъ жаровню раскаленныхъ угольевъ, поставленную въ дверяхъ (2).

Если въ однихъ мѣстахъ молодые прыгаютъ черезъ горящій костеръ, то въ другихъ мѣстахъ, въ силу ослабленія обряда, ограничиваются только зажженіемъ одного или нѣсколькихъ костровъ во время бракосочетанія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Б. Россіи во время «замовинъ». Костеръ зажигаетъ иногда отецъ или мать жениха. Зажиганіе свадебныхъ костровъ встрѣчается въ губ. Курской, Костромской, Олонецкой, Минской (3) и во многихъ другихъ.

Обрядовое сожиганіе костровъ и прыганіе черезъ нихъ встрѣчается въ Болгаріи въ воскресенье передъ великимъ постомъ (4), въ Сарат. губ. наканунѣ новаго года (5), въ Костромской на масленой недѣлѣ (6), во многихъ мѣстахъ В. и М. Россіи наканунѣ Ивана Купала, въ В. Россіи на Благовѣщеніе. Изъ Стоглава видно, что на Руси еще въ XVI ст. было паленіе огня въ чистый четвергъ, причемъ выкликали мертвыхъ (7) (огонь и душа стоятъ въ миѳологическомъ родствѣ).

Въ свадьбахъ костеръ имѣетъ значеніе очистительное и предохранительное отъ колдовства. Освящая молодыхъ, онъ препятствуетъ дѣйствію на нихъ наговоровъ злыхъ людей. Очистительное значеніе огня сказывается во многихъ индоевропейскихъ народныхъ разсказахъ и обрядахъ, между прочимъ, въ извѣстномъ древне-греческомъ разсказѣ о богинѣ Ѳемидѣ, которая держала своего смертнаго сына Ахилла передъ огнемъ и клала его въ самый огонь, съ цѣлью его очистить и сдѣлать безсмертнымъ.

Стрѣла. Пикте, на основаніи филологическихъ соображеній, сближаетъ стрѣлу съ солнечнымъ лучемъ. Въ индо-европейскихъ языкахъ встрѣчаются одни и тѣ же названія для стрѣлы и луча; такъ,

---

1) Wuttke, Volksaberg1 348.
2) Тэйлоръ, Первоб. культ. II. 469; Лэбокъ, Нач. цив. 53.
3] Этногр. Сб. V. 70; Терещ. II. 180, 478; Снегиревъ, Рус. прост. праз. IV. 147; „Бесѣда“ 1872. VI. 115.
4) Каравеловъ, Памят. I. 189.
5) Терещ., Бытъ Р. Н. VI; 116.
6] „Чтенія въ М. О. И. и др. Рос.“ 1846. II 20.
7] М. А. Максимовичъ, Собр. соч. II. 510.

Digitized by Google

санскр. gô—лучъ и стрѣла. Изъ одного и того же санскритскаго корня as въ значеніи lucere произошли латинское astrum, зенд. açtar, перс. astar—звѣзда, въ значеніи jacere санскр. astra—стрѣла (1). Славянское слово стрѣла стоитъ въ родствѣ съ ведич. star, лат. stella—звѣзда. Въ настоящее время у однихъ Великоруссовъ сохранилось обрядовое употребленіе стрѣлы съ болѣе или менѣе явными указаніями на ея основное миѳическое значеніе. Въ малорусскихъ пѣсняхъ хотя и встрѣчается стрѣла, но исключительно какъ остатокъ бытовавшаго нѣкогда умыканія дѣвушки—невѣсты. Во второй половинѣ XVII ст. въ Московской области, по словамъ Рейтенфельса, отецъ жениха приходилъ къ невѣстѣ и остріемъ стрѣлы пробиралъ ея волосы, которые она передъ его приходомъ разсыпала на челѣ (2). У Римлянъ волосы невѣсты также пробирали небольшимъ копьемъ или иглой (hasta coelibaris) (3). Пробираніе это должно было нѣкогда сопровождаться опрыскиваніемъ головы невѣсты коровьимъ масломъ,—обыкновеніемъ, существовавшимъ у древнихъ Индусовъ (4). Первоначально прикосновеніе стрѣлой къ головѣ, смоченной масломъ, знаменовало паденіе солнечныхъ лучей на оплодотворенную весеннимъ дождемъ землю.

Въ старинныхъ царскихъ свадьбахъ въ сѣнникѣ или спальнѣ молодыхъ по четыремъ угламъ втыкали по стрѣлѣ и на каждой стрѣлѣ вѣшали по сорока соболей (5). Подобное обыкновеніе было у Ацтековъ. Ацтеки по четыремъ угламъ постели новобрачныхъ втыкали тростниковыя и алоевыя колючки (6). Въ обоихъ случаяхъ обрядъ вызванъ опасеніемъ колдовства.

Въ древней Россіи послѣ первой брачной ночи сорочку молодой поднимали стрѣлой. Вторую супругу Мих. Ѳедор. вскрывалъ дядя его и посаженый отецъ бояринъ Ив. Никит. Романовъ, поднявъ по-

---

1) Pictet, Les orig. 209—210.
2) Ж. М. Н. Пр. 1839. XXIII. 52.
3) Rossbach, Die röm. Ehe 286.
4) Weber, Ind. Stud. V. 317.
5] Сахаровъ. Сказ. Р. Н. III. Дополн. 30.
6) Klemm, Allgem. Kulturgesh V, 34.

Digitized by Google

кровъ стрѣлою [1]. Быть можетъ, первоначально обрядъ этотъ знаменовалъ солнечный лучъ, проходящій черезъ тучи, что служило актомъ брачнаго соединенія солнца и земли.

Иголка составляетъ послѣдній предметъ въ свадебномъ ритуалѣ и служитъ исключительно средствомъ, предохраняющимъ отъ колдовства. Въ Вологод. г. невѣстѣ въ подолъ втыкаютъ иголку [2]. Въ Костром. губ. жениху и невѣстѣ, при отправленіи ихъ къ вѣнцу, во избѣжаніе порчи, на груди и спинѣ втыкаютъ въ платье крестообразно по нѣсколько иголъ остріемъ врознь; нѣкоторые навязываютъ накрестъ бадягу. [3].

Плеть. По пріѣздѣ молодаго въ домъ невѣсты или при отъѣздѣ молодыхъ въ церковь ударяютъ плетью прямо или крестообразно по стѣнамъ, дверямъ, скамьямъ, дорогѣ, подушкамъ и постели новобрачныхъ. Обыкновеніе это распространено къ губ. Витеб,, Смол., Псковск., Тверск., Олон., Перм. и въ южной Сибири [4]. Въ Россіи (Ворон., Олонец., Вит., Харьк. г.г.) сватъ или дружко раздаетъ подарки гостямъ на концѣ плети или палки [5]. Въ Бѣлоруссіи дружко поднимаетъ молодыхъ съ постели ударомъ плети [6]. Значеніе этого обряда раскрывается изъ сопоставленія его съ слѣдующимъ римскимъ обрядомъ: Въ Римѣ во время праздника Lupercalia по улицамъ города ходили lupercі,—двое благородныхъ юношей. Они ударяли встрѣчныхъ ремнями, и многія женщины охотно подвергались ударамъ. думая, что они даютъ чадородіе [7]. Въ разныхъ странахъ Европы существуетъ обрядовое шествіе по улицамъ съ бичами, ударамъ которыхъ приписывается благотворная сила [8]. У древнихъ Индусовъ Асвины, которыхъ считаютъ олицетвореніемъ

---

[1]) „Библіотека для чтенія“. 1834. VI. Отд. III, 12.
[2]) Вологод. Губ. Вѣд, 1865 № 13.
[3]) „Чтенія въ М. О. И. и Др. Рос.“. 1846. 1. 25.
[4]) Памят. кн. Витеб. губ. 1865. 84; Крачковск., 34; Терещ. II 458; Шейнъ, В. п. 537; Этногр. Сб. I. 190; Пермск. Сб, II. 96. Зап. Г. О. по О. Э. 1869 II. 64; „Библ. д. чт,“ 1848. XC. 36.
[5]) Воронежск. Бесѣда 1861. 172; Зап. Г. О. по О. Этн. 1869, II, 65; Крачковск., IV. 31.
[6]) „Вѣст. Геор. Общ.“ 1853. VIII. 56.
[7]) Вс. Миллеръ, Арв.—Діоск. 243.
[8]) „Зап. Г. О. по. О. Этн. „1873. V. 44.

Digitized by Google

утренней и вечерней зари, имѣютъ кнутъ, капающій медомъ. Ударъ этого кнута приноситъ всякія блага. Въ ведическомъ гимнѣ: «О Асвины! окропите насъ медоточивымъ бичемъ, продлите нашъ вѣкъ, сотрите недуги, удалите враговъ и будьте намъ помощниками» (1). Ударъ плеткой молодой на бѣлорусской свадьбѣ соотвѣтствуетъ по значенію удару со стороны луперковъ и, еще ступенью глубже въ древность, ударамъ медоточивымъ бичемъ Асвиновъ. Все это символы лучей весенняго солнца, обливающихъ землю и дѣлающихъ ее плодопроизводительной.

Палка. Болгаре на свадьбахъ украшаютъ свои палки цвѣтами и плодами [2]. Въ Буковинѣ палкой благословляютъ двери въ домѣ жениха или невѣсты, въ Малороссіи саму невѣсту (3). У Кашубовъ во время вѣнчанія дружко входитъ въ церковь съ поднятой вверхъ красной палкой [4]. Свадебная палка стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ той священной палкой, которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. Россіи выгоняютъ 23 апрѣля скотъ въ поле (5). По болгарскимъ поговоркамъ «тояга та је Божо дрьвце», «тояга та из рай излиза» [6]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ палка употребляется вмѣсто плети.

Трудно утвердительно сказать, что знаменовала въ древности палка, солнечный ли лучь, подобно плети, или древо жизни, подобно вильцу.

Въ настоящее время плеть и палка потеряли свойственное имъ нѣкогда миѳическое значеніе и выражаютъ: 1] уполномоченіе однимъ лицомъ другаго; 2) господствующее положеніе жениха и его родственниковъ передъ невѣстой и ея родными; 3) право собственности жениха на невѣсту и 4) предохранительное средство отъ чародѣйства.

Въ особенности широкое распространеніе получила палка въ силу перваго своего значенія, какъ знакъ полномочія. Въ Малороссіи во

---

1) Вс. Миллеръ, Аçв.—Діоск. 122.
2) Нар. Россіи Ш. 244;
3) Зап. Ю. З. О. Г. Общ. II. 486.
4) Тр. Эт. Ст. Эксп. въ З. р. кр. 66,
5) П, Ефименко, „Зап. Г. О. по О. Этн.“ 1869. II. Ш.
6) Каравеловъ, Памят. нар. быта. Болг. 138.

Digitized by Google

второй половинѣ прошлаго столѣтія парень вручалъ двумъ своимъ сватамъ, или старостамъ по палкѣ, «въ знакъ ихъ отъ него полномочія и посольства» (1). Обыкновеніе это соблюдается и въ настоящее время въ М. Россіи и въ Галиціи [2]. У Кашубовъ «старые» (дружки жениха и невѣсты) созываютъ гостей на свадьбу, имѣя въ рукахъ по палкѣ, выкрашенной въ красный цвѣтъ съ коричневымъ точенымъ набалдашникомъ [3].

Колокольчикъ есть единственный, сколько мы въ состояніи судить, свадебный символъ грома. Въ настоящее время колокольчикъ сталъ предохранительнымъ средствомъ отъ чародѣйства. Въ Олонецкой губ. во время рукобитья звонятъ въ колокольчикъ (4). Обыкновеніе навязывать на шею свадебныхъ лошадей колокольчики распространено въ губ. Перм. (5), Арханг. (6), Нижег. (7), у Сербовъ Лужицкихъ (8). У Донскихъ казаковъ въ старинное время сохраняли колокольчики, которые висѣли на шеѣ лошади жениха въ день свадьбы (9). Въ Новгор. губ. изъ свадебнаго колокольчика поятъ морозной водой женщинъ, страдающихъ кликушествомъ (10).

Грозовыя явленія природы въ примѣненіи къ свадьбамъ имѣли значеніе, какъ силы производительныя. Плодотворность же ихъ обусловливалась ниспадающей во время грозы дождевой влагой. Весенній дождь въ народныхъ разсказахъ получилъ цѣлебное значеніе; въ сказкахъ это—«живая вода»; въ былинахъ—напитокъ, дающій силу повернуть землю. Молодые, на которыхъ палъ весенній дождь—молодые счастливые. У славянскихъ и германскихъ народовъ распространено повѣрье, что дождь въ день вѣнчанія означаетъ богатство. Повѣрье это встрѣчается въ В. и М. Россіи (11), въ Герма-

---

1) Калиновскій, Опис. свад. укр. обр. 2.
2) „Основа“ 1862. IV. 10:
3) Этногр. Сб, V. 58.
4) „Бесѣда“ 1872 VI. 110.
5) Пермск. Сб, II. 89.
6) Труды Э. О. Общ. Люб. Естеств. V. I. 78.
7) Отеч. Зап. 1843. XXVI. См. 20,
8) Haupt u Smoler, Volkslied. II. 232·
9) Абевега 1786. II.
10) Современ. Извѣстія. 1879. № 292.
11) Воронеж. Г. В. 1861. № 29.

Digitized by Google

ніи (1), въ Тиролѣ (2), у Сербовъ Лужицкихъ (3). Но дождь въ день вѣнчанія—дѣло счастливаго случая. Народная мысль сдѣлала нѣсколько попытокъ образно знаменовать падающую съ небесъ благотворную дождевую влагу на всякой свадьбѣ. Для этого созданы были: 1) обрядовое окропленіе молодыхъ извѣстнымъ напиткомъ или водой; 2) осыпаніе молодыхъ хлѣбными зернами и орѣхами и 3] намазываніе головъ молодыхъ масломъ.

Обрядовое окропленіе молодыхъ водой или пивомъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В., М. и Б. Россіи, также у Познанскихъ Поляковъ (4). У древнихъ Индусовъ невѣсту окропляли водой [5].

Осыпаніе молодыхъ хлѣбными зернами и орѣхами. У древнихъ Индусовъ молодыхъ осыпали рисомъ (6). У древнихъ Грековъ молодыхъ, по пріѣздѣ ихъ въ домъ отца новобрачнаго. осыпали сладкими плодами и конфектами, орѣхами, винными ягодами и гранатовыми зернами (7). У Римлянъ молодую осыпали орѣхами. Шумъ отъ разбрасываемыхъ около невѣсты орѣховъ считался вѣщимъ. Громкій звукъ указывалъ на то, что божество, покровительствовавшее браку, находится въ хорошемъ расположеніи духа; оно весело направило руку бросавшаго орѣхи (8). Въ настоящее время жениха или невѣсту или обоихъ вмѣстѣ во Франціи (въ горахъ Юры) осыпаютъ пшеницей и горохомъ (9), въ Молдавіи ржанымъ зерномъ и орѣхами (10), у Евреевъ западнаго края хмѣлемъ или овсомъ (11); у Литовцевъ невѣсту осыпаютъ макомъ (12).

У Славянъ молодыхъ осыпаютъ вмѣстѣ и порознь передъ отправленіемъ ихъ къ вѣнцу, во время самаго вѣнчанія или во время пріѣзда молодыхъ въ домъ отца новобрачнаго. Зерна, попа-

1] Wolf, Beiträge I. 211.
2] Zingerle, Sitte u. Br. d. Tirolenvolkes 21
3] Haupt u. Smoler, Volkslied. II 258
4] Гродн. Г. В. 1867 № 30 Нар. Рос. III 222; Голов., „Чтенія“ 1872 II 254; Kolberg, Lud XI 202
5] Weber, Ind Stud 299, 330
6] Weber, Ind Stud V 299
7] Schoemann, Griech Alterth II 495; Страшкевичъ, Кр. оч. гр. древ. 449; Rossb, D. r. Ehe 226
8] Rossbach, Die röm Ehe 349
9] Nowosielski, Lud ukr I 224 Примѣч.
10] Этногр. сб. V см. 51; Нар. Рос. III 223
11] Труды эт. ст эксп. въ З р. кр. VII I 38
12] Nowosielski, Lud ukr. I 224

Digitized by Google

вшія въ шапку, въ Орловск. губ. берегутъ для посѣва (1). Обрядъ осыпанія молодыхъ производитъ мать, сваха или какая нибудь другая женщина (въ Курск. г. дружко) и непремѣнно въ вывороченной наизнанку шубѣ. На царскихъ свадьбахъ боярыня, осыпавшая молодыхъ. надѣвала двѣ шубы, причемъ одну наизворотъ (2). Обрядовое осыпаніе въ вывороченной шерстью вверхъ шубѣ указываетъ на тучу, изливающую дождь. Въ обрядѣ мѣхъ и зерно такъ же близко стоятъ другъ къ другу, какъ въ природѣ туча и дождь. Осыпаютъ:

а) пшеничнымъ или ржанымъ зерномъ въ В. и М. Россіи (3), Руси Угорской (4) и въ Болгаріи (5),

б) ячменемъ въ В. и Б. Россіи (6) и въ Болгаріи (7),

в) овсомъ въ В., М. и Б. Россіи большей частью въ чистомъ видѣ, иногда вмѣстѣ съ водой (8),

г) хмѣлемъ на старинныхъ царскихъ, княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ (первое свидѣтельство объ осыпаніи хмѣлемъ относится къ 1526 г.) (9), въ настоящее время въ В., М. и Б. Россіи (10) и въ Руси Угорской (11),

д) льнянымъ и конопляным сѣменемъ, по свидѣтельству Олеарія, въ XVII ст. на княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ (12), въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. Россіи.

е) орѣхами въ Малороссіи (13) и Угорской Руси (14), и

---

1) Терещ., Бытъ р. н. II, 202.
2) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. Ш Доп. 34
3) От. Зап. 1843 XXVI См. 21; Тр. Э. О. Общ. Люб. Естеств. VI. 112; Этногр. Сб. I 258, Метлин. 192. На свадьбѣ знаменитаго атамана Войска Донскаго Платова молодыхъ осыпали ржанымъ хлѣбнымъ зерномъ (Пассекъ, Очер. Россіи IV 96)
4) Головацкій, „Чтенія“ 1872 IV 408
5) Чолаковъ, Болг. нар. сб. 15, 19
6) От. Зап. 1843 XXVI 21; Вѣст. Г. О. 1853 VIII 42
7) Чолаковъ, Бол. нар. сб. 19
8) Этн. Сб. I 361; Шейнъ, Б. н. 33 О: Метл. 192; Москвит. 1853 XIV 106
9) Сахаровъ, Сказ. Р. н. Ш Доп. 26
10) Этн. Сб. I 49; Тульск. Г. В. 1861 № 15; Вѣст. Г. О. 1853 VIII 54
11) Головацкій, „Чтенія“ 1872 IV 408
12) Калачовъ, „Архивъ“ 1859 IV 60
13) Этногр. Сб. I 361
14) Головацкій, „Чтенія“ 1872 IV 420

Digitized by Google

ж) мелкими деньгами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. и М. Россіи и въ Болгаріи [1].

Въ настоящее время, осыпая молодыхъ хлѣбными зернами или орѣхами, имѣютъ въ виду сдѣлать ихъ: 1] богатыми, здоровыми и веселыми [2], 2) предохранить отъ порчи [3] и 3] сдѣлать чадородными, «чтобы они плодились, какъ пшеница», по болгарскому выраженію [4]. Въ Чехіи и Силезіи распространено повѣрье, что у молодой замужней женщины будетъ столько дѣтей сколько упадетъ на нее хлѣбныхъ зеренъ во время свадебнаго осыпанья [5]. У Евреевъ старики, осыпая молодыхъ хмѣлемъ и овсомъ, говорятъ: «да умножитесь тысячами и миріадами» [6].

Намазываніе головъ молодыхъ масломъ. Въ Тульской губ. сваха на другой день послѣ дѣвичника намазываетъ коровьимъ масломъ голову жениха и поетъ приэтомъ слѣдующую странную пѣсню:

Благослови, Господи, Кузьма Демьянъ!
Ладо мое!
По сѣнямъ ходила,
На гвозди сбирала,
А на свадьбу ковала
Для двухъ молодцевъ:
Первый молодецъ (имя жениха),
Второй молодецъ (имя невѣсты),
У нашего Андрея да три сестры:
Первая сестра голову мажетъ,
Вторая сестра голову чешетъ,
А третья сестра хмѣлемъ осѣваетъ [7].

У древнихъ Индусовъ голову невѣсты опрыскивали коровьимъ масломъ [8]. Въ ведическомъ гимнѣ дождь называется жертвеннымъ

---

[1]) Чолаковъ, Болг. нар. сб. 15, 19
[2]) Тр. Эт. Ст, Эксп. въ З р. кр. IV 358
[3]) Тульск. Губ. Вѣд. 1861 № 15
[4]) Верковичъ, Опис. быта Болг. 15.
[5]) Wuttke, Volksaberg 351
[6]) Этногр. Сб. 25 15
[7]) Шейнъ, Великор. п. 427
[8]) Weber, Ind Stud V 317

Digitized by Google

масломъ: «оросите хранимому добрымъ богомъ, благочестивому, жертвенными маслами тучное и постоянное пастбище» (1).

Обрядовое употребленіе на свадьбахъ воды.

Купаніе молодыхъ передъ свадьбой свойственно всѣмъ индоевропейскимъ народамъ. Купаніе это—aqua assiреге—одно изъ главнѣйшихъ дѣйствій древне-славянской свадьбы, болѣе того,—свадьбы индоевропейской въ ея наиболѣе древнемъ и простомъ видѣ. У древнихъ Индусовъ невѣста совершала омовеніе, причемъ надъ водой произносили заклинательныя изреченія; жрецъ рукой выплескивалъ часть воды, говоря при этомъ, что онъ выплеснулъ все вредное и губительное для любви (2). У Грековъ молодые рано утромъ въ день свадьбы брали ванну, причемъ воду приносили изъ священныхъ источниковъ; троянскія невѣсты омывались въ водахъ рѣки Скамандра; беотійскія невѣсты брали воду изъ священнаго источника Исменоса (3). Гера, по греческимъ сказаніямъ, купалась передъ и послѣ бракосочетанія съ Зевсомъ (4). По словамъ Варрона, у Римлянъ „aqua et igni mariti uxores accipiebant. Unde hodieque et faces praelucent et aqua petita de puro fonte per puerum felicissimum aut puellam interrest nuptiis. De qua nubentibus solebant pedes lavari“ (5]. Омовеніе ногъ возникло изъ бывшаго нѣкогда омовенія всего тѣла.

Въ Правилѣ митрополита Кирилла конца XIII в. «И се слышахомъ въ предѣлѣхъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ» (6). У Лемковъ на другой день свадьбы молодыхъ водятъ къ рѣкѣ мыться. Молодые моются въ рѣкѣ и утираются, молодая сорочкой молодаго, а молодой ея сорочкой (7).

---

1) Вс. Миллеръ, Асв-Діоск. 120
2) Weber, Ind Stud V 198. 278
3] Schoemann, Gr. Alterth II 493; Klemm, Die Frauen. II 153
4) Böttiger, Aldobr, Hochz 143
5) Цитир. у Rossbach, Die röm Ehe 364.
6) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр Слав. на пр. II 180
7] Головацкій, „Чтенія“ 1872 III 394

Digitized by Google

Въ Сербіи (1), Славоніи (2), Болгаріи (3), Малороссіи [4], В. и Б. Россіи (5) молодая одна или вмѣстѣ съ молодымъ идетъ къ рѣкѣ или къ колодцу, умывается здѣсь или посторонніе ее умываютъ, набираетъ воду и, принесши эту воду домой, окропляетъ ею домъ жениха, окропляетъ также коровъ и лошадей. Все это совершается обыкновенно рано утромъ.

У Болгаръ Лѣсковца молодая кладетъ по краямъ колодца просо; въ Панагюрищѣ кладутъ въ ведро золотую монету (6); въ Славоніи и въ Галиціи молодая бросаетъ въ воду крейцеръ (7); въ Сарат. губ.—перстень (8).

Въ В. Россіи, сообразно ея суровому климату, купаніе или обливаніе молодыхъ въ рѣкѣ было замѣнено купаніемъ въ банѣ. Баня всегда была первой потребностью въ домашней жизни великорусскаго человѣка. О ней уже упоминается на первыхъ страницахъ несторовой лѣтописи. Въ XVI и XVII ст. почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была своя мыльня. (9]. Великоруссъ къ банѣ относится съ уваженіемъ и даже съ нѣкотораго рода суевѣрнымъ страхомъ. Поморецъ, выходя изъ бани, благодаритъ байнушка, т. е., баннаго духа: «спасибо те, байнушко, на парной байночкѣ». Для него оставляютъ воду и вѣники. Банный духъ любитъ попариться; любитъ онъ тишину и пугаетъ того, кто разсказываетъ въ банѣ громко. Водяной духъ, живущій въ банѣ, вообще представляется существомъ довольно добродушнымъ. Однако, баня считается нечистымъ зданіемъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія о нечистыхъ духахъ. Можно думать, что нѣкогда баня была не только очистительнымъ освящающимъ но и мѣстомъ. Въ настоящее время ни иконъ, ни крестовъ въ ней не вѣшаютъ. Въ Арханг. губ. тѣмъ не менѣе

---

1) Kanitz Serbien. 532
2) Ilič, Nar slav ob. 68.
3) Чолаковъ, Болг. нар. сб. 21, 91; Верковичъ, Оп. быта Болг. 27. 34.
4) Вѣст. Геогр. Общ. 1855. I 144.
5) Нар. Рос. I. 13; Этн, Сб. Y. См. 62; I; 191, 159; Шейнъ, Б. п. 321; Волог, Г. В. 1880 № 24; Перм. сб. I 96.
6) Чолаковъ, Болг. н. сб. 21, 91.
7) Ilič, Nar. slav ob. 68; Голов,, „Чтенія“ 1872 III 394
8) Терещ. II 371.
9) Костомаровъ, Оч. домаш. жиз. великор, въ XVI и XVII ст. 98

Digitized by Google

удержалось повѣрье старины глубокой. Здѣсь считаютъ недобрымъ человѣкомъ того, кто не ходитъ въ баню (1).

Въ XV ст. въ В. Россіи молодые обязательно должны были послѣ свадьбы омыться въ банѣ. Нарушеніе этого стариннаго обычая влекло за собою осужденіе молодыхъ общественнымъ мнѣніемъ. Когда В. К. Литовскій Александръ, женившись на московской княжнѣ Еленѣ Ивановнѣ въ 1499 г., не взялъ бани, бывшіе при новобрачной московскіе «бояре ему то являли, да и рѣчь говорили» (2). По свидѣтельству Корба, баню, въ которой мылись новобрачные, украшали цвѣтами и усыпали благовонными травами (3). Подобное обыкновеніе въ настоящее время распространено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи. Въ г. Чердыни Пермск. губ. баню, въ которой моется молодая, украшаютъ «вичками», т. е., маленькими березовыми вѣточками, обвязанными разноцвѣтными лоскутками и лентами. Вички втыкаются въ щели по стѣнамъ и потолку въ банѣ, передбанникѣ; втыкаютъ ихъ также въ землю по дорожкѣ, ведущей отъ дома къ банѣ (4). Въ настоящее время отправленіе невѣсты въ баню сопряжено съ значительной торжественностью и обрядностью. Въ Волог., Костр., Псковск. гг. родители благословляютъ ее хлѣбомъ—солью, а присутствующіе одариваютъ деньгами. Она бьетъ передъ иконой поклоны за царя, царицу, войско, родителей и подругъ. Въ банѣ на каменку льютъ медъ и бросаютъ хмѣль и зерновой хлѣбъ, «чтобы молодымъ жить въ меду и богато» (5). Подруги невѣсты, во время пребыванія послѣдней въ банѣ, бьютъ въ заслонъ и сковороды. Въ Пенз. губ. невѣста впервые имя жениха произноситъ въ банѣ на полкѣ. Произнести громко, такъ чтобы другіе слышали, имя жениха до этого времени, до бани, считается для невѣсты неприличнымъ (6). Въ Олонецк. губ. невѣсту въ банѣ моютъ льномъ, изъ котораго потомъ дѣлаютъ «гашники»,—шнурки, продѣваемые

---

1) Труды Эт. Отд. Общ. Люб. Естеств, V. I. 165.
2) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. Ш. Дополн, 19,
3) Пассекъ, Очерки Рос. IV 96.
4) Пермск. Сб, I. 41.
5) „Филол. Зап.“ 1864 V. 279; Терещ. II. 159; Снегиревъ, Рус. пр. празд. IV. 145.
6) Пензенск. Г. В. 1864. № 18,

Digitized by Google

въ сподпее мужеское платье. Одинъ гашникъ кладутъ невѣстѣ за пазуху, когда она идетъ къ вѣнцу (1). У Болгаръ невѣсту передъ свадьбой также водятъ въ баню; если нѣтъ бани, то ее замѣняетъ домашняя купальня (2).

Свадебное употребленіе воды стоитъ въ связи съ обрядовымъ ея употребленіемъ въ большіе годовые народные праздники, съ малорусскимъ обливаніемъ дѣвушекъ и парней на второй и третій день Свѣтлаго Праздника (3), съ сербскимъ и болгарскимъ обыкновеніемъ водить во время засухи «додолу,» «дюдюлъ,» или «переругу,» съ великорусскимъ, малорусскимъ и болгарскимъ обыкновеніемъ купаться въ началѣ января, преимущественно въ день Богоявленія (4), съ обыкновеніемъ малорусскихъ знахарекъ мазать послѣ первой грозы водой изъ криницы дѣтей отъ «пристрѣту» (5), съ купальск. купаніями и м. д. Сюда же относится древне—русское обыкновеніе бросать въ воду женщинъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ, обыкновеніе, засвидѣтельствованное еп. владимірскимъ Серапіономъ. Сюда же относится слѣдующее свидѣтельство галицкаго рукописнаго житія XVIII в. кн. Владиміра: «Въ старину и теперь безрозумніи въ нѣкоторыхъ сторонахъ чинятъ подъ—часъ знаменитаго праздника воскресенія Христова; зобравшися молоди обоего пола и взявши человѣка вкидаютъ въ воду (въ колодезъ или озеро), и трафляется за сторожнемъ тихъ боговъ, т. е., бѣсовъ, ижъ вкинены въ воду албо о древо, албо о камѣнь разбиется, а въ иншихъ зась сторонахъ не вкидаютъ въ воду, але только поливаютъ водою, що однакъ томужь бѣсу офѣру чинятъ» [6].

Росбахъ обрядовое употребленіе на свадьбахъ воды считаетъ символическимъ выраженіемъ водворенія невѣсты въ домѣ новобрачнаго [7]. Аѳанасьевъ высказалъ мнѣніе о солярномъ происхожденіи обычая купать молодыхъ (8). «Сонце ся в морі купае». Оно купается въ морѣ,

1) Терещ. Бытъ Р. Н. П. 215, 221.
2) Чолаковъ. Болг. нар. сб. 13; Верковичъ, Опис. быта Болг. 10.
3) Бопланъ, Опис. Укр, 79; Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872. V 98
4) Семеновъ, Отечествовѣд. I. 98; Караведовъ, Памят. I. 180.
5) М. Максимовичъ, Собран. соч. II. 465.
6) „Маякъ“ 1843, XI. Матер. 47.
7) Rossb., Die röm Ehe 173.
8) Аѳанас., О сказк., въ „Филол. Зап.“ 1864. I—II. 14.

Digitized by Google

чтобы освѣжиться для слѣдующаго своего свѣтоноснаго шествія по міру. Купаніе солнца давало ему силу. Молодую купали въ расчетѣ сообщить ей здоровье и способность къ дѣторожденію. Самый характеристичный въ этомъ отношеніи обрядъ купанія молодыхъ существуетъ у Лемковъ. Молодые моются въ рѣкѣ. Омывшись немного, молодой беретъ новобрачную за руку и проводить ее впередъ и назадъ вдоль или поперекъ рѣки. По выходѣ молодыхъ изъ воды, другіе люди бросаются въ воду. Свашки приэтомъ поютъ: «Гдѣ ся Марися мила, там Пресвятая дѣва била» [1]. Извѣстно, что Пресвятая дѣва свадебныхъ пѣсенъ въ большинствѣ случаевъ есть само солнце.

Обливаніе молодыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляетъ лишь расширеніе обряда окропленія водой и знаменуетъ паденіе дождевой оплодотворяющей влаги.

Кстати замѣтить о мнѣніи Квашнина—Самарина, что бани были посвящены Ладѣ и чуть ли не служили ей храмами [2]. Мнѣніе это въ произведеніяхъ народнаго поэтическаго творчества не находитъ оправданія. Трудно найти что либо общее между байнушкомъ и Ладой. Хозяиномъ бани является именно водяной духъ, байнушко. Лада же не имѣетъ никакого отношенія къ банѣ.

Священнымъ, очистительнымъ значеніемъ воды и ея обширнымъ и разнообразнымъ употребленіемъ на свадьбахъ объясняется то обстоятельство, что древнія бракосочетанія совершались въ нѣкоторыхъ своихъ существенныхъ моментахъ вблизи рѣкъ. По словамъ древняго лѣтописца, дѣвицъ умыкали «у воды» [3]. Въ Люценск. у. Витебск. г. раскольники, похитивъ дѣвушку, объѣзжаютъ съ нею три раза вокругъ одного большаго мѣстнаго озера [4]. Въ слѣдующей малорусской пѣснѣ проглядываетъ древній обычай совершать бракосочетанія при водѣ и посредствомъ воды:

Ой у полі озеречко,
Там плавало ведеречко,

---

[1]) Головацкій, „Чтенія“ 1872. III, 394.
[2]) „Бесѣда“ 1872, IV. 251,
[3]) П. С. Р. Л. I 6,
[4]) Терещ., Бытъ Р. Н. П. 28.

Digitized by Google

Сосновее ведеречко,
Дубовее донечко,
Ходімо, повінчаймось,
Мое сердечко! (1).

У Чеховъ самый вѣрный союзъ тотъ, который заключается надъ колодцемъ (2).

О свадебныхъ жертвоприношеніяхъ.

Apud veteres neque uxor duci, neque ager arari sine sacrificiis peractis poterat. [Serv., Ad Aen. 3. 136].

Древній человѣкъ всецѣло былъ проникнутъ мыслью о присутствіи въ мірѣ сверхъестественныхъ существъ, вмѣшивающихся во все земное и человѣческое. Они слѣдятъ за каждымъ его поступкомъ, проникаютъ въ его сокровенные помыслы и желанія и направляютъ ихъ по своему благоусмотрѣнію, управляютъ всѣми его дѣйствіями, обусловливаютъ успѣхъ или неудачу предпріятій. Во всѣхъ событіяхъ жизни нужно просить, молить, призывать ихъ на помощь или ограждать себя отъ ихъ вмѣшательства, если оно влечетъ къ бѣдѣ и горю. Такъ или иначе, но съ добрыми и злыми богами нужно войти въ соглашеніе или въ извѣстную сдѣлку. Особенно необходимость соглашенія желанія смертныхъ съ волей боговъ сказывалась въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ бракосочетаніе, дѣлѣ, въ значительной степени опредѣляющемъ всю дальнѣйшую судьбу человѣка. Отсюда жертвоприношенія и молитва.

Жертвоприношеніемъ во время свадьбы древній человѣкъ съ одной стороны благодарилъ бога, учредителя и покровителя брака, съ другой просилъ его о благополучіи новобрачныхъ и съ третьей вводилъ молодую женщину въ порядокъ богослуженія, имѣвшаго мѣсто въ домѣ новобрачнаго.

Свадебныя жертвоприношенія свойственны всѣмъ народамъ индоевропейскаго племени. Древніе Индусы, Греки, Римляне и Герман-

---

1) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872. V. 102.
2) Срезневскій, О языч. богосл. древ. Слав. „Финск. Вѣстникъ.“ 1847, XXI, отд. III. 23.

Digitized by Google

цы на свадьбахъ совершали различныя жертвоприношенія. Греки приносили жертву Зевсу и Герѣ, Діанѣ—древней богинѣ природы и богинѣ мѣсяца и Паркамъ (1). Древніе Скандинавы, по словамъ Адама Бременскаго, ,,omnibus itaque diis suis attributos habent sacerdotes, qui sacrificia populi offerant, si pestis et fames imminet, Thor idolo libaturi, si bellum, Wodani, si nuptiae celebrandae sunt, Fricconi"[2].

Жертвоприношеніе быка. У древнихъ Индусовъ ко дню свадьбы рѣзали быка. Сильный мужчина опускалъ невѣсту на разостланную бычачью шкуру (3). У древнихъ Грековъ, Римлянъ и Германцевъ быкъ служилъ предметомъ жертвоприношенія для разныхъ боговъ и всѣмъ имъ былъ одинаково пріятенъ [4]. Прокопій и Гельмольдъ говорятъ, что древніе Славяне приносили въ жертву богамъ быковъ (5). Этотъ языческій обычай до сихъ поръ въ чистомъ видѣ сохранился въ Болгаріи, въ Видинскомъ округѣ: въ день св. Георгія (23 апр.) закалываютъ общественнаго священнаго быка и отъ всей деревни приносятъ его въ жертву св. Георгію, очевидно, замѣнившему въ данномъ случаѣ какое-нибудь языческое божество [6], Можно думать, что въ древне-славянской свадьбѣ приносили богамъ въ жертву быка или корову, скорѣе всего быка, такъ какъ въ жертвоприношеніяхъ предпочтеніе обыкновенно оказывалось самцамъ. Въ народномъ преданіи, записанномъ въ Арханг. губ., сохранилось указаніе на жертвоприношеніе быка [7]. На жертвоприношеніе быка указываетъ также вологодская свадебная ,,честь",—четвертое кушанье, которое подаютъ къ обѣду на другой день послѣ свадьбы. ,,Честь" состоитъ изъ неразрѣзаннаго большаго куска (фунтовъ въ 30 или 35) зажареннаго мяса [8].

---

1) Bottiger, Aldobrand. Hochz 138
2) Rossbach, Die röm Ehe 221 Примѣч.
3) Weber, Ind. Stud. V 304, 324, 359
4) Wachsmuth, Hell Alterth II 230; Schoem.; gr. Alterth. II 208; Rossb, Die röm Ehe 310. Grimm, Deutsch. Myth 44
5) Макушевъ, Сказ. иностр. 102
6) „Зап. Г. О. по О. Этн." 1869 II 105
7) Соврем. Извѣстія 1880 № 169
8) Вологод. Губ. Вѣд. 1880 № 24

Digitized by Google

Отъ священнаго значенія быка, съ одной стороны какъ символа извѣстнаго божества, съ другой какъ предмета жертвоприношенія, *ярмо* получило значеніе предмета освящающаго. Съ такимъ значеніемъ ярмо выступаетъ въ древне-индусской и славянской свадьбахъ. У древнихъ Индусовъ невѣсту переводили черезъ ярмо съ цѣлью сохранить ее отъ болѣзней, чтобы передать жениху чистой и здоровой. Здѣсь ярмо имѣло очистительное значеніе (1). Въ Угорской Руси молодую на другой день послѣ свадьбы, послѣ обряда омовенія лица и окропленія стѣнъ водой, садятъ на ярмо. Сидя на ярмѣ, она держитъ стаканъ водки въ мѣняльномъ кестеменѣ (заручномъ платкѣ), доколѣ не повяжутъ ей головы бѣлымъ платкомъ; потомъ молодые выпиваютъ водку пополамъ и пляшутъ (2).

Жертвоприношеніе барана и овцы. Жертвоприношеніе барана или овцы встрѣчается у народовъ весьма различныхъ по степени культурнаго развитія, у Грековъ (3), Римлянъ (4), Бедуиновъ—Арабовъ [5], Калмыковъ (6), Мордвы (7). Меркурій въ древнихъ греческихъ скульптурныхъ изваяніяхъ держитъ на плечахъ ягненка (8). Въ Малороссіи весьма часто встрѣчается на иконахъ изображеніе Спасителя, несущаго на плечахъ ягненка,—высшее символическое изображеніе той жертвы, которую Богочеловѣкъ принесъ для спасенія рода человѣческаго отъ грѣха. Въ настоящее время обрядовое закланіе барана или ягненка, какъ остатокъ бывшаго нѣкогда жертвоприношенія языческимъ богамъ, соблюдается у многихъ славянскихъ народовъ. Въ Арханг. губ. существуетъ обычай совершать жертвоприношенія пророку Ильѣ. Дѣлается это такъ: на заранѣе назначенное мѣсто приводятъ жирныхъ барановъ и рѣжутъ ихъ тотчасъ по окончаніи обѣдни; затѣмъ снимаютъ шкуру и варятъ мясо въ большихъ мѣдныхъ котлахъ, развѣшанныхъ надъ ко-

---

1) Weber, Iud Itud. V 199
2) Головацкій „Чтенія“ 1871 IV 411
3) Schoemman, Griech Alterth II 208
4) Rossbach, Die röm Ehe 310
5) Klemm, Allgem Kulturgesch IV 146
6) Небольсинъ, Оч. быта Калмык. 74—76
7) Терещенко, Бытъ Р. Н. II. 361
8) Seemann, Kunsthistor Bilderb № 18

Digitized by Google

стромъ. Всѣ прохожіе приглашаются принять участіе въ торжествѣ. Крестьяне разсказываютъ, что въ старину вмѣсто барановъ приносился въ жертву олень, который ко времени жертвоприношенія выбѣгалъ изъ лѣса и самъ, такъ сказать, предлагалъ себя на закланіе. Но въ одинъ изъ такихъ праздниковъ олень почему то не явился во время; крестьяне не вытерпѣли и зарѣзали быка; но едва только послѣдній испустилъ духъ, какъ олень выбѣжалъ изъ лѣса и затѣмъ тотчасъ же скрылся и уже не возвращался болѣе. Съ этого времени въ жертву приносятся жирные бараны .[1] Въ этомъ весьма замѣчательномъ народномъ преданіи сказалась та мысль, что быкъ, какъ предметъ жертвоприношенія, у древнихъ Русскихъ предшествовалъ барану. Обычай рѣзать барановъ въ день Ильи встречается также въ Перм. г. [2]. Въ старинное время въ Чехіи барановъ рѣзали въ большіе праздники (3).

У Боснійскихъ Сербовъ, при отправленіи жениха къ невѣстѣ, на его коня усаживаютъ и привязываютъ ягненка, головой впередъ. На головѣ къ рогамъ прикрѣпляютъ два яблока (4). Въ данномъ случаѣ ягненокъ, вѣроятно, является символомъ луны, что, по свидѣтельству Де-Губернатиса, свойственно индоевропейской миѳологіи (5). Въ Черногоріи къ свадебному столу подаютъ цѣлаго жаренаго барана, котораго одинъ изъ сватовъ разрубливаетъ ятаганомъ (6). У верхне-македонскихъ Болгаръ Мыяковъ наканунѣ свадьбы въ домѣ жениха жарятъ „печеницу“, т. е., на вертелѣ жарятъ цѣлаго ягненка, вокругъ котораго молодые неженатые мужчины и дѣвушки ведутъ хороводъ. Всякому другому, т. е., женатому или замужней женщинѣ, запрещено принимать участіе въ этомъ хороводѣ. Хороводъ бываетъ ночью (7).

Священное значеніе овцы, какъ символа солнца и луны и жертвеннаго животнаго, привело къ признанію въ овчарнѣ и бараньемъ

---

1) „Современ. Извѣстія“. 1880, № 169.
2) Терещ., Быт Р. Н- VI. 51.
3) Sumlork, Staroc. obyč. I. 373,
4) Гласник, 1870- XI. 185,
5) De—gubernatis, Die Thiere in der indogerm. Myth. 312.
6) „Вѣстн. Европы“ 1879. IX. 171.
7) Верковичъ, Опис. быта Болг.

Digitized by Google

мѣхѣ такихъ свойствъ, которыя дѣйствуютъ на человѣка благопріятно, напр., дѣлаютъ его сильнымъ и здоровымъ, предохраняютъ отъ чародѣйства и освящаютъ.

Овчарникъ въ В. и Б. Россіи выступаетъ на сцену въ самомъ концѣ свадьбы. Въ овчарникѣ стелютъ постель для молодыхъ (1).

Бараній мѣхъ, или овчина встрѣчается въ свадебныхъ обрядахъ многихъ индоевропейскихъ народовъ. У древнихъ Индусовъ на невѣсту надѣвали ожерелье изъ овечьей шерсти. Кромѣ того жрецъ обрѣзывалъ у невѣсты съ двухъ сторонъ головы два локона волосъ и вмѣсто нихъ привязывалъ двѣ пасмы овечьей шерсти [2]. Древніе Греки приносили въ жертву Деметрѣ немытую овечью шерсть. Въ Аѳинахъ масличную вѣтвь обворачивали овечьей шерстью, обвѣшивали фруктами, сосудами съ медомъ и виномъ и несли въ храмъ Аполлона (3). У Римлянъ молодыхъ при confarreatio усаживали на два одинъ возлѣ другаго стоящіе стула, покрытые одной овчиною; мѣхъ снимался съ той овцы, которая принесена была въ жертву [4]. Обычай сажать молодыхъ въ день свадьбы на вывороченную вверхъ шерстью овчинную шубу по сіе время встрѣчается во всей В.; М. и Б. Россіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ юго—и западно-славянскихъ странъ (5). Въ Россіи дружко входитъ въ домъ невѣсты въ кожухѣ, вывороченномъ шерстью вверхъ [6]. Въ губ. Арханг., Олонец., Сарат., въ Галиціи по Збручу, во время благословенія молодыхъ, ихъ становятъ, или сами родители становятся на разостланную на полу овчинную шубу [7]. Въ Б. Россіи женихъ въ день свадьбы надѣваетъ шубу, хотя бы тепло было (8). Въ Холмогор. у. Арханг. губ. невѣста до пріѣзда жениха въ день свадьбы сидитъ въ шубѣ (9). Въ Витебской губ. на молодыхъ

---

1) „Вѣст. Геогр. Общ.“ 1853, VIII. 55.; Шейнъ, Великор. II, 475.
2) Weber, Ind. Stud, V' 308. 319.
3) Schoemann, Gr. Alterth, II 201.
4) Крачковск., „Чтен.“ 1873 V 55; Nowos, Lud. ukr I 203 Этн. сб. 260; V 20; 50; Абевега 1786 г. 9. Вѣст. Г. Общ. 1853 VIII 34; Терещ. II 182, 196 и др.
5) Rossb., D. r. Ehe 101; Тихоновичъ, Бр. и св. обр. у древ. Рим. 40.
6) Крачковскій „Чтенія“ 1873 IV 55
7) Тр. Эт. О. Об. Люб. Естест. V I 82 „Основа“ 1862 IV 20; Терещ. II. 225, 257
8) Вѣст. Геогр. Общ. 1853 VIII 55
9) Тр. Эт. О. Об. Люб. Естеств. V I 101

Digitized by Google

набрасываютъ шубу, когда они подадутъ другъ другу руки [1]. Въ Б. Россіи черезъ кожухъ, разостланный на полу [2], у Чеховъ по косматому ковру [3] молодые переходятъ въ опочивальню или въ баню, или въ домъ новобрачнаго. Въ XVII ст. въ В. Россіи, въ XVIII ст. въ М. Россіи и въ настоящее время въ Россіи почти повсемѣстно молодыхъ въ домѣ новобрачнаго встрѣчаетъ женщина, надѣвъ предварительно овчинную шубу шерстью вверхъ [4]. Молодой расчесываютъ косу, посадивъ ее на разостланный на квашнѣ кожухъ [5].

Уже древніе задумывались надъ значеніемъ обрядоваго употребленія на свадьбахъ овчины. In pelle lanata, говоритъ римскій писатель Фестъ, nova nupta considere solet vel propter morem vetustum, quia antiquitus homines pellibus erant induti, vel quod testetur laneficii officium se praestiturum viro». [6]. Русскій народъ обрядовое употребленіе на свадьбахъ овчины объясняетъ различнымъ образомъ. Въ однихъ мѣстахъ говорятъ, что помѣщеніе молодыхъ на вывернутой шерстью вверхъ шубѣ надѣляетъ ихъ здоровьемъ и богатствомъ. «Який кожух твий махнатий, такий зять твий богатий», говорятъ въ Галиціи дѣвушки матери невѣсты [7]. Въ Галиціи же поютъ: Вийди, матенонько, в кожусѣ

До гори вовнонькою,
И з счастеньком, здоровенькомъ,
И з доброю доленькою! [8].

Въ другихъ мѣстахъ народъ совершенно забылъ древнее значеніе встрѣчи молодыхъ въ вывороченной шубѣ и объясняетъ это обыкновеніе желаніемъ сверкови напугать невѣстку или желаніемъ тещи напугать зятя. Въ малорусской пѣснѣ Волынск. губ.:

Вивернула тещенька овчину,
Да на якую причину?

[1]) Шеинъ, Б. п 309
[2]) Крачковскій, 80; „З. Г. О. по О, Э.“ 1873 V 155
[3]) Сазор сев. Mus. 1859 I 99
[4]) Буслаевъ, Эпич. поэз. 47; Калиновск., 7
[5]) „Основа“ 1862 VI 8
[6]) Rossbach, Die röm Ehe 324 Примѣч.
[7]) „Основа“ 1862 IV 37
[8]) Головацкій, „Чтенія“ 1872 III 303

Digitized by Google

Шоб зятенька злякати
И своеі дочки не дати [1].

Обрядовое употребленіе бараньяго мѣха въ древнѣйшее время знаменовало весеннюю или лѣтнюю тучу. Какъ туча даетъ землѣ богатство, проливая на нее свои дождевыя сокровища, такъ символъ тучи даетъ богатство и чадородіе молодымъ. Указанная уже нами однажды тѣсная связь обрядоваго употребленія мѣха съ осыпаніемъ молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ свидѣтельствуетъ, что употребленіе на свадьбахъ бараньяго или овечьяго мѣха, по преимуществу, возникло изъ чисто миѳическаго представленія тучи мѣхомъ. При такомъ основномъ значеніи обрядоваго употребленія овечьяго мѣха, можно думать, что на русскихъ свадьбахъ овчина употреблялась такъ же въ силу тѣхъ соображеній и въ томъ свадебномъ порядкѣ, что у Римлянъ. Молодыхъ усаживали во время свадебнаго торжества на шкурѣ того именно барана, котораго принесли въ жертву богу, покровителю брака. Сидѣніе на шкурѣ освященнаго жертвоприношеніемъ барана должно было считаться благотворнымъ для молодыхъ. Это сидѣнье вводило ихъ въ связь съ тѣмъ божествомъ, покровителемъ брака, которое было ублаготворено жирнымъ бараньимъ мясомъ.

Жертвоприношеніе козла. Жертвоприношеніе козла совершалось одновременно съ жертвоприношеніемъ барана. Жертвоприношеніе того или другаго опредѣлялось случаемъ, имѣніемъ подъ руками одного изъ этихъ животныхъ или большей или меньшей ихъ стоимостью.

Козелъ и баранъ, какъ предметы жертвоприношенія, были одинаково цѣнны, потому что и козелъ, и баранъ въ индоевропейской миѳологіи одинаково служатъ символами: 1) солнца, 2) утренняго и вечерняго неба, или зари и 3) луны. Въ ведическомъ гимнѣ Асвины сравниваются съ двумя козлами. Въ зендской Кхорда—Авестѣ

[1] Этногр. Сб. I 305

Digitized by Google

Веретрагна (=Индра) является въ видѣ прекраснаго козла [1]. По-видимому, баранъ чаще употреблялся для жертвоприношенія, чѣмъ козелъ; въ древности, какъ и въ настоящее время, стада овецъ были болѣе многочисленны, чѣмъ стада козъ. Божества, которымъ приносили въ жертву козла, были различны у разныхъ народовъ: у Грековъ козелъ шелъ въ жертву богинѣ земли Герѣ [2]; у Германцевъ—громовержцу Тору [3]. Трудно сказать съ точностью, какому именно божеству Славяне приносили въ жертву козла. Есть довольно вѣскія свидѣтельства, что козла приносили въ жертву Дажьбогу и въ особенности его близкому миѳическому родственнику Ярилѣ. Въ Б. Россіи, во время великаго хоровода въ честь Ярилы, дѣвушки поютъ длинную пѣсню, въ которой Ярила является подателемъ земныхъ урожаевъ:

А гдзѣ жъ jо́нъ нагóю
Тамъ жито капóю,
А гдзѣ жъ jо́нъ ни зырнé,
Тамъ колосъ зацьвицé [4].

Въ малорусской колядкѣ:

Де коза ходить, там жито родить,
Де не бувае, там вилягае [5].

Замѣна Ярила козой не случайна; она указываетъ на воплощеніе Ярилы въ образѣ козла. Приведенная бѣлорусская и малорусская пѣсни о Ярилѣ и козѣ объясняютъ значеніе соблюдавшагося въ прежнее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи обычая водить козла, обычая, о которомъ доселѣ сохранилось живое воспоминаніе. На масленицѣ дѣвушки бѣгаютъ по селу и поютъ пѣсни о козлѣ или козѣ, припѣвая: «ой лелю—ладо», «ой дидъ—ладо». Припѣвы эти почти исключительно принадлежатъ веснянкамъ и свадебнымъ пѣснямъ, такъ что пѣсни о козлѣ можно принять за самыя раннія

---

[1]) De Gubernatis, Die Thiere in der indogerm Myth 312; 314
[2]) Schoemann, Griech Alterth. II 208
[3]) Grimm, Deutsche Myth. 168, 632
[4]) Ефименко, „З. Г. О. по О. Этн." 1869 II 84
[5]) Тр. Эт. Ст. Эксп. въ З р. кр. III 265

Digitized by Google

евснянки, открывающія собою великое празднованіе торжественнаго бракосочетанія весенняго солнца съ землей. У Чеховъ въ день св. Іакова (25 іюня по нов. ст.) къ столу зажаривали козленка. Въ современныхъ свадебныхъ славянскихъ пѣсняхъ и обрядахъ сохранилось немного указаній на древнее свадебное жертвоприношеніе козла. У Краковскихъ Поляковъ къ концу свадебнаго стола подаютъ козленка (1). Въ свадебной пѣснѣ Волынск. губ.:

Край дружку
Козиную ніжку
Да по черному кружку (2).

Въ слѣдующихъ двухъ пѣсняхъ заключается указаніе на жертвоприношеніе козла и козы и указаніе на самый порядокъ жертвоприношенія и тѣхъ, кто его совершалъ:

За рѣкою за быстрою
Лѣса стоятъ дремучіе;
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни коледушки;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ;
Котелъ кипитъ кипучій,
У котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати (3).

Не ходи, козо, у тее сельце,
А в тому сельці все люде стрільці;
Устрелять козу в правее ухо,

---

1) Kolberg, Lud. V 45.
2) Метлинск., Южн. п. 189. Черный кружокъ, на которомъ дружко разрѣзываетъ козью ножку, вѣроятно, вико отъ кваши.
3) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. I. 16.

Digitized by Google

Свризь полотенце (?) в щирое сердце.
Ой я не боюсь тих людей стрільців,
А тільки боюсь старого діда:
Устрелить козу в правее ребро [1].

Жертвоприношеніе свиньи. Опредѣлить приблизительно время жертвоприношенія свиньи весьма трудно. У Римлянъ свинья была древнѣйшимъ жертвеннымъ животнымъ; съ теченіемъ времени, ее замѣнила овца. Варронъ говоритъ: «in Herturia in conjunctione nuptiali nova nupta et novus maritus primum porcam immolant, prisci quoque Latini et etiam Graeci in Italia idem factitasse videntur.... Constat porcam victimam fuisse antiquissimam» (2). Въ отношеніи Славянъ врядъ ли можно сказать, что жертвоприношеніе свиньи было древнѣйшимъ. Осталось такъ много слѣдовъ этого жертвоприношенія, что является мысль о его, во первыхъ, не очень древнемъ происхожденіи, во вторыхъ, о его весьма широкомъ распространеніи въ славянскихъ земляхъ.

У народовъ классическихъ, Грековъ и Римлянъ, свинья служила символомъ земли и была предметомъ жертвоприношенія богамъ земли. Въ греческихъ Θивахъ поросенка бросали въ раскаленную печь, какъ жертву подземнымъ богамъ (3). У Римлянъ въ жертву Церерѣ убивали porca praesentanea и porca praecidanea, перваго при похоронахъ, втораго во время жатвы (4). У народовъ германскихъ и славянскихъ свинья преимущественно служила символомъ солнца и ея приносили въ жертву солнечнымъ богамъ. У древнихъ Германцевъ и Скандинавовъ свинью приносили въ жертву Фрейру [5]. Салическій законъ запрещаетъ majalis sacrivus, принесеніе въ жертву кабана (6). Обрядовое употребленіе свинины въ настоящее время соблюдается въ день Р. Х. (7).

---

[1] Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872 XI 40—41
[2] Цитир. у Росбаха, Die röm. Ehe. 311. Въ примѣч.
[3] Schoem, Griech Alterth II 209
[4] Rossbach, Die röm. Ehe. 302
[5] Grimm, Deutsch. Myth. 194: 631
[6] Mülhause, Die Urrelig 54
[7] Ibid. 81

Digitized by Google

На связь древне-русскаго жертвоприношенія свиньи съ поклоненіемъ солнцу указываетъ, между прочимъ, слѣдующее обыкновеніе: Въ Орловской губ., приготовляя свиное мясо къ празднику Пасхи, стараются бить свиней въ чистый четвергъ и непремѣнно до восходо солнца, ибо, въ противномъ случаѣ, т. е., при солнцѣ, огонь не очиститъ или не освятитъ мяса (1). Въ колядкѣ встрѣчаются весьма характеристическія указанія на жертвоприношеніе свиньи солярному божеству; такъ, въ бѣлорусской колядкѣ:

Дѣдко свинущку убилъ,
Дѣдко бѣленькую,
Спинку пѣгинькую;
Ай да божья Коляда
Прилятай къ намъ свысока
. . . . . .
Басловья къ намъ неси! (2)

Обрядовое употребленіе свинины на славянскихъ свадьбахъ весьма обширно. Въ Черногоріи (3) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. Россіи, напр., Пенз. г. (4) къ свадебному столу подаютъ цѣлую жирную свинью. Большею же частью ограничиваются одной свиной головой, которую убираютъ лентами и разноцвѣтной бумагой. Въ такомъ видѣ свиная голова въ губ. Яросл. (5], Костр. (6], Владим. (7) ставится на свадебный столъ и стоитъ до слѣдующаго за свадьбой дня. Ей приходится быть нѣмой свидѣтельницей почти всего брачнаго пира. Во многихъ мѣстахъ В. и М. Россіи свиную голову замѣняетъ свиной окорокъ или колбаса. Въ слоб. Трехъизбянской Староб. у. Харьк. г. окорокъ этотъ называется «разгонщикомъ», потому что его ѣдятъ въ самомъ концѣ свадьбы передъ тѣмъ, какъ поѣзжанамъ приходитъ время расходиться по домамъ [8]. Въ С. З. краѣ во

---

1) Зап. Г. О. по О. этн. 1869 II 20
2) Безсоновъ, Бѣл. п. I 70
3) Вѣст. Европы. 1879 IX 171
4) Пензенск. Г. В, 1864 № 19
5) Этногр. Сб. I 159
6) Чтенія въ М. О. И. и Др. Рос. 1846 II 26
7) Влад. Г. В. 1873 № 40
8) Этногр. Сб. III 18

Digitized by Google

время свадьбы мать невѣсты ставитъ на столъ «верещаку»,—пару жареныхъ колбасъ, сложенныхъ вѣнкомъ (1).

Жертвоприношеніе пѣтуха и курицы. Быки, бараны, козы, свиньи—жертва со стороны состоятельныхъ людей; бѣдные же для жертвоприношеній избирали птицу. Пѣтухъ и курица, какъ предметы жертвоприношенія, встрѣчаются въ разное время и у разныхъ народовъ. Пѣтухъ сдѣлался излюбленнымъ предметомъ жертвоприношенія, по причинѣ своихъ близкихъ отношеній къ солнцу. Пѣтухъ—символъ солнца. Въ чешской духовной пѣснѣ Яна Божана, прославляющей восходъ солнца:

Hned w půl noci kohaut Boha chwálj,
Křjdly třepe wedlé swé powahy,
W prsy se bige a zpiwá,
Gak muže, tak Pána swého wziwá (2).

Въ этихъ словахъ церковника сказалось языческое воззрѣніе на близость пѣтуха къ солнцу; близость эту могли доводить до степени полнаго отождествленія солнца и пѣтуха. На огненное существо пѣтуха, его способность уничтожать и доставлять деньги указываетъ слѣдующая польская сказка: Пѣтухъ нашелъ на дорогѣ золотое кольцо и, когда кольцо это отнято было у него проѣзжимъ знатнымъ господиномъ, настойчиво потребовалъ его возвращенія. Похитившій кольцо приказалъ бросить пѣтуха въ колодезь; но пѣтухъ выпилъ всю воду и не утонулъ. Когда бросили его въ раскаленную печь, онъ ее охладилъ колодезной водой. Когда пѣтуха посадили въ денежный сундукъ, чтобы онъ здѣсь задохся, пѣтухъ поѣлъ всѣ деньги, которыя, по полученіи кольца, возвратилъ всѣ сполна [3].

Пѣтухъ, по причинѣ своей близости къ солнцу, явленіе котораго въ міръ онъ возвѣщаетъ громкимъ и радостнымъ пѣніемъ, былъ посвященъ солнечному богу, напр., у Египтянъ—Гору, у Грековъ—

---

1) Крачковскій, Чтенія 1873 IV. 65
2) Sumlork, Starać. obyć. I 436
3) Kolberg, Lud. VIII. 74—75

Digitized by Google

Аполлону [1]. Древніе Греки и Китайцы въ XVII ст. приносили его въ жертву и кровь его считали цѣлебной [2]. Литовцы бѣлыхъ пѣтуховъ приносили въ жертву Ладѣ [3]. Въ настоящее время пѣтуха рѣжутъ у Альфурусовъ на островѣ Целебесѣ по просьбѣ беременной женщины [4], у Евреевъ въ день судный (въ среднихъ числахъ сентября) (5), въ Германіи въ ночь подъ Георгія, Іоанна и Михаила (6) и на свадьбахъ (7). Въ Германіи на вершинахъ церквей устроиваютъ небольшое изображеніе пѣтуха (8). Это обыкновеніе встрѣчается въ Чехіи (9). Въ Черк. у. Кіевской г. на крышѣ на желѣзной палкѣ прикрѣпляютъ жестяное изображеніе пѣтуха, «півника» (10). Въ Германіи изображеніемъ пѣтуха украшаютъ майское деревцо (11). Обыкновеніе ставить изображеніе пѣтуха надъ церквами и домами вполнѣ отвѣчаетъ существующему у многихъ Славянъ обычаю на другой день послѣ свадьбы ставить на воротахъ мѣдный крестъ. Крестъ этотъ называютъ «sončec» или «sončck» и становится за всякаго женатаго человѣка семьи. «Солнце обожали, говоритъ Срезневскій, какъ защитника сиротъ и покровителя семейнаго покоя и счастья; вотъ почему всякая семья должна была имѣть его образъ, какъ символъ благодати» (12).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи во время свадебнаго стола соблюдается весьма замѣчательный обычай: парни просовываютъ въ окно дома, гдѣ идетъ свадебный пиръ, живую курицу, головой впередъ и, придавливая ее пальцемъ, заставляютъ тѣмъ ее издавать крикъ «для счастья молодыхъ» (13).

---

[1]) Shoemann, Griech. Alterth. II 206; Sumlork, Staroč. obyč. I 397
[2]) Ibid. I 396
[3]) Снегиревъ, Рус. простонар. празд. I 95
[4]) „Знаніе“ 1877 II, Приложеніе 10
[5]) Sumlork. Staroč. obyč. I 474
[6]) Grimm, Deutsche Myth. II 615
[7]) Kuhn. Märk, Sag. 360
[8]) Grimm. Deutsch. Myth. II 636
[9]) Sumlork, Staroč. obyč I 421
[10]) Труды Эт. Ст. Эксп. въ З р. кр. VII Вып. 2 стр. 330
[11]) Grimm, Deutsch. Myth II 636
[12]) Срезневскій, Объ обож. солнца „Ж. М. Н. П.“ 1846 LI. 45—48
[13]) Wuttke, Volksaberg.352

Digitized by Google

Прокопій (VI в.), Левъ Дьяканъ (X в.) и Ибнъ-Фодланъ (X в.) говорятъ о жертвоприношеніи Славянами птицъ вообще и пѣтуховъ въ особенности (1). На царскихъ, княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ XVI и XVII ст. молодымъ въ опочивальню подавали «куря верченое» [2]. Женихъ разрѣзывалъ жареную курицу и первую отрубленную ногу или крыло бросалъ позади себя, а другую съѣдалъ самъ (3). Иногда молодые разрывали въ подклѣти жареную курицу, приговаривая при этомъ «скверно, еже нѣсть мочно и писанію вдати» [4]. Подобное обыкновеніе соблюдается и въ настоящее время въ В. Россіи, напр., въ Тульск. губ. (5). Въ М. Россіи въ XVIII ст. послѣ свадьбы вареную или сырую курицу обкладывали калиной и красной бумагой и несли ее къ тестю съ пѣніемъ и музыкой. Курицу потомъ рѣзали на кусочки и раздавали всѣмъ присутствующимъ (6). Обыкновеніе это встрѣчается и въ настоящее время въ Галиціи (7). Въ Чехіи въ концѣ прошлаго столѣтія и въ настоящее еще время соблюдается обрядовое зарѣзываніе пѣтуха. Пѣтухъ бываетъ желтый или черный. Пѣтуха рѣжетъ иногда дѣвушка въ присутствіи многочисленной молодежи обоего пола. Обыкновенно пѣтуха палкой убиваетъ сватъ, обошедши предварительно вокругъ него три раза. Кровью пѣтуха сватъ окропляетъ всѣхъ присутствующихъ, мажетъ ею имъ лица или прямо бьетъ окровавленнымъ пѣтухомъ по головамъ молодыхъ людей. Иногда пѣтуха жарятъ и передъ восходомъ солнца раздаютъ всѣмъ присутствующимъ по кусочку. Дѣлаютъ это для освященія брака (8).

Въ настоящее время обрядовое употребленіе на свадьбахъ пѣтуха и курицы весьма распространено въ славянскихъ земляхъ. Въ Моравіи жареную курицу завязываютъ въ платокъ такъ, чтобы

---

1) Макушевъ, Сказ. иностр. 101—102.
2) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. Ш. Доп. 33, 58, 128.
3) Олеарій, О сост. Рос., „Архивъ“ Калачова 1859. IV. 61.
4) Буслаевъ, Эпич. позз. 47.
5) Шейнъ, Вел. п. 429.
6) Калиновскій, Оп, св. укр. об. 21; Абевега, 47.
7) „Основа“ 1862. IV. 38.
8) Sumlork, Starož obyč. I. 410; 368, 414; 361; Kulda, Swadba 67; Reinsberg—Duringsfeld, Fest—Kalender. 52.

Digitized by Google

выглядывала одна голова, украшенная розмариномъ (1). У мѣщанъ г. Онеги сватъ, отправляясь въ домъ отца невѣсты, беретъ въ карманъ пѣтушиную голову [2]. Въ Подлясьѣ въ концѣ свадьбы подаютъ жареного пѣтуха, котораго приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: гдѣ нибудь на горѣ, за селомъ, привязываютъ его живымъ къ лѣстницѣ и раскладываютъ подъ нимъ огонь; потомъ его жарятъ и подаютъ подъ названіемъ «бажанта» (3). Въ Витеб. г. молодымъ въ комору приносятъ пѣтуха на кровать (4). Обыкновеніе относить на другой день послѣ свадьбы пѣтуха или курицу молодымъ соблюдается въ М. Россіи (5) и въ Чехіи [6], священнику—въ Б. и М. Россіи (7), Галиціи (8) и Буковинѣ(9).

Обрядовое зарѣзываніе пѣтуха соблюдается у Чеховъ послѣ обжинокъ и на масленой недѣлѣ [10], въ Курск. губ. при переходѣ въ новый домъ [11], въ степныхъ мѣстахъ Украины въ поминальныя субботы (12) и во время повальныхъ болѣзней (13). Въ с. Новоселовкѣ Кіевск. у. существуетъ преданіе, что нѣкогда въ селѣ свирѣпствовала повальная болѣзнь. Владѣтельница села приказала опахать село маленькимъ для этой цѣли сдѣланнымъ плужкомъ, въ который былъ впряженъ пѣтухъ. Болѣзнь прекратилась, и село съ тѣхъ поръ не знало ни какихъ особенныхъ бѣдъ (14). Гаданіе посредствомъ курицы распространено въ Германіи и Россіи. Въ Германіи дѣвушки ночью подъ 25 янв. слушаютъ у дверей курятника, не запоетъ ли пѣтухъ, что предвѣщаетъ замужество (15). Въ Россіи въ случаѣ воровства гадаютъ

---

1) Sušil, Moravu nar pis, II. 434.
2) Труды Эт. О. Об. Люб. Естеств. V. I. 114.
3) Труды Эт. Ст. Эксп. въ З. р. кр. IV. 385.
4) Шейнъ, Бѣл. п. 353.
5) Терещ. Б. Р. Н. II. 534
6) Časop. ces. Mus. 1859. I. 98.
7) Черниг. Г. В. 1855. № 21. Шейнъ, Бѣл. п. 362.
8) „Основа“ 1862. IV. 38.
9) „Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ.“ II. 475.
10) Sumlork, Staroč. obyc. I 369, 410.
11) Этногр. Сб. V. 84.
12) Максимовичъ, Собр. соч. II. 502.
13) Терещ., Б. Р. Н. VI. 42.
14) Nowosielski Lud. ukr. I. 156. Примѣч.
15) Mülhause, Die Urrelig. 39. Klemm, Die Frauen II. 134.

Digitized by Google

черной курицей; обсыпавъ курицу сажей, пускаютъ ее среди подозрѣваемыхъ людей; виноватымъ считается тотъ, къ кому она не прикоснется [1].

П. А. Лавровскій высказалъ мнѣніе, что пѣтухъ и курица при бракѣ служатъ символами новой семьи (2). Трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Во всѣхъ славянскихъ свадьбахъ встрѣчается обрядовое употребленіе или одного пѣтуха, или одной курицы, никогда вмѣстѣ. Значеніе свадебнаго пѣтуха болѣе обширно. Не даромъ же къ нему привязалась масса разнообразныхъ повѣрій и обрядовъ. Пѣтухъ свадебный, равно какъ пѣтухъ, помѣщающійся на вершинѣ нѣмецкихъ церквей, есть образъ самого солнца, одно изъ его многочисленныхъ зооморфическихъ воплощеній. Таково древнее значеніе пѣтуха. Съ такимъ значеніемъ пѣтухъ не могъ сдѣлаться предметомъ жертвоприношенія; послѣднее сдѣлалось обычнымъ, когда пѣтухъ былъ нѣсколько отдѣленъ отъ солнца и явился по отношенію къ послѣднему птицей служебной. Пѣтухъ и курица, преимущественно пѣтухъ, какъ предметъ жертвоприношенія, имѣлъ самостоятельную цѣнность; но главнымъ образомъ онъ шелъ въ замѣнъ другихъ болѣе крупныхъ, а потому болѣе дорогихъ животныхъ. Православные Черкесы и Осетины въ день Преполовенія и въ день Успенія бьютъ быковъ, обведши предварительно ихъ вокругъ храма; люди бѣдные въ эти дни вмѣсто быковъ рѣжутъ пѣтуховъ (3). Судя по нѣкоторымъ послѣ-свадебнымъ обрядамъ, жареная и украшенная цвѣтами курица въ настоящее время знаменуетъ цѣломудріе невѣсты.

Жертвоприношеніе яичницы имѣло мѣсто въ замѣнъ жертвоприношенія курицы. Иногда пѣтухъ или курица только посвящались солнечному божеству, а въ жертву приносили продуктъ послѣдней. Въ Дофине жертвоприношеніе яичницы встрѣчается въ чистомъ видѣ; во время солнцестоянія крестьяне выходятъ при солнечномъ восходѣ на мостъ и приносятъ яичницу въ жертву солнцу (4).

---

1) Сахаровъ. Сказ. Р, Н. I. 175.
2) П. Лавровскій, „Чтенія“ 1866. II. 61.
3) „Соврем. Извѣстія“ 1880.
4) Тэйлоръ, Первоб. культ. II. 445

Digitized by Google

Въ губ. Витеб., Минск., Олонец. мать невѣсты тотчасъ послѣ сговора готовитъ яичницу и потчиваетъ ею жениха и сватовъ (1). Въ губ. Виленской и у Лемковъ мать жениха изготовляетъ яичницу изъ одного яица и несетъ на чердакъ къ молодымъ на ужинъ (2). Въ Олонец. и Псковск. губ. мать молодой послѣ свадьбы угощаетъ молодаго и его свата яичницей, причемъ женихъ вырѣзываетъ въ ней небольшое отверстіе и, если новобрачная оказалась цѣломудренной, льетъ въ отверстіе масло, въ противномъ случаѣ плюетъ въ него (3). Въ Олонецкой губ. въ то время, какъ ѣдятъ послѣ-свадебную яичницу, пляшутъ вокругъ нея и поютъ пѣсни (4).

Обрядовое употребленіе яичницы бываетъ въ день св. Георгія, когда ею угощаютъ пастуховъ [5], причемъ послѣдніе, нужно думать, получаютъ то же угощеніе, которое нѣкогда предлагали скотьему богу,—бываетъ также на Троицкой недѣлѣ (6).

Жертвоприношеніе творога. Обрядовое употребленіе сыра на свадьбахъ встрѣчается у Поляковъ [7], Сербовъ Лужицкихъ [8], въ В. и М. Россіи, причемъ въ М. Россіи преимущественно въ началѣ свадьбы, а въ В. Россіи въ концѣ свадьбы. У Малорусовъ Бѣльск. у. Сѣдлецк. г., когда уговоръ между родителями невѣсты и женихомъ оканчивается, невѣста выноситъ такъ называемый дѣвоснубный сыръ, который рѣжется сватомъ и раздается по кусочку всѣмъ присутствующимъ. Кромѣ того, невѣста даетъ еще жениху на дорогу кусокъ сыра. По пути женихъ всѣмъ встрѣчающимся даетъ по кусочку сыра въ знакъ того, что онъ зарученъ (9). На свадьбахъ московскихъ царей въ XVII ст. послѣ свадебнаго пиршества раздавали и разсылали убрусцы, ширинки, коровай и сыръ (10).

---

1) Шейнъ, Б. п. 306; Крачковск. 17; „Зап. Г. О. по О. Э.“ 1873. Ш. 610.
2) Головацкій, „Чт.“ 1872 Ш. 391; Вѣст. Г. О. 1857. XX. 264.
3) „Чтенія въ М. О. П. и Др. Рос.“ 1870. I. 539. Терещ. П. 228.
4) Отеч. Зап. 1839. IX. См. 66.
5) Кирпичниковъ, Св. Георгій и Ег. Храбр. 147.
6) Максимовичъ, Собр. соч. П. 505.
7) Kolberg, Lud. VI. 60.
8) Haupt, u. Smoler. Volkslied. II. 235.
9) Тр. Эт. Ст. Эксп. въ З. р. к. IV. 64.
10) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. Ш. Доп. 122.

Digitized by Google

У Бѣлоруссовъ теща на другой день послѣ свадьбы кладетъ зятю за пазуху сыръ (1). У Лемковъ молодымъ на другой день послѣ свадьбы приносятъ сыръ (2). По Вагѣ тещи приносятъ зятьямъ сыръ въ Петровъ день на второй годъ брака (3).

Въ то время, какъ у Кельтовъ и Германцевъ сыръ былъ въ пренебреженіи, у Славянъ онъ употреблялся съ древнѣйшихъ временъ (4), на что указываетъ употребленіе его на свадьбахъ. Сыръ употреблялся въ жертвоприношеніяхъ, на что сохранилось указаніе въ бѣлорусской купальской пѣснѣ, въ которой дѣвушка собирается угощать «купальничку» бѣлымъ сыромъ (5).

Жертвоприношеніе каши. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ ученаго изслѣдователя русскаго языка П. А. Лавровскаго, что «каша....представляетъ рѣдкость, ограниченную самыми исключительными мѣстностями и то одной Великой Россіи; даже и въ Рождественскіе праздники и тутъ значеніе ея является только въ Новый годъ»(6), что «каша на Рождественскихъ праздникахъ имѣетъ едва, едва замѣтное значеніе, и на свадьбахъ каша виднѣется только въ В. Россіи» (7). Обрядовое употребленіе каши обычно не только наканунѣ Р. Хр. и Новаго года, но преимущественно на свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ, и не въ одной В. Россіи, но также и въ прочихъ славянскихъ земляхъ. У Чеховъ (8) и Куявлянъ (9) каша составляетъ непремѣнную принадлежность свадебнаго стола.

Обрядовое употребленіе каши, какъ предмета жертвоприношенія, выходитъ за предѣлы славянскаго племени. Кашу приносили въ жертву богамъ земледѣлія и скотоводства. У Индусовъ ведическаго времени жертвоприношеніе каши встрѣчается въ чистомъ видѣ; ячменной кашей кормили скотьяго бога Пушана, почему онъ и носитъ

---

1) Крачковск., 81; Носовичъ, 155.
2) Головац., „Чт." 1872. III. 396.
3) Снегиревъ, Рус. прост. празд. I. 208.
4) Pictet, Les orig. II. 35.
5) Безсоновъ, Бѣлор. п. I. 30.
6) П. Лавровскій. „Чтенія" въ М. О. И. и Др. Рос. I. 1866. II. 38.
7) Ibid. 43.
8) Erben. Prost. ces, pis. IV. 307; Casop. ces. Mus. 1859. I. 96.
9) Kolberg, Lud III. 257.

Digitized by Google

названіе «кашеѣдъ» (karambhād). Римляне, по словамъ Плинія, въ день рожденія ребенка приготовляли кашу,—fritilla, puls. Et hodie sacra prisca atque natalium pulte fritilla conficiuntur». Древніе Германцы въ праздникъ Перахты (=Берхта=Гольда) приготовляли и ѣли кашу (1).

Въ Воскресенской лѣтописи слово «каша» употреблено въ значеніи свадебнаго пира. Когда Александръ Невскій женился въ 1239 г. въ г. Торопцѣ, то онъ праздновалъ здѣсь кашу, по возвращеніи въ Новгородъ,—другую, т. е., давалъ свадебный столъ. Въ одномъ старинномъ описаніи свадьбы говорится, что и молодымъ въ подклѣтъ приносятъ кашу, и они кашу черпаютъ и за себя мечутъ» (2),—одно изъ наиболѣе крупныхъ свидѣтельствъ древне-русскаго жертвоприношенія каши землѣ. На царскихъ свадьбахъ XVI и XVII ст. молодые въ банѣ ѣли кашу. (3). Кромѣ того, разсылали кашу почетнѣйшимъ особамъ. Такъ, Казанскій царь Симеонъ посылалъ ее въ 1554 г. къ царю Ив. Вас. и его женѣ, къ кн. Юрію Вас. Углицкому и нѣкот. др. важнымъ московскимъ особамъ того времени [4]. Обыкновеніе угощать молодыхъ въ день свадьбы кашей соблюдается и въ настоящее время во многихъ мѣстахъ В. Россіи. Въ Арханг. губ. молодымъ за княжимъ столомъ разрѣшается ѣсть одну кашу, причемъ на молодую накидываютъ платокъ, подъ которымъ она и ѣстъ кашу. (5). У Лемковъ кашу дарятъ молодымъ на другой день послѣ свадьбы [6].

Каша, какъ обрядовое кушанье, встрѣчается въ Арханг. г. въ концѣ жатвы (7), въ Курск. и Орлов. губ. во время крестинаго обѣда [8], въ Костр. г. при празднованіи именинъ (9), въ Виленск. г. при поминовеніи усопшихъ (10). Въ старинное время въ Малороссіи, въ Курск. губ. и въ настоящее время въ Борис. у. Минск. г. въ

1) Grimm. Deutsch. Myth. 251.
2) Погодинъ. Древ. рус. ист. II 749
3) Сахаровъ. Сказ. Р. Н. III Доп. 34 131
4) Ibd. 77
5) Труды Эт. О. Об. Люб. Естеств. V I 79; „Москвит." 1853 XIV 102
6) Головацкій. „Чтенія" 1872 III 396
7) Тр. Эт. О. Об. Люб. Естеств. V I 134
8) Этногр. Сб. V. 21; „Зап. Г О. по О." Эт. 1869 II 46
9) „Чтенія въ М. О. И. и Др. Рос." 1846 II 25
10) Крачковск., 122

Digitized by Google

началѣ ученія школьники ѣдятъ кашу и разбиваютъ горшокъ палкой [1], въ М. Россіи и Буковинѣ на сочельникъ (2), въ Галиціи въ день св. Георгія (3), у Чеховъ въ Троицынъ день (4), въ Костром. г. 23 іюня (5). Остановимся на замѣчательномъ случаѣ обрядоваго употребленія каши въ Орловск. губ. Во время крестинъ въ концѣ обѣденнаго стола повивальная бабка ставитъ горшокъ каши и двѣ порожнія тарелки, накрытыя свернутыми полотенцами. Послѣ молитвы священника, бабка нѣсколько разъ поднимаетъ и опускаетъ надъ столомъ ребенка. Въ то же время то же самое дѣлаетъ крестный отецъ съ горшкомъ каши. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кума приподнимаетъ горшокъ съ кашей и высказываетъ пожеланіе, чтобы новорожденному было столько же счастья, сколько на небѣ звѣздъ. Обрядъ этотъ называется «молить кашу» (6). Въ этомъ обрядѣ въ ясныхъ чертахъ сказывается значеніе каши, какъ предмета жертвоприношенія; ее поднимаютъ вверхъ, потому что приглашаютъ солнечное божество пожаловать вмѣстѣ съ своей божественной супругой въ избу крестьянина; для нихъ и кушанье, и тарелки готовы. Высказывая пожеланія новорожденному, кума въ древности прямо имѣла въ виду приглашенныхъ и невидимо присутствующихъ на крестинномъ обѣдѣ солярныхъ божествъ.

Жертвоприношеніе хлѣба. Въ древнѣйшее время, съ зарожденіемъ земледѣльческаго труда, жертвоприношеніе хлѣба шло въ замѣнъ жертвоприношенія животныхъ. Бѣдные люди, которые не въ состояніи были принести богамъ въ жертву быка, барана, козла или свинью, приносили сдѣланное изъ тѣста изображеніе того или другого изъ этихъ животныхъ. Таково происхожденіе встрѣчающагося до сихъ поръ у разныхъ народовъ обыкновенія приготовлять изъ тѣста изображенія быковъ, овецъ, свиней, если не въ полномъ видѣ, то

---

[1]) Есть указанія на этотъ обрядъ въ соч. Квитки-Основьяненка, въ автобіографіи М. Щепкина, напечатанной въ альманахѣ „Комета“ и въ стат. Крачковскаго „Быть З. р. сел.“ „Чтенія“ 1873 IV 166

[2]) Зап. Ю. З. О. Г. Об. II 148

[3]) П. Ефименко, Зап. Г. О. по О. Эт. 1869 II 100; Терещенко, VI 28

[4]) Sumlork, Staroč. obyč. I 478

[5]) Чтенія въ М. О. И. и Др. Рос. 1846 II 24

[6]) Зап. Г. Общ. по О. Эт. 1869 II 46

Digitized by Google

отчасти, напр., вылѣнливать рога или копыта. Съ развитіемъ земледѣльческаго быта жертвоприношеніе хлѣба получило самостоятельное значеніе и пріобрѣло обширное распространеніе. Хорошо выпеченный, намазанный медомъ хлѣбъ сдѣлался для боговъ самой пріятной пищей. Жертвоприношенія животныхъ, сопряженныя съ значительными расходами и хлопотами, стали отходить на второй планъ, мало-по-малу вытѣсненныя жертвоприношеніемъ хлѣба. Жертвоприношеніе хлѣба въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ существуетъ у разныхъ народовъ индоевропейскихъ, но нигдѣ не получило такого распространенія, не проникло такъ глубоко въ народную жизнь, какъ въ земляхъ славянскихъ. Хлѣбъ даже въ обыденной жизни изстари земледѣльческихъ славянскихъ народовъ сдѣлался предметомъ священнымъ; уронить «хлѣб святий» грѣшно, и уронившій спѣшитъ его поцѣловать; чуть ли не самая лучшая пѣсня великорусскаго народа сложена въ честь хлѣба. Перлъ русской былевой поэзіи-пѣсни о земледѣльцѣ Микулѣ Селяниновичѣ, въ лицѣ котораго олицетворенъ весь земледѣльческій, трудолюбивый и гостепріимный русскій народъ.

Хлѣбъ въ обрядовомъ употребленіи у Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Поляковъ и Чеховъ называется или кораваемъ, краваемъ, или колачемъ, куличемъ. Оставляемъ въ сторонѣ мнѣніе Терещенко о происхожденіи русскаго коровая отъ римскаго far, libum farreum, какъ несостоятельное. Г. Ящуржинскій слово коровай производитъ отъ слова краять, кроить (1). Названіе коровай восходитъ ко временамъ арійскимъ. Русское слово коровай стоитъ въ прямомъ родствѣ съ санскр. upakârika—родъ пирога, изъ upa—kâra=приготовленіе и литовскимъ karaiszis—пирогъ, хлѣбъ. Коровай, upakârika, karaiszis происходятъ отъ одного и того же корня kr,-facere (2) Такимъ образомъ, по первоначальному и простѣйшему значенію, коровай просто хлѣбъ. Въ XVI и XVII ст. въ В. Россіи коровай составлялъ обычный видъ сдобнаго хлѣба. Былъ коровай битый, ко-

---

1) Ящуржинскій, Рус. Фил. Вѣст. 1880 I 85.
2) Pictet, Les orig. II 313

Digitized by Google

торый забивался съ масломъ въ сосудѣ, ставленный—въ родѣ кулича на молокѣ, яцкій—на большомъ количествѣ яицъ, коровай съ сыромъ, коровай братскій и др. (1). Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ В. и М. Россіи названіе коровай удержалось только за свадебнымъ хлѣбомъ.

Новосельскій совершенно произвольно слово колачъ производитъ отъ названія языческаго праздника коляда (2). Колачъ и куличъ по значенію тождественны. Въ основаніи обоихъ словъ лежитъ представленіе о хлѣбѣ круглой формы, что видно изъ сравненія ихъ съ персид. kuli, kulič, kulicah—круглый хлѣбъ изъ лучшей муки, съ литовск. kukulys—круглый хлѣбъ, и съ санск. okula—пирогъ съ сыромъ (3).

1) Въ Украинѣ, при основаніи новаго поселка, опредѣленное пространство земли обходятъ кругомъ и подъ борозду земли зарываютъ горшки съ хлѣбнымъ зерномъ (4).

2, 3 и 4) Въ В. Россіи въ старинное время, при выборѣ мѣста для постройки дома, гадали посредствомъ трехъ хлѣбовъ, которые спускали на землю изъ за пазухи: „если всѣ три хлѣбца (падали) кверху коркою верхнею, то мѣсто добро; тутъ съ Божіею помощью, ничего не боясь, ставитъ избу и всякія хоромы; если же лягутъ вверхъ исподнею коркою, тутъ не ставь и то мѣсто покинь, когда же только два хлѣбца лягутъ кверху верхнею коркою, еще ставь—добро, а когда же падетъ одинъ хлѣбецъ кверху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ“ (5). Въ Украинѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ хотятъ строить хату, сыпятъ по четыремъ угламъ очерченнаго мѣста зерновой хлѣбъ. Если мѣсто доброе, зерно въ теченіе трехъ ночей будетъ лежать на мѣстѣ никѣмъ нетронутое (6). Въ Зап. Россіи, при постройкѣ дома, въ углы избы закладываютъ хлѣбъ (7).

5) Какъ въ старинное время, такъ и теперь на новоселье приходятъ съ хлѣбомъ-солью.

---

1) Костомаровъ Оч. дом. жизн. великор. 83
2) Nowosielieski, Lud. ukr. I 108
3) Pictet. Les orig II 312
4) Nowosielski, Lud ukr I 156.
5) Буслаевъ, О народ. позз. 35.
6) Nowosielski, Lud ukr. I. 163.
7) Крачковск., „Чтенія“ 1873. IV. 203.

Digitized by Google

6, 7) Ребенка, по окрещенiи, встрѣчаютъ съ хлѣбомъ—солью и кладутъ хлѣбъ въ колыбель [1]).

8) Въ Нерехот. у. Костр. губ. надъ головой именинника разламываютъ пирогъ [2]).

9) Въ Курскѣ въ старинное время въ день отъѣзда родственника или знакомаго клали на столъ ржаной хлѣбъ съ солью на верху [3]).

10, 11) Въ степныхъ мѣстахъ Украины въ поминальныя субботы приносятъ на панихиду книши и пироги [4]). Въ Зап. Россiи къ „Дѣдамъ“, кромѣ обыкновеннаго хлѣба, пекутъ еще особую булку „курецъ“, которую отдаютъ нищему въ поминовенiе душъ усопшихъ [5]).

12) На Волыни и въ Зап. Россiи при пожарахъ выносятъ хлѣбъ-соль; вокругъ горящаго строенiя обносятъ хлѣбъ, чтобы не дать пожару распространяться [6]).

13, 14) По тому, какъ выпекается хлѣбъ, дѣвушки гадаютъ о суженомъ [7]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. Россiи наканунѣ новаго года пекутъ не большiе хлѣбцы изъ пшеничной муки и кладутъ ихъ на порогѣ. Чей хлѣбецъ собака возьметъ, той впервые выйти замужъ [8]).

15, 16) У Чеховъ въ началѣ жатвы приготовляютъ „пряжмо“, т. е., запекаютъ на сковородѣ зерна поспѣвшихъ хлѣбныхъ растенiй [9]). Въ Арханг. г. изъ перваго вымолота пекутъ хлѣбцы и кладутъ по нѣсколько на божницы и въ клѣти, гдѣ есть въ засѣкахъ хлѣбъ [10]).

17) Въ Слонim. у. Гродн. г. хозяйка, собираясь садить капусту, беретъ большую булку хлѣба и кладетъ ее на гряду, приговаривая: „Дай Богъ, чтобы капуста поросла такая же большая, какъ эта булка хлѣба“ [11]).

Въ разные дни года, преимущественно въ дни праздничные, бываетъ обрядовое печенiе хлѣба.

18, 19) У Бѣлоруссовъ „снятая Васильiя дьяжу мясила, пироги пекла, и рогатые, и букатые“. У Болгаръ мальчики на Сураву годину (1 января) поютъ хозяевамъ привѣтственныя колядки и за то получаютъ разные фрукты и кра-

---

[1]) Авдѣева, Зап. о рус. бытѣ 116, 117; „Чтенiя въ М. О. И. и Др.“ 1846. II. 25.
[2]) „Чтенiя“ ibid.
[3]) Авдѣева, ibid.
[4]) Максимовичъ, Собр. соч. II 502.
[5]) Крачковскiй, „Чтенiя“ 1873 IV 157, 121
[6]) Ibid. 204; Аѳанасьевъ, Поэт. возр. Сл. на пр. II 10
[7]) Авдѣева, Зап. о рус. бытѣ 23; Шейнъ, Б. п. 286.
[8]) Терещ. Б. Р. Н. VII 243
[9]) Sumlork, Staroč. obyč.
[10]) Труды Э. О. Об. Люб. Естеств. V. I. 134.
[11]) Крачковскiй, „Чтенiя“ 1873. V. 95.

Digitized by Google

вайче—небольшіе круглые хлѣбы (1). Въ В., М. и Б. Россіи подъ Р. Х. и Новый годъ колядующимъ и щедрующимъ молодымъ людямъ дарятъ хлѣбъ.

20, 21. 22) Въ М. Россіи 5 янв. вечеромъ хозяинъ дома, взявъ хлѣбъ съ крестомъ на верху, называемый пирогомъ, идетъ къ дверямъ строенія, гдѣ помѣщается скотъ и говоритъ: „Кто иде?"—„Богъ!" „Що несе?"—„Пирогъ" Послѣ этого входитъ къ скоту, благославляетъ его этимъ хлѣбомъ, разламываетъ на нѣсколько кусочковъ и раздаетъ скоту (2). У Чеховъ 5 янв. залѣпливаютъ въ тѣсто небольшіе куски освященнаго тмина, вливаютъ въ тѣсто немного освященной воды, пекутъ пироги изъ этого тѣста, засушиваютъ ихъ и потомъ даютъ въ кормъ коровамъ, чтобы онѣ часто телились (3). Въ Болгаріи и въ Россіи священникъ окропляетъ дома приходжанъ и получаетъ коровай и овечью шерсть (4).

23, 24) Въ М. Россіи въ день Богоявленія передъ обѣдомъ хозяйка мѣситъ тѣсто на пироги. Вынувши изъ тѣста руку, она не обтираетъ ее, а бѣжитъ поскорѣе въ садъ и обвязываетъ садовыя деревья (5). Въ болгарскомъ городѣ Сопотѣ крестный отецъ или кумъ приноситъ молодой женщинѣ коровай, нѣсколько яблоковъ и серебреную старинную монету (6).

25. 26, 27) На масленой недѣлѣ въ Россіи повсемѣстно соблюдается печеніе блиновъ. Въ Болгаріи главное блюдо въ это время „тутманикъ"—пирогъ съ масломъ и сыромъ (7), въ Богеміи Boži milosti—различной формы и величины хлѣбы изъ бѣлой пшеничной муки (8).

28) У Чеховъ наканунѣ 17 февр. пекутъ изъ пшеничной муки крендели и 17 числа передъ восходомъ солнца вѣшаютъ ихъ въ саду на деревьяхъ, затѣмъ будятъ дѣтей, приказываютъ умыться и ведутъ въ садъ, гдѣ дѣти снимаютъ съ деревьевъ крендели, предварительно совершивъ подъ деревомъ молитву (9).

29) Въ Македоніи первое марта называется лѣтникъ. Дѣвушки и парни встаютъ рано и выходятъ на дворъ увидѣть какую нибудь птичку, взявъ предварительно въ руки цѣлый хлѣбъ, чистое старое серебро и золото. Вышедши на дворъ, они нѣсколько времени съ зажмуренными глазами держатъ въ рукахъ эти предметы (10).

---

1) Караведовъ, Памят. I. 173, 177.
2) Труды Эт. Ст. Эксп. въ З, р. кр. III. 3.
3) Reinsberg—Duringsfeld, Fest- Kalender. 13.
4) Караведовъ, Памят. I. 178.
5) Труды Эт. Ст. Эксп. въ З. р. кр. III. 4.
6) Караведовъ, Памят. I. 179.
7) Ibid. I. 187.
8) Sumlork, Staroč. obyč. I. 477.
9) Reinsberg—Düringsfeld, Fest Kalender aus Böhmen. 1864 г. 68.
10) Караведовъ, Памят. I. 188.

Digitized by Google

30) Въ М. Россіи 9 марта пекутъ небольшіе хлѣбы въ формѣ птицъ и называютъ хлѣбы эти жаворонками.

31) Въ Болгаріи 11 марта приготовляютъ „боговицу“,—круглый хлѣбъ, какъ коровай, но только безъ углубленія въ серединѣ. На этой боговицѣ сдѣланы изъ тѣста лошадки, овечки, рога, хвосты и т. п. Боговицу крошатъ въ миску съ виномъ и ѣдятъ, крича ради здоровья скота: му-у-у, му-у-у; бе-е-е-бе; ихаха-ха! [1].

32, 33) Въ Ошмянск. у. Виленск. г. въ среду на 4 недѣлѣ Великаго поста пекутъ пироги въ формѣ хозяйственныхъ орудій: сохъ, косъ, бороны и проч. Дѣтямъ пекутъ пироги въ видѣ „пужка“, т. е., кнутика [2].

34) Въ Зап. Россіи распространено повѣрье, что на Благовѣщенье непремѣнно прилетаетъ аистъ. Поэтому случаю пекутъ пироги „галіопы“ на подобіе аистовъ, съ чубкомъ, крыльями, ногами и хвостомъ. Мальчики говорятъ: „Буся! буся! на табѣ галіопу, а мнѣ дай жита копу“ [3].

35) Въ Сарат. г. на Іоанна Лѣствичника [30 марта] пекутъ пироги; сверху накладываютъ на нихъ изъ тѣста перекладины, и это печеніе называется „лѣсеньками“ [4].

36) Въ Виленск. г. крестьяне въ день Агафіи [3 апрѣля] освящаютъ въ церкви хлѣбъ, натыканный кусками сала. Хлѣбъ этотъ вѣшаютъ на рогахъ коровъ, чтобы ихъ не испортили злые люди [5].

37, 38, 39, 40) Наканунѣ дня св. Георгія (23 апр.) въ Гродн. г. приготовляютъ хлѣбъ, называемый коровай. Съ короваемъ земледѣльцы рано утромъ обходятъ свои поля. Пришедши къ посѣянной полосѣ, гдѣ ростетъ рожь, они сравниваютъ высоту ржи съ короваемъ. Если коровай прячется во ржи, то, говорятъ, рожь выйдетъ хорошой. По возвращеніи домой, хозяинъ разрѣзываетъ коровай на части по числу членовъ семейства, и всѣ вмѣстѣ послѣ молитвы завтракаютъ (6). Въ Болгаріи изъ самой чистой муки пекутъ хлѣбы двоякой формы: „кошары“ и „кровai“. Кошары раздаются пастухамъ. Одинъ кровай покрываютъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и чистымъ полотенцемъ и вручаютъ его молодой женщинѣ, которая относитъ кровай въ церковь. Священникъ благословляетъ кровай, часть котораго идетъ бѣднымъ, а остальную часть приносятъ домой, рѣжутъ по кускамъ и раздаютъ всѣмъ домашнимъ (7).

---

1) Каравеловъ, Памят. I. 193.
2) Носовичъ, „З. Г. О. по О. Эт.“ 1873. V, 9; Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. 100.
3) Ibid. 102.
4) Терещ., Б. Р. Н. VI. 20.
5) „Зап. Г. О. по Отд. Этн.“ 1873. V. 20.
6) Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. 117.
7) Ефименко, „Зап. Г. О. по О. Этн.“ 1869. II. 102.

Digitized by Google

Въ Гродн. губ. на Юрія дѣвушки съ торжествомъ, держа надъ головой, носятъ коровай по домамъ почетныхъ хозяевъ (1). У Болгаръ боговицу мѣсятъ на отварѣ различныхъ полевыхъ травъ и цвѣтовъ, собранныхъ 23 апр. съ пѣснями, прославляющими св. Георгія, его побѣду надъ „сура Ламе", сѣрымъ чудовищнымъ змѣемъ, изъ черной крови котораго подидись рѣки пшеницы, молока и вина (2).

41, 42) Во всемъ славянскомъ мірѣ къ Пасхѣ пекутъ хлѣбы. По положенію этихъ хлѣбовъ гадаютъ о будущемъ. Въ Арханг. г. хлѣбцы, спеченные въ Страстный четвергъ, раскладываютъ на поляхъ при посѣвахъ (3). Въ Болгаріи въ Великій четвергъ пекутъ кровай и „близнаки". Кровай бываетъ круглый съ дырочкой по срединѣ, а близнакъ съ рожками; въ близнакъ впекаютъ красное яицо, почему онъ и называется еще „ѣйченикъ" (4).

43, 35) Въ день Вознесенія Христова въ Костр. губ. пекутъ блины „Христу на онучки" [5] и въ Сарат. губ. небольшіе хлѣбы „лѣсенки", одна часть которыхъ идетъ священнику, другая—нищимъ [6].

44) Въ Семикъ въ Нерехот. у. Костр. г. пекутъ для дѣвицъ хлѣбы, круглые, въ видѣ вѣнка, называемые „козули". Съ козулями дѣвушки идутъ въ лѣсъ завивать березку, т. е., украшать ее лентами [7].

45, 46) На Троицу во Влад. г. пекутъ пироги въ видѣ колпака, внутри пустаго, съ повѣшенными подъ сподомъ двумя окрашенными пустыми яицами Въ Орлов. г. пекутъ два коровая, что называется „моленіемъ короваю". Одинъ ѣдятъ за столомъ, а съ другимъ дѣвушки идутъ въ рощу завивать вѣнки [8].

47, 48, 49) На Ивана Купала 24 іюня въ Б. Россіи пекутъ „бабки",—пресныя лепешки [9]; въ Сербіи приготовляютъ „крстни колач"—круглый пшеничный хлѣбъ, низкій, плоскій, съ большимъ поперечнымъ крестомъ, края котораго имѣютъ три развѣтленія. Въ хлѣбъ втыкаютъ горящую восковую свѣчу, къ которой прилѣпляютъ двѣ другихъ меньшей величины свѣчки. Священникъ читаетъ молитву надъ этимъ хлѣбомъ и затѣмъ вмѣстѣ съ хозяиномъ дома разламываетъ его пополамъ. Въ заключеніе присутствующіе получаютъ по кусочку праздничнаго хлѣба. Около хлѣба ставятъ кружку съ виномъ [10]. Въ Силезіи ко дню Sobotek польскія крестьянскія дѣвушки пекутъ пирожки, называемые „słończęta" и выходятъ съ ними на зарѣ въ поле; положивши ихъ тамъ на чистомъ бѣломъ платкѣ, пляшутъ вокругъ и припѣваютъ: „graj słońce, graj

1] Крачк., „Чтенія" 1873. IV. 119.
2] Каравеловъ, Памят. I. 212—213.
3] Труды Эт. О. Об. Люб, Естеств. V. I. 134.
4] Каравеловъ, Памят. I. 208.
5] „Чтенія въ М. О. И. и Др. Рос." 1846. II. 21.
6] Терещ., Б. Р. Н. VI. 20.
7] Ibid. VI. 152; „Чтенія" 1846. II. 22.
8] Терещ., Ibid. VI. 192.
9] Безсоновъ, Бѣл. п. I. 63.
10] Kanitz, Serbien. 261.

Digitized by Google

tutaj są twoi słończęta" и потомъ, встрѣтивъ солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирожками такъ, чтобы подарить ими всѣхъ близкихъ своихъ [1].

50) Во время „горешниковъ" [съ 20 іюля] софійскіе Болгаре Шопы пекутъ пѣсный хлѣбъ „турта" и, намочивъ его медомъ, раздаютъ роднымъ и сосѣдямъ [2].

51) Хлѣбы пекутъ въ дни празднованія памяти святыхъ, покровителей скота: въ Россіи Флора и Лавра [18 августа] [3], въ Чехіи Мартина [11 нояб.] и Стефана [26 дек. по нов. ст.] [4]. На хлѣбахъ оттискиваютъ знаки въ видѣ конскихъ копытъ и роговъ домашнихъ животныхъ.

52) На Косму и Даміана [1 нояб.] въ Пенз. г. дѣвушки пекутъ пироги и блины, причемъ поютъ пѣсни, въ которыхъ высказывается желаніе найти хорошаго жениха [5].

53) Накануне Андреева дня [30 нояб.], вечеромъ, въ Волынск. губ. приготовляютъ „калету"—пѣсный колобокъ, намазанный медомъ. Этотъ коржъ привѣшиваютъ къ потолку среди хаты и при немъ сажаютъ одного парубка, которому даютъ въ руки квачъ, намоченный въ водѣ съ сажею. Затѣмъ присутствующіе поочередно подъѣзжаютъ къ коржу на палкахъ и откусываютъ частичку серьезно. Если кто нарочно засмѣется, парубокъ [„писарь"] мажетъ квачемъ по лицу. Въ самый день св. Андрея Первозваннаго въ продолженіи ужина среди стола лежитъ широкій, плоскій пшеничный хлѣбъ съ макомъ [6].

54) Ко дню Варвары [4 дек.] въ Б. Россіи пекутъ изъ пшеничнаго тѣста изображенія роговъ, копытъ, ушей и кормятъ ими домашнюю скотину, чтобы она плодилась [7].

55, 56, 57, 58, 59) Въ Россіи очень распространено обыкновеніе приготовлять ко дню Р. Хр. пироги или хлѣбы. Въ Арханг. г. пекутъ козули,—небольшіе хлѣбы, изображающіе коровъ съ рогами и безъ роговъ, овецъ и оленей [8]. У Карпаторуссовъ наканунѣ Р. Хр. [день этотъ называется крачунъ] пекутъ огромный бѣлый хлѣбъ, называемый „крачунъ". Въ печкѣ его окружаютъ колачами большими и маленькими. Передъ тѣмъ, какъ вынимать крачунъ изъ печки, отъ порога сѣней до главнаго стола устилаютъ дорогу чистой соломой, въ уголъ избы ставятъ большой овсяный или ячменный снопъ; ѣдятъ крачунъ за общимъ столомъ всѣ члены семьи и въ заключеніе обѣда стрѣля-

---

[1] Срезневскій, Объ обож. солнца „Ж. М. Н. Пр. 1846. 21. 40.
[2] Каравеловъ, Памят. I. 238.
[3] „Душеполезн. Чтеніе" 1871. Авг. 127.
[4] Sumlork, Starod. obyč. I. 480.
[5] Терещ., Б. Р. Н. VI. 62.
[6] „Труды Кіевск. Дух. Акад." 1871. Сент. 570.
[7] Каравеловъ, Памят. I. 271.
[8] Тр. Э. О. Об. Люб. Естеств. V. I. 147.

Digitized by Google

ютъ изъ пистолета въ окошко (1). У Поляковъ ко дню Р. Хр. пекутъ продолговатые хлѣбы „strucla“ (2); у Болгаръ пекутъ прѣсный хлѣбъ „бадникъ“. Отецъ семейства во время ужина крошитъ хлѣбъ и, намочивъ его медомъ, раздаетъ своей семьѣ всѣмъ поочередно (3). Въ Нерех. у. Костр. г. въ первый и второй дни Р. Хр. пекутъ на сковородахъ на маслѣ изъ ячной и пшеничной муки мелкіе четыреугольные или круглые шарики, называемые орѣхами (4).

60) 31 декабря у Болгаръ и Сербовъ пекутъ хлѣбъ съ наговорами и, если кто желаетъ имѣть дѣтей, съ налѣпками. Въ хлѣбъ кладутъ золотыя и серебреныя деньги; кому за ужиномъ достанется большій кусокъ, тотъ въ предстоящемъ году будетъ самый счастливый (5).

Обрядовое употребленіе хлѣба въ большіе годовые праздники и при различныхъ событіяхъ жизни общественной и семейной, за исключеніемъ свадьбы, о которой будетъ рѣчь впереди, приводитъ къ слѣдующему: I. Солнце и его теплотворные лучи сближаются, даже отождествляются съ хлѣбомъ или тѣстомъ (23, 56); II. Хлѣбъ приносился въ жертву: а] солнцу [8, 15, 16, 29, 34, 37, 39, 41, 44, 45, 48, 49], какъ божественному покровителю и устроителю земледѣлія [37, 41] и покровителю скотоводства (36, 38, 51, 54), т. е., какъ Дажьбогу и Волосу, б] мѣсяцу (42), что яснѣе сказывается въ обрядовомъ употребленіи свадебнаго хлѣба, в] землѣ, какъ супругѣ солнца и самостоятельно божественному существу [1, 2, 3, 17], г] домовому духу (4, 5, 53), д) душамъ умершихъ предковъ [10, 11] и е) деревьямъ [28]. Въ позднѣйшее время обрядовое употребленіе хлѣба стало знаменовать матеріальный достатокъ. Изрѣдка встрѣчаются въ обрядахъ случаи уподобленія дѣвушки хлѣбу (14).

Въ славянскихъ свадебныхъ обрядахъ хлѣбъ имѣетъ очень обширное обрядовое употребленіе. Онъ въ разныхъ мѣстностяхъ носитъ различныя названія; въ огромномъ большинствѣ случаевъ свадебный хлѣбъ называется короваемъ.

Г. Ящуржинскій говоритъ, что на великорусскихъ свадьбахъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ употребляется коровай, и то нѣтъ особен-

---

1) Терещ., Б. Р. Н. VII. 21.
2) Kolberg, Lud V. 192.
3) Каравеловъ, Памят. I. 276—277.
4) „Чтенія въ М. О. И. и Др.“ 1846. II. 20.
5) Каравеловъ, Памят. I. 283.

Digitized by Google

наго его приготовленія, какъ въ Малороссіи, и не придается ему здѣсь какого либо особеннаго смысла и значенія (1). Мнѣніе это не находитъ себѣ оправданія ни въ прошломъ, ни въ современномъ бытѣ В. Россіи. Какъ въ старину, такъ равно и въ настоящее время во многихъ мѣстахъ В. Россіи свадебный хлѣбъ подъ названіемъ коровая или съ другимъ наименованіемъ играетъ видную роль и богатъ обрядностью и значеніемъ. Впервые коровай упоминается въ свадебной записи 1526 г. Вас. Иванов. женился на Еленѣ Глинской. По этому случаю приготовили два большихъ коровая и украсили ихъ сверху большими серебреными пѣнязями, позолоченными съ одной стороны. Кромѣ того о короваѣ съ большими или меньшими подробностями говорится въ царскихъ свадебныхъ записяхъ 1626 и 1648 г.г. (2). У Олеарія есть указанія на великорусскій свадебный «kraßeinike» [3]. Корбъ сообщаетъ, что отецъ жениха во время вѣнчанія вручалъ коровай священнику, который поспѣшно передавалъ его въ руки отца невѣсты (4), обрядъ, сколько намъ извѣстно, въ настоящее время нигдѣ не встрѣчающійся. Коровай въ обрядовомъ свадебномъ употребленіи въ настоящее время встрѣчается въ губ. Курской, Тульской, Саратовской и нѣкот. др. (5).

Число короваевъ бываетъ различно, смотря по мѣстностямъ; въ М. Россіи большею частью ограничиваются однимъ короваемъ, который пекутъ въ домѣ невѣсты, въ Галиціи (6) и въ старинное время въ В. Россіи двумя, въ Буковинѣ 4, въ г. Костр. и того болѣе (7).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не довольствуются печеніемъ на свадьбѣ одного коровая, а пекутъ въ дополненіе къ нему хлѣбы меньшей величины, напр., «перепечу», которая встрѣчается уже на старинныхъ царскихъ свадьбахъ, какъ сдобное хлѣбное печеніе особой

---

1) Ящуржинскій, Рус. Фил. Вѣст. 1880 г. I. 84
2) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. Ш. Доп. 25, 28, 30. 104, 122. 138 и др.
3) Колачовъ, „Архивъ“ 1859 IV 60
4) Пассекъ, „Оч. Рос.“ IV 95
5) Этногр. Сб. V 49; Тульск. Г. В. 1861 № 14
6) Головацкій, „Чтенія“ 1872. II. 373.
7) Зап. Ю. З. О. Г. Об. II 477; Снегир., Рус. прост. празд. IV. 147.

Digitized by Google

формы, съ гранью, похожею на ананасную (1), «колачи», которые впервые упоминаются въ свадебной записи 1500 г., въ Костр. губ. благословенный, или крутильный хлѣбъ (2), въ М. Россіи лежни, шишки (небольшія булочки снизу круглой формы, а сверху съ крестомъ изъ тѣста или съ небольшими по краямъ пупышками, на подобіе сосновыхъ шишекъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. Россіи, вмѣсто коровая, встрѣчается свадебный хлѣбъ съ другимъ названіемъ и съ особой формой обрядоваго употребленія. Въ Арханг. г. большой продолговатый хлѣбъ, встрѣчающійся на свадьбахъ, называется «челданъ« (3). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сѣверной Россіи на свадьбахъ встрѣчается «банникъ»—ржаной хлѣбъ, завязанный вмѣстѣ съ солонкой и ложкой въ скатерть (4); въ Сарат. г. «курникъ»—круглый пирогъ, начиненный курицей (5); въ Пермск. г. «пирогъ рыбный» (6), иногда, во время обрученія, блины (7); въ Сарат. г. «люкшинъ-пряка»—большой во всю печь пирогъ, который пекутъ въ домѣ жениха для подругъ невѣсты (8).

Въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ коровай пекутъ изъ лучшей пшеничной муки, дунайской воды и т. д. (9). Въ Угорской Руси коровай—большой проверченный пшеничный колачъ (10), по формѣ напоминающій болгарскій кровай. Въ губ. Саратовской коровай-обыкновенный ржаной хлѣбъ съ солью (11).

Время и мѣсто печенія коровая измѣняются по мѣстностямъ; пекутъ наканунѣ свадьбы, въ день свадьбы и даже на другой день свадьбы, что, впрочемъ, весьма рѣдко; пекутъ въ домѣ невѣсты, въ домѣ жениха, иногда въ домѣ невѣсты и домѣ жениха одновремен-

---

1) Языковъ, „Биб. для Чт.“ 1834 VI. отд. Ш. 15
2) Терещ., Б. Р. н, П 172, 182
3) „Москвитян.“ 1853 XIV 87
4) „Зап. Г. О. по О. Э.“ 1873 Ш 12—13
5) Терещ. Бытъ Р. Н. П 318
6) Пермск. сб. 1. 26
7) Пермск. Г. В. 1875 № 75
8) Терещ. Б. Р. Н. П 322
9) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872 V 102; Wojcicki, Piesenludu II 135
10) Головацкій, „Чтенія“ 1872 IV 403
11) Терещ. Б. Р. Н. П 292

Digitized by Google

но; но въ домѣ невѣсты съ большими церемоніями и большей веселостью; бываетъ и такъ, что у молодаго пекутъ коровай наканунѣ свадьбы, а у молодой въ самый день свадьбы. Въ М. Россіи коровай пекутъ только при выходѣ замужъ дѣвушки (1).

Коровай пекутъ обыкновенно дѣвушки; причемъ всѣмъ дѣломъ руководитъ старшая коровайница, изъ числа деревенскихъ красавицъ. Въ бѣлорусской пѣснѣ: «хорошая учинила, румяная мѣсила» (2); въ червонорусской пѣснѣ: «гольчата муку сіяла, а рижа росчиняла, а хороша місила» (3). Малорусскія коровайницы украшаютъ свои головы барвинкомъ (4). Въ малорусской пѣснѣ отецъ невѣсты зажигаетъ «трейчатую свічку» и становится въ концѣ стола, «щоб видно его дітяти коровай бгати» (5). Коровай украшаютъ цвѣтами, древесными вѣточками, рѣшетчатыми украшеніями изъ тѣста, вызолоченными грецкими орѣхами, золотою мишурою, птичками изъ тѣста. Въ средину коровая кладутъ часто деньги (6). Отличительная особенность коровая—необыкновенная величина. На старинныхъ княжескихъ и царскихъ свадьбахъ коровай носили 4 чиновника на носилахъ, обитыхъ гладкимъ червчатымъ бархатомъ (7). У Малороссовъ Сарат. г. коровай длиной почти во весь столъ [8]. Въ З. и Ю. З. Россіи коровай бываетъ такъ великъ, что выламливаютъ изъ устья печи нѣсколько кирпичей, чтобы его вынуть (9). Въ малорусской пѣснѣ:

Де тиі ковалі живуть,
Що золотиі сокіри кують,
Ковалю—коваленьку,
Скуй мені сокіроньку;

---

1) Труды Эт. Ст. Эксп. въ З. р. кр. IV 215
2) Этн. Сб. III 245; Крачковск. 42
3) „Основа“ 1862. IV 12
4) Тр. Э. С. Э. въ З р. кр. IV 215
5) Метлинск. 162
6) Терещ., Б. Р. Н. II 451, 570, 510; Арандаренко, Зап. о Полт. г. II 245; Метл. 165; Крачковск. 45; Nowos., Lud ukr I 185
7) Языковъ, „Библ. для Чт.“ 1834 VI. (III) 14.
8) Терещ., Б. Р. Н. II. 570.
9) Шейнъ, Б. п. 356; Крачк., 40 44.

Digitized by Google

Будемо піч рубати,
Коровай добувати (1).

Въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ жениха или невѣсты сажаютъ коровай въ печь согласные супруги, причемъ или только они держатся за лопату, или всѣ присутствующіе въ домѣ (2). Въ М. Россіи коровай въ печь сажаетъ мужикъ, называемый въ пѣсняхъ кучерявымъ; онъ стучитъ приэтомъ три раза въ печку ногой; женщины подхватываютъ дѣжу и поднимаютъ ее къ потолку (3). По обѣимъ сторонамъ печки ставятъ по стакану водки съ прикрѣпленной къ нему свѣчкой (4). Приготовленіе коровая и сажаніе его въ печь сопряжены съ многочисленными пѣснями глубокой старины, пѣснями, свидѣтельствующими, по выраженію Новосельскаго, что въ короваѣ «ukrywa się wielka tajemnica społeczno—religijna ludów śławiańskich» (5). Въ малор. и бѣлор. пѣсняхъ коровай поднимается выше каменной печи, выше лѣса, со скоростью рыбы, поднимающейся вверхъ по Дунаю, или души, возносящейся въ небесныя пространства, ярко освѣщенныя солнцемъ; печь хохочетъ, и припечекъ улыбается отъ удовольствія видѣть коровай (6).

Въ способѣ приготовленія и обрядоваго употребленія свадебнаго хлѣба у славянскихъ народовъ обнаруживается сходство. Приготовленіе болгарскаго свадебнаго мединика почти тождественно съ приготовленіемъ малорусскаго коровая (7). Если свадьба въ воскресенье, болгарскія дѣвушки въ четвергъ или пятницу пекутъ въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты хлѣбы изъ одной и той же закваски (8). Свадебный хлѣбъ пекутъ съ трогательными пѣснями подруги невѣсты подъ руководствомъ сватей старухъ; дружки приносятъ дровъ (9). Болгарскія дѣвушки передъ свадьбой выносятъ четыре большихъ

---

1) Тр. Э. С. Э. IV. 232.
2) Этн. Сб. V. 49; Тульск. Г. В. 1861. № 14; Терещ., Б. Р. Н. II. 612.
3) Этн. Сб. I. 353.
4) Этногр. Сб. III. 2.
5) Nowosielski, Lud ukr. I, 167.
6) Крачковск.. 43; Метлинск., 163; Тульск. Г. В. 1861. № 13; Метлинск. 164.
7) Народы Россіи III. 244.
8) Верковичъ, Оп. быта Болг. 31; Безсоновъ, Болг. пѣс. II 24; „Москвит." 1845 VI 170
9) Верковичъ, Оп. быта Болг. 9

Digitized by Google

хлѣба, намазанныхъ медомъ, кладутъ ихъ на коверъ, разостланный по двору и дѣлаютъ нѣсколько круговъ танца вокругъ нихъ, потомъ подносятъ всѣмъ, начиная съ жениха, по рюмкѣ вина и куску мединика. Мединикъ и вино относятъ въ домъ невѣсты, причемъ потчиваютъ всѣхъ встрѣчающихся. На дворѣ дома невѣсты повторяется танецъ и потчиваніе (1). Южно-австрійскіе Сербы къ ябукѣ (обрученіе) приготовляютъ длинный хлѣбъ kolac (2). У Чеховъ женщины въ домѣ жениха пекутъ колачъ,-круглый хлѣбъ, на верху котораго налѣпливаютъ изъ тѣста птичекъ и цвѣточки и наводятъ позолоту; хлѣбъ этотъ относятъ къ невѣстѣ (3). У Краковскихъ Поляковъ ко дню свадьбы пекутъ пшеничныя лепешки съ творогомъ [4].

Въ В., М. и Б. Россіи свата или сваху въ домъ отца невѣсты отправляютъ съ хлѣбомъ въ рукѣ (5). Въ бѣлор. пѣснѣ, «коли нашу дзѣвку любишь, дай пирогъ» (6). Въ Арханг. г. во время большихъ смотринъ на двухъ углахъ стола кладутъ ржаные хлѣбы, особо испеченные и называемые «столовиками» (7). Съ хлѣбомъ въ рукахъ отправляются сватать въ Черногоріи (8), Сербіи (9), у Познанскихъ Поляковъ [10]. Въ Чехіи отецъ невѣсты свое согласіе на бракъ дочери высказываетъ тѣмъ, что принимаетъ отъ свата хлѣбъ (11). Хлѣбъ во время сватовства играетъ важное значеніе. Онъ укрѣпляетъ брачное соглашеніе. У Словаковъ женихъ и невѣста на сговорѣ подаютъ другъ другу руки черезъ хлѣбъ (12). Въ Яросл. г. во время рукобитья сватъ соединяетъ руки отца невѣсты и отца жениха, три раза переводитъ пирогъ черезъ ихъ руки, потомъ переламливаетъ его пополамъ и одну половину даетъ отцу невѣсты,

---

1) „Москвит.“ 1845. VI 170
2) Rajacsich. Das. Leben d. Südslav 140
3) Erben, Prost. ces. pis. V 296
4) Kolberg, Lud VI 35
5) Калиновск., 2; Nowosielski Lud ukr. I. 175; Этногр. Сб. V. 25; Терещ., II 167 289
6) Носовичъ, „З. Г. О. по О. Этн. 1873. V. 133
7) Тр. Эт. О. Об. Люб. Естеств. V. I. 77
8) Вѣст Ев. 1879 IX 170.
9) Гласник. 1867 V 130
10) Kolberg, Lud XI 75, 84
11) Casop. ces. Mus. 1859 I. 92
12) Ibid. I. 101.

Digitized by Google

а другую—отцу жениха (1). Въ великорусской пѣснѣ невѣста проситъ своихъ родителей:

Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не давайте вы меня горькую
На чужую дальню сторонушку (2).

Въ Курск. г. родители невѣсты и сваты жениха, обмѣнявшись хлѣбомъ, считаютъ себя не вправѣ отказаться отъ разъ уже рѣшеннаго бракосочетанія [3]. Обрядовое употребленіе хлѣба во время сговора содѣйствуетъ также сближенію молодыхъ брачущихся людей. Въ Сарат. г. (4) и у Поляковъ (5) женихъ и невѣста съѣдаютъ вмѣстѣ хлѣбъ. Въ польской пѣснѣ:

A jak pojdziesz na zalety, weźże chleba dla kobiety.
Żeby jadła, żeby piła, żeby z tobą dobrze żyła.

Обыкновеніе съ хлѣбомъ въ рукахъ приглашать гостей на свадьбу встрѣчается въ В. Россіи, въ Болгаріи (6) и въ Чехіи. У Чеховъ послѣ сговора даютъ жениху большой хлѣбъ, одна половина котораго остается у жениха, другая идетъ невѣстѣ. Обѣ половины разрѣзываютъ на столько частей, сколько ждутъ гостей и по куску посылаютъ въ дома тѣхъ, которыхъ приглашаютъ на свадьбу; получившіе хлѣбъ платятъ немного денегъ (7). Подобное обыкновеніе встрѣчается и въ Славоніи [8].

На дѣвичникѣ, бывающемъ обыкновенно наканунѣ свадьбы, свадебный хлѣбъ играетъ такую же важную роль, какъ и на самой свадьбѣ. Въ Полт. г. въ это время пекутъ коровай и 2 лежня; лежни кладутъ на двухъ концахъ стола, а между ними помѣщаютъ одну большую шишку съ вырѣзками (9). Въ Кост. г. наканунѣ дня вѣнчанія пекутъ толстые блины на дрождяхъ, называемые «опеку-

1) Этн. Сб. III 20
2) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. III 160
3) Этногр. Сб. V. 25
4) Терещ., Б. Р. Н. II 357
5) Kolberg, Lud. XI. 75.
6) Верковичъ, Опис. быта Болг. 31
7) Časop. čes. Mus. 1859 I 93
8) Hič, Nar. slav. ob 57
9) Этног. сб. I 352

Digitized by Google

ши», и большой пряникъ [1]. Въ Курской и Пермской гг. наканунѣ свадьбы гостей и невѣсту потчиваютъ блинами [2]. Въ Олонец. г., когда невѣста идетъ въ баню, надъ ея головой ломаютъ пирогъ; если большой кусокъ окажется въ правой, то большина будетъ мужняя, если въ лѣвой—женина [3]. Въ Галиціи, во время свиванія вѣнковъ въ домѣ невѣсты, пекутъ особаго рода хлѣбъ «балец» [4]. Въ Славоніи, по сплетеніи вѣнковъ, разламываютъ колачъ [5].

Обыкновеніе при благословеніи молодыхъ держать въ рукахъ хлѣбъ распространено во всей Россіи [6] и въ Галиціи [7]. Въ Арханг. губ. молодыхъ троекратно колотятъ въ темя хлѣбомъ или обводятъ имъ вокругъ ихъ головъ [8]. Въ З. Россіи кладутъ кусочекъ хлѣба на голову невѣсты, при заплетеніи косы [9]. Въ Нижег.г. новобрачный на головѣ несетъ хлѣбъ въ опочивальню [10]. Въ Черногоріи «старый сватъ», ломая свадебный хлѣбъ надъ своею головой, проситъ Бога, чтобы у молодыхъ хорошо родился хлѣбъ и плодились овцы [11]. Въ Болгаріи мединикъ разламываютъ надъ головой жениха, дѣлятъ по маленькимъ кусочкамъ и раздаютъ всѣмъ присутствующимъ [12]. У Чеховъ сваха послѣ свадьбы кладетъ себѣ на голову свадебный хлѣбъ плачекъ и совершаетъ круговращательный танецъ [13]. Съ славянскимъ обычаемъ мазать хлѣбъ на голову или разламывать его надъ головой можно сравнить молдавскій обычай надѣвать на голову жениха колачъ, который тотчасъ, при громкихъ восклицаніяхъ, разрываютъ товарищи жениха [14], и въ особенности индусскій обычай подымать передъ ѣдой на высоту своей головы щепотку риса и приносить его мысленно Шивѣ или Вишну [15]. Хлѣбъ, какъ символъ солнца, предметъ священный; положе-

[1]) Снегиревъ, Рус. прост. празд. IV 145
[2]) Этногр. сб. V 43; Пермск.сб. I 55
[3]) „Бесѣда" 1872 IV 113
[4]) Головацкій, „Чтенія" 1872 III 369
[5]) Ilič, Nar. slav. ob. 47
[6]) Носовичъ, 145; „Москвит." 1853 XIV 98 Этногр. сб. I 352
[7]) „Основа" 1862 IV 10
[8]) Труды Эт. О. Об. люб. Естеств. V I 96
[9]) Крачковск., „Чтенія" 1873 IV 72
[10]) „Отеч. Зап." 1843 XX отд. VI см. 23
[11]) „Вѣст. Европы" 1879 IX 171
[12]) Чолаковъ, Болг. нар. сб. 79
[13]) Sumlark, Staroc obyč I 363
[14]) Народы Рос. III 222
[15]) Тэйлоръ. Первоб. культ. II 433

Digitized by Google

ніе его на голову молодыхъ освящаетъ послѣднихъ. Кромѣ того, хлѣбъ—предметъ жертвоприношенія. Его поднимали повыше, какъ высоко поднимаютъ квашню, какъ съ горы скатываютъ хлѣбъ въ Болгаріи 9 марта,—все потому, что божество, его пріемлющее, находится высоко въ небесныхъ пространствахъ.

Въ Полт. г. молодая послѣ вѣнчанія смотритъ на молодаго черезъ «дивень»,—хлѣбъ, имѣющій видъ бублика (1). Значеніе этого обычая выяснится, если его сравнить съ встрѣчающимся въ Буковинѣ обыкновеніемъ малорусской невѣсты, при отъѣздѣ въ домъ мужа, смотрѣть на востокъ черезъ отверстіе колача, креститься приэтомъ и, затѣмъ, расширеніе обряда, смотрѣть черезъ отверстіе колача на З., Ю. и С. (2).

По свидѣтельству Котошихина, въ старинное время впереди свадебнаго поѣзда несли коровай (3). Въ настоящее время въ Угорской Руси коровай лежитъ въ церкви во время вѣнчанія [4]. Во многихъ мѣстахъ Россіи свадебный поѣздъ или одну повозку молодыхъ обходятъ съ хлѣбомъ. Хлѣбъ кладутъ за пазуху молодымъ у Русскихъ [5], Краковскихъ Поляковъ [6] и Лужицкихъ Сербовъ [7]. Покрывало невѣсты выносятъ на короваѣ. Въ польской свадебной пѣснѣ:

Ej! dohladajsia Hanulu!
Na szczo korowaj wneseno!
Na korowaju powiwanie,
Na twoju kosu pokrywanie (8).

Въ Галиціи, во время отъѣзда молодой въ домъ мужа, ея родители становятся по обѣимъ сторонамъ воротъ съ хлѣбомъ и солью [9].

Въ Сербіи, Банатѣ, Славоніи (10), у южно-македонскихъ Болгаръ (11),

1) Арандаренко, Зап. и Полт. губ. II 246
2) Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II 498
3) Котошихинъ, О. Рос. въ царств. А. М. 126
4) Головац., „Чтенія“ 1872 IV 403
5) „Чтенія въ М. О. П. и Др.“ 1846, II 26
6) Kolberg, Lud VI 37
7) Haupt u Smoler, Volksl. II 258
8) Wojcicki, Pies ludu II 142
9) „ Основа“ 1862 IV 11
10) „Гласник.“ 1867 V 135 Ilić, Nar slav. ob. 66; Rajacsich, Das Lebeu d. Südslav 179
11) Верковичъ, Опис. быта Болг. 27

Digitized by Google

во многихъ мѣстахъ Россіи, въ Шлезвигѣ [1] молодая входитъ въ домъ новобрачнаго съ хлѣбами въ обѣихъ рукахъ, которые (хлѣбы) кладетъ на столъ или на плечо свекра. У Русскихъ, Чеховъ и Словаковъ свекровь встрѣчаетъ молодую съ хлѣбомъ въ рукахъ (2). Молодая разрѣзываетъ этотъ хлѣбъ на части и раздаетъ нищимъ. Въ Курск. г. свекровь открываетъ закрытое лицо молодой пирогомъ (3), у Лемковъ подводитъ ее къ печкѣ, въ которой лежитъ хлѣбъ (4).

Въ Галиціи коровай кладутъ поверхъ сундука съ приданымъ молодой [5], въ Псковск. г. въ самый сундукъ (6).

На княжескихъ и царскихъ свадьбахъ XVI и XVII ст. постель молодымъ, по показаніямъ свадебныхъ записей, стлали на 27 ржаныхъ снопахъ (7); по свидѣтельству Олеарія, сноповъ клали 40, причемъ первые снопы клалъ самъ женихъ (8). Около постели ставили кадь или нѣсколько боченковъ, наполненныхъ пшеницею, ячменемъ и овсомъ (9). Обыкновеніе стлать молодымъ постель на ржаныхъ снопахъ встрѣчается въ настоящее время въ В. Россіи, напр. въ Орлов. г. (10). На старинныхъ царскихъ свадьбахъ по угламъ опочивальни клали хлѣбы. Въ Украинѣ на дѣвичникѣ по всѣмъ 4 угламъ дома невѣсты ставятъ ржаные снопы (11). У Лемковъ свашки входятъ въ опочивальню къ молодымъ съ миской пшеницы, въ которую вставлена восковая свѣча (12). Въ Славоніи молодые, отправляясь въ опочивальню, подходятъ къ столу и откусываютъ по куску свадебнаго хлѣба «чорбы» (13). Въ Украинѣ отецъ молодаго послѣ свадьбы подаетъ сыну и невѣстѣ на концѣ ножа кусочекъ хлѣба, намазанный медомъ (14). Въ Чехіи послѣ

---

1) Wuttke, Volksabergl 350
2) Kulda, Swadba 60
3) Этногр. сб. V 71
4) Головац. „Чтенія“ 1872 III 390
5) „Основа“ 1862 IV 38
6) Шейнъ, В. и 537
7) Сахаровъ, Сказ. Р. н. III доп. 130
8) Калачовъ, „Архивъ“ 1859 IV 59
9) Сахаровъ, Сказ. Р. н. III Доп. разн. стр.
10) Терещ., Б. Р. н. II 205
11] Nowos.. Lud ukr I 190
12) Головац.. „Чтенія“ 1872 III 391
13) Ilic, Nar. sbav ob 67
14) Nowos., Lud ukr I 229

Digitized by Google

свадьбы мать невѣсты присылаетъ молодымъ большой хлѣбъ «плачекъ». (1). Послѣсвадебное потчиваніе блинами распространено во многихъ мѣстахъ В. Россіи (2). Послѣсвадебнымъ хлѣбомъ пользуются для засвидѣтельствованія цѣломудрія молодой; такъ, въ Арханг. губ. пекутъ послѣ свадьбы кулебяку и, наполнивъ ея середину рыбой или оставивъ ее пустой, смотря по тому, цѣломудрена ли невѣста, отсылаютъ ее въ домъ отца молодой (3).

Въ германскомъ и славянскомъ мірѣ встрѣчается замѣчательное обыкновеніе дѣлать невѣстѣ запретъ печь пироги въ день свадьбы или въ скоромъ времени послѣ свадьбы. У Славянъ и Нѣмцевъ [4] повсемѣстно невѣста не можетъ печь свадебнаго хлѣба; у Сербовъ ей не позволяютъ мѣсить тѣсто въ первое время послѣ замужества (5). По современному нѣмецкому народному объясненію, невѣста, сама себѣ пекущая свадебный хлѣбъ, будетъ бѣдна. Невѣста и коровай, какъ символы солнца, до нѣкоторой степени исключаютъ другъ друга. Свадебный хлѣбъ на свадьбахъ цѣнится не столько по отношенію къ невѣстѣ, сколько какъ предметъ совершенно самостоятельный, въ самомъ себѣ заключающій глубокій смыслъ и значеніе.

Прокопій (VI в.) и Ибнъ-Фодланъ (X в.) говорятъ о жертвоприношеніи Славянами хлѣба (6). У Балтійскихъ Славянъ жрецъ подносилъ пирогъ идолу Святовита и, спрятавшись за него, спрашивалъ у народа: видитъ ли онъ его, жреца? Ему отвѣчали: «нѣтъ»; тогда онъ объявлялъ благословеніе божества. Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршей Даниловымъ, Садко приноситъ благодарственную жертву Волгѣ хлѣбомъ:

Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ,
А спасибо тебѣ, матушка, Волга рѣка! (7)

---

1) Sumlork, Staroč. obyč I 363.
2) Терещ, II. 183. 287.
3) Труды Э. О. Общ. Люб. Естеств. V I 80
4) Wuttke, Volksabergl. 347
5) „Гласникъ“ 1867 V 136
6) Макушевъ, Сказ. иностр. 99, 101.
7) Кирша Даниловъ, въ изд. Калайд. 266

Digitized by Google

Въ словѣ Христолюбца говорится: «и тако покладываютъ имъ, т. е. языческимъ богамъ, требы и короваи имъ ломятъ.... моленое то брашно дадутъ и ядятъ».

1] Свадебный хлѣбъ въ древности былъ символомъ мѣсяца или солнца, смотря по тому какое изъ этихъ свѣтилъ представлялось мужескимъ началомъ; иногда въ свадебномъ хлѣбѣ заключалась мысль о бракѣ мѣсяца съ солнцемъ, иногда мысль о бракѣ солнца и земли. Въ М. Россіи при печеніи коровая изготовляютъ коржъ, посыпаютъ его овсомъ и кладутъ сверху конѣйку. На этотъ коржъ накладываютъ одна на другую 7 паляницъ и на верхней паляницѣ дѣлаютъ изображеніе мѣсяца, а вокругъ его располагаютъ 5 шишекъ и обводятъ каймой—«підперезуют» (1). Въ малор. пѣснѣ:

Коровайночки-жиночки,
Хорошіе короваи бгали,
Въ середину місяць клали,
Около зороньками,
Райскими пташеньками (2).

Въ Б. Россіи, если пекутъ нѣсколько короваевъ, первый дѣлаютъ въ видѣ полумѣсяца, второй—большая коврига, называемая перепечью, затѣмъ одна или много булочекъ (3). Въ бѣлорусской пѣснѣ коровай говоритъ:

Я и рогатъ, и богатъ,
Въ малую дверь не ўлѣзу (4).

На форму коровайнаго хлѣба въ Б. Россіи повліяло то обстоятельство, что «у мѣсяца два рожка крутые». Въ одной пѣснѣ рожки эти сравниваются съ двумя родными братьями жениха, причемъ самъ женихъ въ нѣкоторомъ родѣ является ядромъ мѣсяца (5). Въ народной поэзіи, въ загадкахъ и пѣсняхъ, коровай стоитъ близко къ мѣсяцу. Въ загадкахъ: «полна печь пироговъ, посреди коровай»,

---

1) Тр. Э. С, Э. въ З. р. кр. IV. 236
2) ibid. 231
3) Носовичъ, 141; Крачковскій 39.
4) Шейнъ, Бѣл. п. 340
5) Минск. Г. В. 1865. № 26

Digitized by Google

«постелю рогожу, положу окраец хліба» [1]. Въ пѣсняхъ мать невѣсты проситъ дѣвушекъ слѣпить коровай красный, какъ на небѣ мѣсяцъ ясный (2). Коровай бываетъ въ гостяхъ у мѣсяца и звѣзды (3); онъ самъ окруженъ мѣсяцемъ и обсаженъ звѣздами (4). Въ галицкой свадебной пѣснѣ:

Помолѣмося Богу!
Бо поѣдемо въ дорогу,
Аби'смо не зблудили,
Коровай не сгубили,
Мѣсяцу побоженьку
Свѣти нам дороженьку.... [5]

При дѣлежѣ коровая въ М. Россіи мѣсяцъ отдаютъ молодой (6). Во многихъ мѣстахъ М. и Б. Россіи коровай знаменуетъ собой все небесное семейство: солнце—мужа, луну—жену и звѣзды— дѣтей мѣсяца и солнца, причемъ главное мѣсто отводится солнцу, получающему значеніе мужескаго творческаго начала въ природѣ. Въ углубленіе, сдѣланное въ короваѣ, вдѣлываютъ приготовленныя изъ тѣста изображенія солнца и луны [7]. Въ Полт. г. дывень сажаютъ въ печь такъ, чтобы онъ находился между лежнями (хлѣбы меньшаго размѣра) и вокругъ него помѣщаютъ колачи (маленькія булочки) (8). По причинѣ близости коровая къ солнцу, въ пѣсняхъ коровай удается:

Як день білий,
Як Бог милий,
Як яснее соненько.
Що світить в віконенько (9).

2] Свадебный хлѣбъ служитъ символомъ жениха и невѣсты. Въ Тульск. г. мать невѣсты на дѣвичникѣ ставитъ на столъ два

---

1) Nowosielski. Lud ukr II. 265
2) Тр. Э. С. Эксп. въ З. р. кр. IV. 216; Головац., „Чтенія“ 1872. III 284
3) „Основа“: 1862 IV 15; Тр. Э. С. Эксп. въ З. р. кр. IV 245
4) Крачковск. 40
5) Головац. „Чтенія“ 1872, III 307.
6) Тр. Э С. Э. въ З. р. кр. IV. 601
7) Труды Э. С. Эксп. въ З. р. кр. IV 229, 672
8) Полтав. Губ. Вѣд. 1864 № 51
9) Труды Э. С. Эксп. въ З р. кр. кр. IV 234; „Основа“ 1862 IV 13

Digitized by Google

круглыхъ пирога, служащихъ для украшенія стола и вмѣстѣ знаменующихъ жениха и невѣсту [1]. Въ Нерех. у Костр. г. на другой день послѣ свадьбы подаютъ круглый пирогъ, называемый «шишуле,» съ разными изъ тѣста фигурами [птицы, елки и пр.] и изображеніями жениха и невѣсты [2]. Въ Минск. г. къ дѣвоснубамъ (дѣвичнику) приготовляютъ колачи,-небольшія въ 2, 3 фунта булки хлѣба. Одну изъ сырыхъ еще булокъ называютъ именемъ жениха. Если во время печенія колачъ Ивана или Степана потрескается, счастье жениха будетъ непрочно (3).

3) Въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ свадебный хлѣбъ служитъ символомъ осѣдлаго и благополучнаго домашняго житья. Чуть не каждый шагъ жениха и невѣсты сопряженъ съ опредѣленнымъ обрядовымъ употребленіемъ свадебнаго хлѣба, съ предварительнымъ разсчетомъ надѣлить молодыхъ обильнымъ урожаемъ хлѣба, что такъ необходимо для крестьянскаго семейнаго благополучія, чуть не всецѣло основывающагося на имѣніи насущнаго хлѣба.

Свадебный хлѣбъ придалъ большее или меньшее освящающее значеніе тѣмъ предметамъ, которые стоятъ къ нему въ извѣстной близости, именно: гумну, снопу, квашнѣ, «вику», или крышкѣ отъ квашни, лопатѣ и ситу.

Гумно въ свадебныхъ обрядахъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Въ Витеб. и Вилен. губ. коровай, по испеченіи, несутъ на гумно (4), У Сербовъ Лужицкихъ свадебные танцы бываютъ обыкновенно на току (5), Въ Витеб. г. молодыхъ кладутъ спать на гумнѣ (6), въ слоб. Трехъизбянской Староб. у. Харьк. г. въ „пунькѣ“,—небольшой загородкѣ на току, въ которой складываютъ полову (7) Въ Виленск. г. послѣ свадьбы женщинъ угощаютъ на гумнѣ; молодую бьютъ розгой отъ метлы, принесенной изъ гумна (8).

Снопы въ свадебномъ обрядовомъ употребленіи въ старинное время въ Московской области и въ настоящее время во многихъ мѣстахъ В. Россіи и въ Угорской Руси были уже отмѣчены нами въ своемъ мѣстѣ. Профес. Ѳ. И. Буслаевъ

---

[1] Шейнъ, Великор. п. 418
[2] „Чтенія въ М. О. И. и Др.“ 1846 II 26
[3] Крачковскій, „Чтенія“ 1873 IV 19
[4] Шейнъ, Б. п. 288; Памят. кн. Виленск. ген.—губерн. на 1866 г. стр. 66
[5] Haupt u. Smoler, Volkslied. II 235
[6] Шейнъ, Б. п. 288
[7] Этногр. сб. III 16
[8] Шейнъ, Б. п. 358; Носовичъ, 155

Digitized by Google

сближаетъ снопъ съ вѣткой, на основаніи нѣкоторыхъ выраженій въ древнихъ письменныхъ памятникахъ, въ которыхъ слово снопъ употребляется въ смыслѣ вѣтви (1). Въ современныхъ свадебныхъ обрядахъ не обнаруживается близости снопа и вѣтки, и они никогда, сколько намъ извѣстно, не замѣняютъ другъ друга. Обрядовое употребленіе на свадьбахъ сноповъ можетъ быть сочтено явленіемъ случайнымъ, попавшимъ въ свадебный ритуалъ лишь въ силу большаго почитанія хлѣба.

Квашня въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо замѣняетъ хлѣбъ, какъ символъ солнца. Въ украинской загадкѣ, означающей солнце:

За лісом, за трилісом
Золотая діжа сходить [2].

Въ слѣдующей великорусской подблюдной пѣснѣ заключается указаніе на близость квашни къ Ладѣ:

Растворю квашонушку
На донушко,
Поставлю квашонку
На столбушкѣ.
И моя квашонка
Полнымъ полна.
Ладу! Ладу!
И съ краями ровна (3).

Въ Б. Россіи мужчины, неся квашню съ тѣстомъ для замѣса, три раза поворачиваются кругомъ (4). Въ В. Россіи женщины подымаютъ квашню выше головы и пляшутъ. Къ квашнѣ женщины обнаруживаютъ какое то особенное, таинственное и страстное влеченіе.

Въ бѣлорусской пѣснѣ: Чи я жена гожа,
Языкомъ дзежу гложа,
Чи я жена хижа,
Языкомъ дзежу лижа [5].

Въ М. Россіи квашню ставятъ по срединѣ двора и обводятъ вокругъ нея молодыхъ (6). Обыкновеніе сажать молодую во время расплетенія косы на квашню, покрытую шубой, соблюдается у Русскихъ Поляковъ, Сербовъ Лужицкихъ (7). Въ мазурской пѣснѣ:

---

1) Буслаевъ, Эпич, поэз. 49
2) Nowosielski, Lud ukr. II 269
3) Шейнъ, Великор. п. 378
4) Носовичъ, 141
5) Крачковскій, 43
6) Калиновскій, 7; Тр. Э. С. Э. въ З. р. кр. IY 300
7) Шейнъ, Б. п. 335; „Вѣст. Геогр. Общ.“ 1853, VIII 42; „Отеч. Зап.“ 1839 IX см. 66; Kolberg, Lud VI, 51; III 264; XI 96; Zeg. Pauli, Pies. ludu polsk. 93; Нар. Рос. I. 71; Haupt u. Smoler, Volkslieder II. 244

Digitized by Google

Zakuka‡a kukaweczka na wieży,
Zap‡aka‡a Maryleczka na dziéży (1).

Кромѣ свадебныхъ обрядовъ обрядовое употребленіе квашни встрѣчается въ М. Россіи во время пожара (2) и при гаданіяхъ (3).

Обрядовое употребленіе крышки отъ квашни на свадьбахъ встрѣчается часто. Въ М. и Б- Россіи на „вико“ кладутъ свадебный хлѣбъ и викомъ дотрогиваются къ головѣ новобрачной, впервые вошедшей въ домъ мужа (4).

Лопатой, которой садятъ въ печь хлѣбъ, въ Арханг. г. хлопаютъ сзади свата, отправляющагося въ домъ невѣсты (5).

Сито въ сербскихъ свадебныхъ обрядахъ иногда сообѣтствуетъ квашнѣ и свадебному хлѣбу. Въ Сербіи невѣстѣ даютъ сито, полное ржи; она немного просѣваетъ рожь, затѣмъ кидаетъ сито на крышу дома; его ловятъ сваты и рвутъ въ куски [6].

Признаніе за хлѣбомъ священнаго значенія, почитаніе хлѣба, выразившееся въ массѣ обрядовъ и пѣсенъ, въ названіи коровая господаремъ (7), въ цѣлованіи свадебнаго хлѣба (8), возникло съ зарожденіемъ земледѣльческаго быта, слѣдовательно въ глубокой древности, до выхода Славянъ изъ ихъ азіатской прародины и до раздѣленія ихъ на отдѣльные народы. Слова: пшеница, жито, просо, горохъ, ячмень, снопъ одинаковы у всѣхъ Славянъ (9).

Обрядовое употребленіе на свадьбахъ соли.

Въ Костр. г. женихъ и невѣста пересылаются солонкой съ солью. Отецъ и мать молодаго, при встрѣчѣ отъ вѣнца новобрачныхъ, кидаютъ имъ въ лицо соль (10). Въ Россіи почти повсемѣстно на свадебный хлѣбъ кладутъ кусокъ соли. Въ Баваріи молодая кладетъ въ кушанья освященную соль, чтобы избавиться отъ молніи и болѣзни (11). Вообще, на свадьбахъ обрядовое употребленіе соли необширно. Кромѣ свадьбы, соль въ обрядовомъ употребленіи

1) Wojcicki, Pies Iudu II 26
2) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. Сл. на пр. II 10
3) Тр. Э. С. Э. въ 3 р. кр. III 261
4) Носовичъ, 154
5) Труды Эт. Отд. Общ. Люб. Естеств, V. I. 81.
6) „Гласник.“ V 135
7) Nowosielski, Lud. ukr I 221
8) Тр. Э. С. Э. въ 3. р. кр. IV 97
9) Воцель, Древ. бытов. исторія Слав. Пер. Задерацкаго, 53
10) Срегиревъ, Рус. прост. празд. IV 147
11) Wuttke, Volksaberg1 351

Digitized by Google

встрѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. У Сербовъ Лужицкихъ отъ испуга брызгаютъ въ лицо солянымъ растворомъ (1). У Болгаръ натираютъ новорожденнаго младенца солью, съ цѣлью предохранить его отъ злыхъ духовъ; (2); въ Германіи съ этой цѣлью кладутъ соль возлѣ новорожденнаго(3). Значеніе обрядоваго употребленія соли разнообразно.

1) Въ древнѣйшемъ своемъ видѣ обрядовое употребленіе соли совершалось при жертвоприношеніи животныхъ; послѣднихъ посыпали солью, чтобы они пришлись по вкусу богамъ. У древнихъ Евреевъ жертвенныя приношенія посыпали солью. Платонъ называетъ соль веществомъ, «любимымъ богами» (4).

2) Соль получила значеніе предохранительнаго средства отъ чародѣйства, что въ особенности ясно сказывается въ ея обрядовомъ употребленіи при рожденіи младенца.

3) Соль, въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи значенія ея обрядоваго употребленія, сдѣлалась символомъ домашняго благосостоянія и тѣсно слилась съ хлѣбомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній знаменуетъ богатство.

4) Соль въ рѣдкихъ случаяхъ знаменуетъ собой непріятность и ссору. Обрядовое употребленіе соли съ этимъ значеніемъ не встрѣчается. Въ этомъ отношеніи можно отмѣтить только одну примѣту, что «соль разсыпать, ссора будетъ». Вообще, послѣднее значеніе соли не вяжется съ значеніями предыдущими и можетъ быть сочтено за нѣчто случайное.

Жертвенныя возліянія

свойственны были въ древности всѣмъ индоевропейскимъ народамъ; такъ, у образованнѣйшаго народа древности Грековъ богамъ приносили въ жертву медъ или въ чистомъ видѣ, или въ смѣшанномъ съ виномъ или молокомъ(5). У Литовцевъ осенью, послѣ убор-

---

1) Haupt u Smoler, Volkslied II 261
2) Нар. Рос. III 242
3) Grimm, Deutsche Myth II 1002
4) Андреевъ, Историч. очерки 399
5) Wachsmuth, Hell. Alterth II 232; Schoem.; Gr. Alterth. II. 203

Digitized by Google

ки хлѣба, дѣлали жертвенныя возліянія пивомъ землѣ [1]. Остатком древняго жертвеннаго возліянія землѣ является обыкновеніе современныхъ французскихъ крестьянъ выливать передъ обѣдомъ на землю ложку супа или молока (2). Ибнъ-Фадланъ [X в.], Левъ Дьяконъ [X в.], Гельмольдъ [XII в.] и Саксонъ Грамматикъ [XIII] говорятъ, что Славяне приносили въ жертву богамъ опьяняющій напитокъ (3). Въ отношеніи древне-славянской свадьбы можетъ быть рѣчь о жертвоприношеніи молока, меда и пива.

О жертвоприношеніи молока Русскими говоритъ Ибнъ-Фадланъ (4). Молоко рѣдко встрѣчается въ русскихъ свадебнымъ обрядахъ. Сколько намъ извѣстно, только въ Олон. губ. молодыхъ, возвратившихся изъ церкви, поятъ прѣснымъ молокомъ (5). Обрядовое употребленіе молока указываетъ на древнѣйшія времена, когда Славяне были пастушескимъ народомъ, и молоко въ народной жизни и міросозерцаніи играло важную роль.

У древнихъ Индусовъ отецъ невѣсты встрѣчалъ жениха, держа въ рукахъ сосудъ съ медомъ; вылившъ часть напитка въ огонь, женихъ остальное выпивалъ (6). Какъ напитокъ угодный богамъ, медъ получилъ цѣлительное значеніе во многихъ индогерманскихъ сказаніяхъ (7). Въ старинномъ рукописномъ травникѣ «медъ есть сокъ съ росы небесной, который пчелы собираютъ во время доброе цвѣтовъ благоуханныхъ и отъ того имѣютъ въ себѣ силу многу и угоденъ бываетъ къ лѣкарству отъ многихъ болѣзней» (8). На царскихъ и княжескихъ свадьбахъ XVI и XVII ст. гребень обмакивали въ медъ или вино, когда жениху и невѣстѣ разчесывали голову; по угламъ опочивальни на лавкахъ ставили по оловяннику меду и послѣ свадьбы окачивали молодыхъ въ банѣ медомъ (9). Въ Галиціи

---

1) Grimm, Deutsch. Myth 231 Нѣмч.
2) Тэйлоръ, Первоб. Культ. II. 445
3) Макушевъ, Сказ. иностр. 99, 102
4) Гаркави. Сказанія мусульм. писат. о Слав. и Русскихъ 1870 95
5) „Зап. Геогр. Общ. по О. Эт.“ 1873 III 628
6) Weber, Ind. Stud. V 302
7) Kuhn, Herabk. d. Feuers 137
8) Флоринскій, „Русск. простонарод. травники и лѣчебники“. „Казан. унив. Изв.“ 1879 II 69
9) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. III Доп. 43. 65, 121, 30: Олеарій, „Архивъ“ Калачова 1859 IV 61

Digitized by Google

вѣники жениха и невѣсты мажутъ медомъ (1). Обыкновеніе встрѣчать новобрачную въ домѣ ея мужа съ медомъ въ рукахъ и, иногда, мазать ей медомъ губы встрѣчается въ Б. Россіи (2), Славоніи (3), Чехіи (4) и у нѣкоторыхъ народовъ, чуждыхъ Славянамъ, напр., у Осетинъ (5).

Жертвоприношеніе пива было болѣе свойственно древнимъ нѣмецкимъ свадьбамъ, чѣмъ славянскимъ; такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи доселѣ удержалось древнее обыкновеніе выливать на голову невѣсты немного пива (6). Въ русскихъ свадебныхъ обрядахъ обрядовое употребленіе пива встрѣчается очень рѣдко. Въ Костр. губ. въ ночь передъ свадьбой въ домѣ жениха и невѣсты рядомъ съ хлѣбомъ-солью ставятъ стаканъ пива (7).

Жертвенныя возліянія не поддаются хронологическимъ опредѣленіямъ. Жертвоприношеніе молока и меда предшествовало жертвоприношенію пива. Жертвенныя возліянія совершались одновременно съ жертвоприношеніемъ животныхъ. Древній человѣкъ, переносившій на боговъ свойства и особенности своей природы, считалъ ихъ доступными голоду и жаждѣ; онъ кормилъ ихъ бараниной или свининой и поилъ молокомъ или медомъ. Какъ для человѣка пища и питье одинаково необходимы, такъ необходимы они были и богамъ.

Божественныя существа, въ пищу или, позднѣе, въ честь которыхъ совершали жертвенныя возліянія, были:

1) Солнце или опредѣленный его антропоморфическій образъ, будь то Дажьбогъ, Хорсъ или Лада. *Обыкновеніе плескать виномъ вверхъ на свадьбахъ* есть слѣдствіе древняго поклоненія солнцу. Съ этимъ обыкновеніемъ тождественно, по основному значенію, обыкновеніе шаманъ монгольскихъ племенъ призывать въ молитвахъ солнце и плескать ему вверхъ молокомъ въ видѣ дара ему (8).

---

1) Головац., „Чтенія“ 1872 III 369
2) Шеинъ, Б. п 310
3) Hic, Nar. slav. ob. 66
4) Casop ces. Mus. 1859 I 99
5) Сбор. свѣд. о кавк. горц IV (III) 28
6) Kuhn. Märk. Sag. 306
7) Терещ., Б. р. н. II 177
8) Тэйлоръ, Первоб. культ. II 341

Digitized by Google

2] Земля. Въ М. и Б. Россіи женихъ первую чарку водки, поднесенную тещей, выливаетъ черезъ голову на землю (1). Современное народное объясненіе обычая сказывается въ слѣдующей буковинской пѣснѣ:

Ой мати сина виряжала
Та й наказовала:
Ой не пий, синку,
Першую чарку,—
Бо перша чарка
Чарованая;
Але висип, синку.
Коникові на гривку.
А коник се здриже,
Та й чари стрясе;
Коник буде грати,
Чари розсипати (2).

Многіе годы должны были пройти, прежде чѣмъ обыкновеніе изъ чисто религіознаго сдѣлалось исключительно бытовымъ, принявъ кое-какія черты эпохи умыканія. Народное объясненіе въ данномъ случаѣ оставляетъ въ сторонѣ древнее значеніе обряда и толкуетъ его по современному народному пониманію, Въ Германіи молодая, пріѣхавши въ домъ мужа, къ поднесенному ей питью дотрогивается губами и затѣмъ выливаетъ его черезъ голову на землю (3). Въ Славоніи сватъ выливаетъ на землю кувшинъ молока (4). Глубокой древностью отзывается слѣдующій обычай сербо-лужицкой невѣсты: вошедши въ домъ новобрачнаго, она отправляется въ коровникъ и выливаетъ здѣсь на землю кружку воды, «чтобы коровы хорошо доились» (5).

Посвященіе волосъ

въ чистомъ видѣ или въ поблекшемъ отъ времени и вымирающемъ обрядовомъ дѣйствіи встрѣчается у разныхъ народовъ земнаго шара. Новозеландцы вѣшаютъ пряди волосъ на деревьяхъ, ростущихъ на кладбищахъ. Въ Малабарѣ кол-

1) Носовичъ, „З. Г. О. по О. Э.“ 1873 V 145
2) Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ.“ II 487
3) Mülhause, Die Urrelig 198
4) Ilic, Nar. sl. ob. 57.
5) Haupt u Smoler, Volkslied II 258

Digitized by Google

дунъ связываетъ волосы больнаго въ крѣпкій пучекъ и отрѣзываетъ ихъ для умилостивленія демона (1). У Ацтековъ въ Ихкатланѣ мущина, желавшій вступить въ бракъ, приходилъ въ храмъ, и жрецъ отрѣзывалъ часть его головныхъ волосъ передъ идоломъ главнаго бога (2). У Грековъ посвященіе на головѣ волосъ богамъ было въ большомъ распространеніи. Тезей обрѣзалъ свои волосы въ жертву Аполлону Делосскому, Орестъ—въ жертву Инаху. Дѣвушки изъ Мегары обрѣзывали передъ свадьбой косу въ жертву Ифиноѣ, дѣвушки острова Делоса—въ жертву Гекергѣ (2). Невѣстѣ косу обрѣзывала сваха, нимфевтрія (3).

Путешественники XVI ст. Бусбекъ и Герлахъ говорятъ объ обыкновеніи Сербовъ вѣшать на могильныхъ крестахъ женскіе волосы въ знакъ горя [4]. Обыкновеніе отрѣзывать косу невѣстѣ, имѣвшее нѣкогда значеніе посвященія невѣсты богамъ, покровителямъ брака, распространено въ С.В. Сербіи въ румынскихъ селахъ (5), въ Польшѣ (6), у Гуцуловъ и въ западныхъ уѣздахъ Волынской губ. (7).

Въ древности жениху и невѣстѣ обрѣзывали на головѣ всѣ или часть волосъ. Что женихъ въ данномъ случаѣ не былъ исключеніемъ, видно изъ бывшаго въ старину и встрѣчающагося въ настоящее время въ простомъ русскомъ народѣ обычая разчесывать и, иногда, подрѣзывать его волоса [8].

Полное отрѣзываніе косы невѣсты встрѣчается довольно рѣдко въ славянскомъ мірѣ; встрѣчается частичное отрѣзываніе, сопровождаемое обыкновенно продѣваніемъ пучка волосъ въ кольцо и прижиганіемъ ихъ свѣчой. Послѣднее обыкновсніе встрѣчаетея въ З. Россіи [9]. Въ В. и М. Россіи обрѣзываніе или подрѣзываніе косы невѣс-

---

1) Тэйлоръ, Первоб. культ. II 439
2) Wachsmuth, Hellen Alterth II 235
3) Rossbach, Die röm. Ehe, 290
4) „Славянск. Ежегодникъ“ 1878 г. 242
5) Kanitz, Serbien 331
6) Нар. Россіи I. 72
7) Тр. Э, С. Э. въ 3 р. кр. IV 375
8) Буслаевъ, Эпич. поэз. 47; Погодинъ, Древ. рус. ист. II 749; Носовичъ, Б. п. 142; Вѣст. Геогр. Общ. 1857 XX 264; Крачовск. 50; Минск. Г. В. 1865 № 26
9) Крачковскій, 75; Носовичъ, 149; Шейнъ, Б, п 288; Этн. Сб. I 288

Digitized by Google

ты въ огромномъ большинствѣ случаевъ замѣнено простымъ обрядовымъ разчесываніемъ.

Въ современной народной поэзіи, преимущественно малорусской, отрѣзанная коса позоритъ дѣвушку. Въ одной старинной думѣ дѣвушка, потерявшая невинность подъ зеленымъ яворомъ съ молодымъ туркомъ, рѣшается на то, чтобы у ней отрѣзали косу и отослали ее матери [1]. Во время крѣпостнаго права дворовымъ дѣвушкамъ отрѣзывали косу въ наказаніе за потерю дѣвственности. Въ сербской народной поэзіи отрѣзываніе косы является результатомъ сильной тоски дѣвушки по миломъ. Красавица Мара потеряла друга и отъ тоски годъ не умывалась, другой не разчесывала своей косы, на третій отрѣзала ее и отослала въ Нови къ дядѣ. Дядя оковалъ косу въ серебро; тетка усыпала ее бисеромъ и прибила къ городскимъ воротамъ въ знакъ того, какъ сильно можетъ тосковать дѣвушка по своемъ возлюбленномъ [2]. Здѣсь дѣвушка, очевидно, отказалась выйти за другаго и посвятила свою косу, какъ символъ своей невинности, божеству. У Лаковъ обрѣзать косу дѣвушки значитъ нанести ей большое оскорбленіе [3]. По древнимъ понятіямъ косу можно было отрѣзать только въ жертву богу, а потому всякое другое отрѣзываніе косы, не имѣвшее значенія посвященія, считалось предосудительнымъ; дѣвушка съ отрѣзанной косой, вѣроятно, не могла выйти замужъ.

Волосы посвящали свѣтиламъ небеснымъ, преимущественно солнцу, въ Греціи Аполлону, Гипполиту, божеству солярнаго происхожденія, имѣющему въ миѳологіи связь съ Артемидой, лунной богиней (4); посвящали волоса также древней богинѣ луны, Діанѣ [5]. Древніе Арабы волосы посвящали Менату, богу мѣсяца [6]. Въ Германіи дѣвичья коса стояла подъ особымъ покровительствомъ Голле (7).

---

[1] Антоновичъ и Драгомановъ: Истор. пѣс. Малор. нар. I. 85
[2] Вукъ Караджъ., Срп. нар. пјес I 403
[3] Сборн. свѣд. о кавк. горц. IV отд. III 19
[4] Schoemann, Griech Alterth II 190
[5] Böttiger, Aldobrand. Hochz 138
[6] Срезневскій, О Рожеппцахъ „Архивъ" Калачова II 120
[7] Mülhause, Die Urrelig. 82

Digitized by Google

У Славянъ косу посвящали солярнымъ божествамъ, къ чему подало поводъ сближеніе блестящихъ солнечнихъ лучей съ человѣческими волосами. Въ галицкой веснянкѣ весеннее и лѣтнее солнце называется русой косой:

А вже весна воскресла,
Що же сь нам принесла?
Принесла вам русу косу
Дѣвоцькую красу [1].

Русскія и нѣмецкія сказки знаютъ царевну съ золотыми косами ненаглядной красоты. Въ сербской пѣснѣ красота дѣвушки произошла отъ того, что она плела косу солнца [2]. О красавицахъ дѣвушкахъ говорятъ: «кано да сунцу косе плете» (3). Въ темной галицкой колядкѣ сохранился отрывокъ поэтическаго сказанія о панянкѣ, расчесывающей косу и опасающейся загорѣть отъ солнечнаго жара:

Шуми, не шуми чом дубровонько,
Гой, дай, Боже!
Ой як же менѣ гей не шумѣти?
По мене ходить дивное звѣря,
Дивное звѣря девятороге,
А на десятим святий тарільчик,
На тим тарельці золотий стильчик,
На тим стильчику паннонька сидить,
Ой сидить, сидить, косоньку чеше,
Косоньку чеше, по столу мече.
Ой не доѣзджай, чом козаченьку,
Ой не пидхиляй чом кватиреньку,
Ой не напускай буйного вѣтру,
Буйного вѣтра, ясного сонця
Бо от вѣтроньку косонька вяне,
А од соненька личенько смагне (4),

[1]) „Маякъ“ 1843. XI. Матер. 48.
[2]) Вукъ Караджичъ. Срп. нар. пјес. I. 161.
[3]) Срезневскій, Объ обож. солнца. „Ж. М. Н. Пр.“ 1846 LI. 47.
[4]) Головацкій, „Чтенія“ 1866. I. 612.

Digitized by Google

Панянка эта съ болѣе ясными солнечными чертами выступаетъ въ слѣдующей галицкой же колядкѣ:

Там за стѣною, за золотою,
Там ся вбирае кгречна паннонька,
Бере на себе дороги сукні,
А поверх сукней срібло та злото,
А вишла на двір, двір ся влягае,
Вишла до сѣней, сѣні сіяють,
Вишла до хати, пани вставають,
Шапки знимають, ей ся кланяють [1].

Въ слѣдствіе сближенія дѣвичьей косы съ солнечной косой, первая усвоила отъ послѣдней нѣкоторыя особенныя ея свѣтовыя свойства; такъ, въ пѣсняхъ коса является золотой [2] и издающей сильный свѣтъ (3).

Пусканіе въ рѣку волосъ или всей косы,—обычный въ малорусской народной поэзіи символъ потери дѣвственности, быть можетъ, указываетъ на способъ древняго жертвоприношенія волосъ. Рѣчная вода могла знаменовать небесную атмосферу, за предѣлами которой царствуетъ солнце.

Кромѣ солнечныхъ божествъ, волосы были посвящаемы домашнему пенату, домовому духу. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ бросали въ огонь, разведенный на очагѣ; такъ, у Чеховъ молодая бросаетъ въ печь три волоса изъ косы.

Обрѣзываніе, подрѣзываніе и поджиганіе косы совершается съ разными обрядами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Орловск. губ., женихъ расплетаетъ косу невѣсты (4). Въ Витеб. г. косу невѣсты расплетаетъ ея два близкихъ родственника въ однѣхъ рубашкахъ (5). Въ Украинѣ невѣстѣ косу расплетаютъ въ домѣ отца жениха, если онъ имѣетъ пчельникъ (6). Повсемѣстно соблюдается обыкновеніе во время расплетанія и заплетанія косы и покровенія

[1]) Ibid 1866 I 613
[2]) Ibid 1872 III 297; Терещ., Б. Р. н. II 129
[3]) Головацкій „Чтенія“ 1872 II 211
[4]) Терещ., Б. Р. н. II 202
[5]) Шейнъ, Б. п. 315
[6]) Nowosielski. Lud. ukr. I 211

Digitized by Google

головы молодой женскимъ покрываломъ садить ее на «посадъ»,—обыкновенно квашню, иногда передній уголъ, покрытый вывороченной вверхъ шубой. Въ Грод. г. нецѣломудренная невѣста стѣсняется сѣсть на посадъ [1].

Обыкновеніе садить невѣсту на посадъ встрѣчается во всей Россіи, у Поляковъ и у Болгаръ. У послѣднихъ посадъ называется «бучкой». У Пуликавцевъ въ субботу наканунѣ свадьбы, днемъ, какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты дѣлаютъ бучку, т. е., въ домѣ жениха завѣшиваютъ пестрымъ ковромъ правый уголъ комнаты, а въ домѣ невѣсты лѣвый; потомъ изготовляютъ вѣнокъ изъ зеленыхъ вѣтокъ, убранный различными живыми цвѣтами; букетъ цвѣтовъ привязываютъ къ вѣнку золотою и красною шелковыми нитками. Бучка служитъ сѣдалищемъ невѣсты. Позади ея стоятъ двѣ дѣвочки, которыя тайкомъ прислуживаютъ ей, начиная съ пятницы и до конца свадьбы. Невѣста не выходитъ изъ бучки до того времени, когда ее поведутъ въ опочивальню молодаго. Бучку разстроиваютъ или тотчасъ послѣ вѣнчанія, или 8 дней спустя (2). Обыкновеніе садить невѣсту на посадъ встрѣчается у не славянскихъ народовъ; такъ, у аварскихъ племенъ невѣсту сажаютъ въ уголъ, завѣшанный ковромъ (3).

Г. Костомаровъ, указывая на сходство свадебнаго ритуала съ тѣмъ, что происходило въ древней общественной жизни, въ обыкновеніи сажать невѣсту или молодыхъ на посадъ, въ знакъ вступленія ихъ въ бракъ, склоненъ видѣть заимствованіе княжескаго обычая сажать на столъ въ знакъ вступленія въ должность (4). Мы расположены въ посадѣ видѣть остатокъ древней обстановки при посвященіи волосъ молодыхъ. Бучка сохранила, повидимому, болѣе древнихъ чертъ, чѣмъ посадъ. Невѣста становилась на возвышенное мѣсто, приближавшее ее къ возвышенному по мѣсту пребыванія божеству, имѣла при себѣ вѣнокъ, какъ символъ солнца, и отрѣзывала косу или часть косы въ посвященіе солнечному богу.

[1]) Гродн. Г. В. 1867 № 31
[2]) Верковичъ, Опис. быта Болг. 26.
[3]) Сборн. свѣд. о кавк. гор. III. отд. III. 29.
[4]) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872. XII. 49.

Digitized by Google

Обрядовое покрываніе головы невѣсты.

Косу расплетаютъ передъ отправленіемъ невѣсты въ церковь. Дѣвушки входятъ въ храмъ съ распущенными волосами. Обыкновеніе это идетъ отъ языческой древности. Народная фантазія представляетъ вѣщихъ женъ съ распущенными волосами. Римлянки въ храмъ богини Изиды входили съ распущенными косами [1]. У древнихъ Индусовъ дѣвушки носили распущенные волосы, которые при замужествѣ крѣпко заплетали въ косы и повязывали сверху платкомъ [kumba, kurîra, oraça, tirita] [2]. У Грековъ невѣсту покрывали фатой бѣлаго цвѣта, калиптрой [3], у Римлянъ покрываломъ краснаватаго цвѣта (flammeum), спадавшимъ по бокамъ и на спину и оставлявшимъ лицо открытымъ. Замужняя римлянка всегда имѣла косы закрытыя платкомъ [4]. У Евреевъ западнаго края женихъ покрываетъ голову невѣсты покрываломъ. «Волоса (открытые) у женщинъ—безстыдство», сказано въ Талмудѣ [5]. Покрываніе головы невѣсты послѣ свадьбы платкомъ повсемѣстно соблюдается въ Литвѣ [6] и въ Германіи [7]. Unter die Haube kommen означаетъ выйти замужъ, unter die Haube bringen—выдать замужъ. Обрядовое покрываніе головы невѣсты встрѣчается у народовъ, чуждыхъ Индоевропейцамъ по крови и языку. У Китайцевъ въ день свадьбы жениху и невѣстѣ расплетаютъ волосы; потомъ, сказавъ наставленіе о важности брака, снова заплетаютъ и на голову надѣваютъ особой формы шапку [8]. У Калмыковъ послѣ свадьбы передъ тѣмъ, какъ молодымъ идти въ опочивальню, расплетаютъ у молодой косу, заплетаютъ ее въ двѣ косы и надѣваютъ на нихъ бархатные чехлы [9].

Обрядовое покрываніе головы невѣсты платкомъ послѣ вѣнчанія встрѣчается у всѣхъ славянскихъ народовъ. Арабскій географъ Каз-

---

[1]) Фридлендеръ, Карт. изъ ист. рим. нрав. I. 254.
[2]) Weber, Ind, Stud. V. 278, 405—406.
[3]) Böttiger, Aldobrand. Hochz. 33.
[4]) Rossbach, Die röm: Ehe· 279—286; Фридлендеръ, I. 227.
[5]) Труды Э. С. Э. въ 3. р. пр. VII. вып. I. 38.
[6]) Спрогисъ Пам. лат. нар. творч. 208
[7]) Weinhold, Deutsche Frauen 269
[8]) Klemm, Allgem. Kulturgesch VI 107
[9]) Небольсинъ, Оч. быта калмык. 76

Digitized by Google

вини (+1283) говоритъ: «Дѣвушки у Славянъ ходятъ съ непокрытою головою, такъ что всякій можетъ ихъ видѣть; кто чувствуетъ наклонность къ какой нибудь изъ нихъ, тотъ набрасываетъ ей покрывало на голову, и она безпрекословно становится его женою (1). По словамъ Рейтенфельса, въ Московской области въ XVII ст. женихъ подходилъ къ невѣстѣ тогда, когда на ея голову накидывали покрывало (2). Бопланъ (XVII в.) говоритъ, что молодую послѣ свадьбы повязывали очипкомъ. Въ настоящее время обыкновеніе покрывать голову невѣсты послѣ вѣнчанія или послѣ свадьбы совершается во всей Россіи, у Болгаръ (3), Черногорцевъ (4), Поляковъ (5) и у друг. славянскихъ народовъ. Цвѣтъ головнаго покрывала невѣсты у Болгаръ красный, иногда розовый или бѣлый (6); у буковинскихъ Малоруссовъ покрывало «черлене» (7).

Покрываніе головы невѣсты бываетъ послѣ вѣнчанія въ церкви или на церковной паперти, или въ домѣ священника, или въ домѣ отца невѣсты, или въ питейномъ заведеніи. Покрываетъ молодую или священникъ (8), или, что гораздо чаще встрѣчается, кто либо изъ ея близкихъ родственниковъ. Въ Перм. г. сваха три раза обноситъ фату по солнцу вокругъ головы невѣсты (9). Въ Себеж. у. Витеб. г. братъ невѣсты, взявъ на голову ея покрывало, идетъ въ поле, кланяется на 4 стороны и потомъ отдаетъ его невѣстѣ (10). Въ малорусскихъ пѣсняхъ завивайло находится на морѣ подъ бѣлымъ камнемъ и достать его можетъ только женихъ (обычный пѣсенный оборотъ) (11). Въ народныхъ пѣсняхъ покрывало невѣсты имѣетъ роковое значеніе:

---

1) Макушевъ, Сказ. иностр. 23; Его же, Задун и Адріант. Слав. 141
2) Рейтенфельсъ, „Ж. М. Н. Пр.“ 1839 XXIII 52
3) Чолаковъ, 83; Верковичъ 26; „Москвит.“ 1845 VI 172
4) „Вѣст. Евр.“ 1879 IX 172; Макушовъ, Зад. и Адр. Слав. 22
5) Kolberg, Lud VI 53; Wojcicki Pies ludu II 77
6) Чолаковъ, 83; Верковичъ 26; „Москвит.“ 1845 VI 172
7) Зап. Ю. З. О. Г. Общ. II 491.
8) Терещ., Б. Р. н. II 534
9) Пермск. сб. II 100
10) Вѣст. Геогр. Общ. 1853 VIII 44
11) Nowosielski, Lud ukr I 221

Digitized by Google

Въ малорусской пѣснѣ:

Та не вітер ёго не звіе,
Ні сонце ёго не зпале,
Ні дрібен дощик не зможе,
Молодая Маруся износе [1].

Въ латышской пѣснѣ:

Ахъ, Боже мой, что за снѣгъ!
У сестры голова покрылась снѣгомъ;
Онъ не таетъ ни на солнышкѣ,
Ни въ теплой избѣ (2).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши замужняя женщина никогда не носитъ своего свадебнаго покрывала, а сохраняетъ его въ сундукѣ на смерть [3].

Что касается до обыкновенія закрывать платкомъ лицо во время свадьбы, то нужно различать два способа закрыванія: первый способъ, когда скрывается только часть лица, лобъ, виски и немного щеки, и второй способъ, когда лицо вполнѣ завѣшивается. Неполное закрытіе лица свойственно, по преимуществу, индоевропейскимъ народамъ, полное народамъ тюркомонгольскимъ. У древнихъ Грековъ (4), западныхъ Славянъ и Малороссовъ лицо невѣсты или совсѣмъ не закрывается или закрывается только отчасти, у Болгаръ (5) и Великороссовъ съ Бѣлоруссами включительно въ большинствѣ случаевъ лицо невѣсты закрывается вполнѣ [6].

Широкое распространеніе обычая покрывать голову невѣсты по снятіи вѣнка женскимъ покрываломъ у разныхъ народовъ древности и настоящаго времени говоритъ за чисто языческое происхожденіе обычая. До IV ст. христіане избѣгали вѣнковъ и покрываловъ, по причинѣ ихъ широкаго распространенія въ язычествѣ. Первоначально покрывало было принято христіанами для одной невѣсты;

---

1) Метлинск, 208: Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II 491
2) Спрогисъ. Пам. лат. нар. тв. 208
3) Kolberg, Lud VI 86
4) Seemann. Kunsthistor Bilderbogen № 191.
5) „Москвит.“ 1845 VI 172
6) Этногр. сб. III 23; „Библ. д. чт.“ 1848 XC 45; Вѣст. Геогр. Общ. 1858 VIII 42

Digitized by Google

невѣста подходила къ алтарю съ надѣтымъ на лицо покрываломъ. Впослѣдствіи вошло въобыкновеніе покрывать въ церкви обоихъ молодыхъ. Христіанскій писатель V в., Павлинъ, еп. Нолянскій, говоритъ о возложеніи брачнаго покрывала на молодыхъ священникомъ въ церкви во время вѣнчанія (1). Древне-христіанскій обычай покрывать молодыхъ въ церкви покрываломъ сохранился въ Швеціи, Силезіи (2) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ М. Россіи. Въ М. Россіи или священникъ покрываетъ молодую серпянкою, или во время вѣнчанія родственники молодыхъ держатъ надъ ихъ головами предолговатый кусокъ полотна.

Высказано было нѣсколько различныхъ мнѣній о значеніи обрядового покрыванія головы невѣсты.

Г. Снятковъ полагаетъ, что кика, упоминаемая въ вологодской свадебной пѣснѣ въ значеніи врага дѣвьей красоты,—одна изъ славянскихъ богинь. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ нѣтъ ничего такого, что оправдывало бы и подтверждало мнѣніе г. Сняткова о кикѣ. Г. Снятковъ введенъ былъ въ заблужденіе слѣдующей пѣсней:

Охти мнѣ! Испугалася
Ужт я Кики то бѣлыя:
И стоитъ Кика бѣлая,
Кошелями увѣсилась
И веревками опуталась,
Костылемъ подпирается,
А сама похваляется:
Ужъ я завтра о эту пору,
Пораняя малешонько
Обезчещу дúвью крáсоту (3).

При постоянномъ олицетвореніи дѣвьей красоты въ произведеніяхъ сѣвернаго великорусскаго народнаго творчества нѣтъ ничего необыкновеннаго, что и женскій головной уборъ, свидѣтельствующій о прекращеніи дѣвьей красоты, принялъ образъ живой личности, образъ скупой и хромой старухи.

---

1) „Христ. Чтеніе“ 1880 I. 105—106
2) Augusti, Denkwürdigk IX 327
3) „Филологич. Записки“ 1864 V. 279—280.

Digitized by Google

Росбахъ высказалъ мнѣніе, что красный цвѣтъ римскаго flammeum служилъ символомъ огня, который молодой женщинѣ предстояло возжигать на домашнемъ очагѣ [1], мнѣніе, обнаруживающее значительную искусственность и натянутость. Принять его затруднительно потому, что для этого въ самомъ свадебномъ ритуалѣ нѣтъ данныхъ.

Аѳанасьевъ указалъ на встрѣчающуюся въ заговорахъ фату, принадлежащую зарѣ. Въ фатѣ заговоровъ Аѳанасьевъ видитъ розовую кровавую пелену, которую богиня Заря вышиваетъ по небу утромъ и вечеромъ (2). Трудно привести какія либо данныя, которыя оправдывали бы приложеніе этого мнѣнія къ объясненію значенія свадебнаго покрывала.

Свадебное покрывало молодой знаменуетъ весенній облачный покровъ, облегающій время отъ времени землю и дождящій на нее благотворной влагой. Русскому слову фата соотвѣтствуетъ санскр. patta—верхняя одежда, отъ корня pat—induere, circumdare, греч. πάτος-одѣяніе Геры, готск. paida, др.-верх.-нѣм. pheit, ср.-верх.-нѣм. phait-платье (3). Въ древней Греціи покрывало послѣ свадьбы молодая посвящала Герѣ (4). У Римлянъ обрядъ покрыванія невѣсты назывался nubere, obnubere,—прямое указаніе на nubes—облако, какъ покрывало земли (5). Въ польской свадебной пѣснѣ, которую поютъ во время очепинъ, ясно сказалось основное значеніе обряда:

Przykryło się niebo obłokami.
Przykryła się Marysia rąbkami (6).

Музыка и танцы.

Было высказано мнѣніе, что въ старинное время, до половины, XVII ст., во время свадьбы не играла музыка и не танцовали (7) мнѣніе вполнѣ неосновательное и прямо противорѣчащее всему скла-

1) Rossbach, Die röm. Ehe. 284
2) Аѳанасьевъ, „Филол. Зап.“ 1864. I—II. 12.
3) Pictet, Les orig. II 297
4) Schoemann, Griech. Alterth. II. 496
5) Rossbach, Die röm Ehe. 279
6) Wojcicki, Piesni ludu II 77
7) Терещ., Б. Р. н. II 107

Digitized by Google

ду древней народной жизни и міросозерцанія. Намъ пришлось встрѣтить только два указанія на отсутствіе музыки и танцовъ въ землѣ Кашубовъ (1) и въ Тульск. г. (2). Указанія эти имѣютъ случайный характеръ и, вѣроятно, возникли въ силу того обстоятельства, что записыватели попали на свадьбу или очень бѣдной семьи, или, что гораздо вѣроятнѣе, на свадьбу, совершавшуюся въ исключительной обстановкѣ, временно исключавшей музыку и танцы.

Лукіанъ высказалъ глубоко основательное замѣчаніе, что танецъ начался съ началомъ міра. Танцовать научили сокровенныя движенія человѣческаго сердца и явленія внѣшней природы, какъ то движеніе небесныхъ свѣтилъ, приливъ и отливъ моря и проч. т. п. Въ древности танцы входили въ кругъ религіозныхъ церемоній. Давидъ совершалъ религіозную пляску передъ ковчегомъ завѣта. Въ Талмудѣ говорится о мистической пляскѣ Бога и Евы въ раю [3]. На греческихъ элевзиніяхъ присутствующіе танцовали, имѣя въ рукахъ факелы. Дервиши въ религіозныхъ церемоніяхъ предаются неистовой пляскѣ; буддійскіе монахи—также. Въ древнемъ мексиканскомъ городѣ Теотиваканѣ благороднѣйшіе Толтеки во время большихъ жертвоприношеній въ честь Ксіутевктли (солнечный богъ) плясали вокругъ жертвеннаго огня, причемъ всегда лицомъ къ огню. Древніе Нѣмцы совершали религіозный танецъ вокругъ весенней фіалки, въ первый разъ увидѣнной (4). Въ названіи германской богини земли Нерты скрывается темный намекъ на ея танецъ, такъ какъ въ санскр. nṛtu означаетъ танцовщицу, отъ корня nart, nṛt—танцовать (5). Въ Ригъ—Ведѣ заря Uśas сравнивается съ танцовщицей, надѣвающей наряды. Родственнымъ зарѣ Асвинамъ, прекраснымъ юношамъ, украшеннымъ золотомъ и гирляндами лотуса дается эпитетъ плясуновъ, nṛtu (6)

Музыка и танцы были свойственны свадьбѣ древнихъ Индусовъ [7], Грековъ [8] и Ацтековъ (9). Религіозный танецъ былъ въ большомъ

1) Этногр. Сб. V 61
2) „Москвит.“ 1853 XIV 105
3) Nowosielski, Lud ukr. I 97
4) Mülhause, Die Urrelig. d. d. Volkes. 55—57
5) Pictet, Les origines indoevropeennes II 666
6) Вс. Миллеръ, Аçв.—Dioск. 240
7) Weber, Jnd Stud V 295
8) Rossbach, 121; Страшкевичъ, 33; Вестфаль, „Рус. Вѣст.“ 1879 IX 124
9) Klemm, Allgem. Kulturgesch. V 34

Digitized by Google

ходу у Славянъ и до сихъ поръ сохранился въ богатыхъ всякаго рода стариной свадебныхъ обрядахъ. Въ былинахъ о Добрынѣ сохранилось свидѣтельство о древнихъ свадебныхъ пѣвцахъ и музыкантахъ. Добрыня, узнавъ, что жена его выходитъ за бабьяго пересмѣшника Алешу Поповича, прискакалъ въ Кіевъ, переодѣлся, по однимъ варіантамъ въ каличье платье, по другимъ, болѣе многочисленнымъ варіантамъ, въ скоморошеское платье, взялъ гусли и явился на свадьбу Алеши, растолкавъ приворотныхъ сторожей:

«Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?»
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Что ваше мѣсто скоморошское
На той на печкѣ на муравленой,
На муравленой печкѣ—на запечкѣ.
Онъ скочилъ скоро на мѣсто, на показанно,
На тую на печку на муравлену,
Натягивалъ тетивочки шелковыя,
Ня тыя струночки золоченыя,
Учелъ по стрункамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поважывать,
Играетъ то онъ въ Цари-гради,
А на выигрышь беретъ все въ Кіевѣ.
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго,
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули (1).

По свидѣтельству Боплана, въ М. Россіи въ XVII ст. впереди невѣсты, отправлявшейся въ церковь вѣнчаться, шли два музыканта, съ дудкою и скрипкою [2].

Въ настоящее время музыка и танцы составляютъ необходимую принадлежность свадьбы сербской (3), болгарской (4), польской (5], чешской (6], сербо-лужицкой (7), малорусской (8), великорусской и

1) Корѣевскій. Пѣсни II 8, 13, 16. 36—37
2) Бопланъ, Опис. Укр. 74
3) Гласник., 1867. V. 132; Kanitz, Serbien. 531.
4) Верковичъ, Оп. б. Болг. 10.
5) Kolberg, Lud VI. 14; XI 84, 89, 180; Wojcicki, Pies. ludu II. 48; Нар. Рос. I. 72.
6) Erben, Prost. ces. pis. V. 343.
7) Hauptn. u. Smoler, Volkslied. II 235.
8) Головац., „Чтенія“ 1872. III. 372; Nowos., Lud ukr. I. 233.

Digitized by Google

бѣлорусской (1). У Сербовъ Лужицкихъ женихъ не танцуетъ; за то много танцуетъ невѣста. Въ Минск. губ. «музыка» (скрипачъ) всегда бываетъ изъ родственниковъ жениха. Если случается, что изъ его родныхъ никто не умѣетъ играть на дудѣ и т. п., то все таки названіе «музыки» и вмѣстѣ всѣ почести, сопряженныя съ этою свадебною должностью, предоставляются одному изъ его родственниковъ. Этотъ «музыка» беретъ у кого нибудь скрипку, проводитъ примѣрно разъ другой по ней смычкомъ и передаетъ ее кому нибудь, понимающему дѣло (2).

По современнымъ свадебнымъ пляскамъ можно возстановить древнеславянскую религіозную свадебную пляску. Древнѣйшей формой танца была круговая пляска, хороводъ, коло, хо́рмосъ. Русскій хороводъ и спартанскій хо́рмосъ одинаково выражаютъ два начала жизни, начало активное и начало пассивное, въ ихъ міровомъ круговращательномъ движеніи. Свадебные танцы въ древнѣйшемъ своемъ видѣ, сохранившемся отчасти до сихъ поръ въ круговращательномъ движеніи вокругъ квашни, стола, дерева, молодыхъ или свадебнаго поѣзда, состояли именно въ хороводахъ.

Въ настоящее время 1) обходятъ вокругъ квашни въ В., М. и Б. Россіи, въ Польшѣ (3), 2) вокругъ повозки жениха, невѣсты или всего свадебнаго поѣзда во многихъ мѣстахъ В. и М. Россіи, 3) вокругъ всей деревни въ М. Россіи и въ Шотландіи [4], 4) вокругъ избы у Сербовъ и Болгаръ [5]; у Бедуиновъ Аравіи невѣста 3 раза обходитъ вокругъ палатки жениха (6); 5) дѣлаютъ троекратный обходъ кругомъ въ самой избѣ, съ кореваемъ въ рукахъ, въ западной Россіи (7); 6) невѣсту въ Б. Россіи и у древнихъ Дитмарзовъ три раза окручивали передъ дверьми избы новобрачнаго (8). Въ Украинѣ на свадьбахъ въ брачную ночь, когда молодые находятся въ

---

1) Этногр. Сб. V. 41, 61; Вѣст. Геогр. Общ. 1852. VIII. 37 и др.
2) Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. 23.
3) Тр. Э. С. Э. въ З. р. ср. IV. 107: Этногр. Сб. V. 50.
4) Liebrecht, Zur Volkskunde 361.
5) Гласник, 1870. XI. 211; Верковичъ, Оп. б. Болг. 14.
6) Klemm, Allgem. Kulturgesch. IV. 148.
7) Крачковскій, 45.
8) Носовичъ, 143; Klemm, Die Frauen II. 168.

Digitized by Google

опочивальнѣ, дружко съ хмѣльнымъ причетомъ своимъ и музыкою шумно ведетъ въ селѣ «корогодъ» (хороводъ) (1).

Круговращательное движеніе, кромѣ свадебъ, соблюдается во многихъ другихъ случаяхъ: въ весенніе и лѣтніе праздники, въ особенности наканунѣ Ивана Купала, во время родинъ и крестинъ, во время эпидемическихъ болѣзней, при выгонѣ скота въ поле, при покупкѣ коровы (три раза обводятъ ее вокругъ столба по солнцу), во время гаданій.

Что касается до того обстоятельства, что круговращеніе почти всегда совершается троекратно, то здѣсь сказалось сложившееся подъ христіанскимъ вліяніемъ уваженіе къ цифрѣ 3, какъ цифрѣ священной. Во времена язычества круговое движеніе или вовсе не ограничивалось опредѣленнымъ числомъ вращеній или ограничивалось въ силу тѣхъ или другихъ свойственныхъ языческой древности соображеній четомъ или нечетомъ.

Религіозный характеръ свадебныхъ танцевъ сказался въ 1] въ встрѣчающихся часто круговращательныхъ движеніяхъ, во 2] въ крайнемъ увлеченіи танцующихъ. Въ Чердыни, въ то время какъ уложатъ молодыхъ спать, мужчины и женщины предаются неистовому веселью и пляскѣ; женщины срываютъ съ головы платки, шамшуры и, распустивши волосы по плечамъ, кружатся, пляшутъ и поютъ сладострастныя пѣсни (2). Сладострастность до нѣкоторой степени могла вызываться мыслью о присутствіи на свадьбѣ страстно любящаго и похотливаго въ дѣлахъ любви солнца. Въ бѣлорусской колядкѣ.

Пріѣхала Коледа на сивомъ конику,
Поставила коника у одринцѣ,
Сама сѣла на куцѣ у перинцѣ,
Поставила дудочку на стовпѣ:
Грайте дудочки голосно,
Скачце дзѣвочки хорошо (3).

---

1) Максимовичъ, Собр. соч. II. 474.
2) Пермск. Сб. I. 93.
3) Носовичъ, Б. п. „З. Г. О. по О. Этн.“ 1873. V. 75.

Digitized by Google

въ 3] въ соблюдаемомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши обыкновеніи женщинъ танцовать, при покрываніи головы невѣсты, вокругъ послѣдней съ свѣчами въ рукахъ (1). Въ данномъ случаѣ невѣста выражаетъ въ своемъ лицѣ само солнце, которое привѣтствуютъ зажженными свѣтильниками. Въ Германіи во время свадьбы кладутъ старое колесо передъ домомъ или на холмѣ и вокругъ колеса пляшутъ (2). Здѣсь колесо, вещественный образъ солнца, замѣняетъ невѣсту, антропоморфическій солнечный образъ.

Въ старинныхъ славянскихъ свадьбахъ были особые руководители музыки и танцевъ, мастера играть въ гусли, на дуду и отплясывать, такъ называемые *скоморохи*. Въ древне-русской жизни скоморохи занимали очень видное мѣсто. Память объ нихъ сохранилась въ древне-русскихъ духовныхъ поученіяхъ и народныхъ стихотвореніяхъ, въ особенности въ былинахъ о Добрынѣ и въ исторической пѣснѣ о гостѣ Терентьищѣ. На свадьбѣ кн. Влад. Андр. Старицкаго 1550 г. встрѣчаются въ числѣ свадебныхъ лицъ «плясицы». Царица, княгини и боярыни заняли на свадьбѣ назначенныя имъ мѣста, а «плясици стали въ сѣняхъ», т. е. ихъ въ самый торжественный залъ не впустили (3). На бѣлорусскихъ свадьбахъ и въ настоящее время встрѣчаются скоморохи (4). На сербскихъ свадьбахъ обязанность увеселять гостей шутками и прибаутками лежитъ на чаушѣ или глумачѣ (5). Есть нѣкоторыя данныя думать, что въ древности скоморохи иногда были сватами. Въ Б. Россіи на заручины сваты являются съ дудой, подъ звуки которой танцуетъ невѣста не вдова (6).

Молитва.

Молитва,-невольное движеніе человѣческаго сердца къ высшему міровому началу, свойственна всѣмъ народамъ, на какой бы ступени культурнаго развитія они не стояли. Образованность народа измѣ-

1) Kolberg, Lud VI. 52; Nowosielski, Lud ukr. l. 224.
2) Kuhn, Märk. Sagen. 362
3) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. III. Доп. 65.
4) Носовичъ, Б. п. 147.
5) Kanitz, Serbien. 531.
6) Этногр. Сб. III. 239.

Digitized by Google

няетъ формы молитвы, предметы, къ которымъ она направляется, но не исключаетъ самой молитвы. Великій народъ древности Греки въ началѣ всякаго дѣла, будь оно велико или мало, важно или незначительно, призывали на помощь боговъ. Утромъ и вечеромъ, въ кругу семейства за обѣденнымъ столомъ и на площади подъ шумъ народнаго собранія они возносили молитвы богамъ. Если глубочайшій умъ древности Сократъ молилъ боговъ лишь о ниспосланіи людямъ добра, предоставляя уже богамъ распредѣлять это добро по нуждѣ каждаго, такъ какъ никому другому, какъ богамъ, знать, что кому можетъ пойти во благо [1], то Греки не сократова ума, люди обыкновенные, стремились обратить благосклонное вниманіе боговъ на мелкія свои житейскія нужды. Во время бракосочетаній обращались въ древней Греціи съ молитвой къ супружеской парѣ, Небу и Землѣ, Урану и Геѣ (2). Въ римскомъ confarreatio произносили certa et solemnia verba, содержаніе которыхъ осталось неизвѣстнымъ (3).

У древнихъ Славянъ молитвы пѣлись. Въ Краледворской рукописи (изслѣдованія Шемберы и Макушева подорвали господствовавшее мнѣніе о глубокой древности Кр. рук.; тѣмъ не менѣе въ ней встрѣчаются отдѣльныя древнія черты) «hlasati milich slow» и просто hlasati означаетъ молиться. Остаткомъ древне-русской свадебной молитвенной пѣсни, слегка подкрашенной христіанскими вліяніями, является слѣдующая свадебная пѣсня Великолуц. у. Псков. г., которую поетъ дружко, взявъ въ руки два ржаныхъ пирожка и похлопывая одинъ о другой:

Благослови меня, Боженька,
Свадебку начать!
Благослови меня
На весело утро!
Подь на помочь
Свадьбу играть,

---

[1]) Xenoph., Memorab. I. 3. 2.
[2]) Schoemann, Griech. Alterth. II. 493.
[3]) Rossbach, Die röm. Ehe. 101.

Digitized by Google

Начинать.
Скуй три намъ
Крѣпко на крѣпко,
Твердо на твердо:
Люди судютъ
Не разсудютъ;
Вѣтромъ вѣетъ,
Не развѣетъ;
Дожжичкомъ мочитъ
Не размочитъ.
Ай далеко въ чистомъ полѣ
Протекала рѣка,
Какъ за той быстрой рѣки
Три Апостола:
Первый Апостолъ
Сама Мать Богородица,
Другой Апостолъ
Воскресенье Свѣтлое,
Третій Апостолъ
Кузьма и Демьянъ;
Яры свѣчи топятся,
Люди Богу молятся (1).

Пѣсня эта съ незначительными варіантами встрѣчается также въ Тверск. и Вятеб. губ. (2).

Древнюю славянскую свадьбу сопровождали обычныя въ старину молитвы—заговоры. Въ свадебныхъ оберегахъ южной Сибири, Пермск. и Арханг. губ. молодыхъ отправляютъ въ восточную сторону, покрываютъ краснымъ солнцемъ и свѣтлымъ мѣсяцемъ, огораживаютъ частыми звѣздами, опоясываютъ зарей [3]. Къ молитвеннымъ пѣснямъ относятся также малорусскія свадебныя пѣсни:

Марисю матинька родила,
Місяцем городила.

1) Шейнъ, В. п. 546
2) Шейнъ, Б. п. 297; Этногр. Сб. I 257
3) „Библ. для Чт.“ 1848 XC 42; Пермск. Сб. II 107; Тр. Э. О. Ос, Люб. Естеств. V отд. II 149; „Бесѣда“ 1872 VI 113

Digitized by Google

Соненьком вперезала,
На село виправляла (1).

Ой карно ся, карно,
З перед молодим хмарно:
Просвѣти Господи, ясно,
В перед молодих красно! (2).

Молитвы пѣло все собраніе или избранный старѣйшій; значеніе послѣдняго на малорусскихъ свадьбахъ имѣетъ дружко жениха, на великорусскихъ-знахарь, бывающій обыкновенно и дружкомъ. Знахарь въ великорусской свадьбѣ первый гость; «его зовутъ на пирушку прежде всѣхъ; ему принадлежитъ первая чарка вина; ему пекутъ первый пирогъ; ему отсылаютъ первые подарки; его всѣ боятся, при немъ всѣ спокойны.... Знахарь осматриваетъ всѣ углы, притолки, пороги, читаетъ наговоры, поитъ наговорною водою, дуетъ на скатерти, вертитъ кругомъ столъ, обметаетъ потолокъ, оскабливаетъ вереи, кидаетъ ключъ подъ порогъ, выгонаетъ черныхъ собакъ со двора, осматриваетъ метлы, сжигаетъ голики, окуриваетъ баню, пересчитываетъ плиты въ печи, сбрызгиваетъ кушанья, вяжетъ спальные снопы» (3).

Во время свадебныхъ молитвенныхъ обращеній къ богамъ

а) поднимались и опускались, на что есть указанія въ псковскихъ свадебныхъ обрядахъ (4);

б) клали на молодыхъ правую руку, на что есть указаніе въ чешско—словацкой свадьбѣ (5);

в) обращались въ правую сторону, на что есть многочисленныя указанія въ греческихъ, римскихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ свадебныхъ обрядахъ (6). Пикте предпочтеніе правой стороны объясняетъ физическимъ превосходствомъ правой руки надъ лѣвой (7). Аѳанасьевъ

---

1) „Основа“ 1862 IV 11
2) Головацкій, „Чтенія“ 1872 IV 404
3) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. I. 152.
4) Шейнъ, Великор. п. 537
5) Kulda, Swadba 45
6) Pictet, Les orig., II 500, Rossb., Die röm Ehe 316; Wuttke, Volksaberg l. 349; Rajaesich, Das Leb. d. Südsl 146
7) Pictet, Les orig II 485

Digitized by Google

уваженіе къ правой сторонѣ объясняетъ положеніемъ древняго человѣка во время молитвы. Обратившись лицомъ къ востоку, онъ по правую сторону имѣлъ югъ,—область свѣта и тепла, а по лѣвую сѣверъ,—область мрака и холода (1).

Свадебныя религіозныя пѣсни

близко стоятъ къ молитвамъ; онѣ имѣютъ отъ послѣднихъ то существенное отличіе, что не заключаютъ въ себѣ просьбы, обращенной къ божеству, не имѣютъ прямой утилитарной цѣли. Въ нихъ воспѣвается бракъ небесный, какъ священный прототипъ брака человѣческаго.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ дѣвичникъ имѣетъ мѣсто не на землѣ, а на таинственныхъ пространствахъ святой горы (2). Въ бѣлорусской пѣснѣ говорится о коморочкѣ между горъ, гдѣ свѣтитъ ясная звѣздочка (3). Въ великорус. пѣснѣ Арханг. г. на горѣ высокой и красивой стоитъ храмъ бѣлокаменный (4).

Въ малорусской поэзіи встрѣчаются два существа солярнаго происхожденія, мужеское Иванъ и женское Татьяна или Марья, вѣщая дѣва, отгадывающая семь загадокъ.

Ой за гаемъ, за Дунаем,
Там Ивасю конем грае,
З під Ивасьця сідло сяе....
Ой за гаем, за Дунаем,
Там Титяна купалася,
На берегу сушилася,
На три шляшки дивилася... (5).

Въ прямомъ родствѣ съ этой свадебною пѣснею стоитъ слѣдующая также свадебная пѣсня:

А въ неділеньку рано
Море се разъярало,
Соненько ся купало;

---

1) Аѳанас., Поэт. воззр. Сл. на пр. I
2) Nowosielski, Lud. ukr. I 192
3) Шейнъ, Б. п. 358
4) „Москвитян." 1853 XIV 97
5) „Труды Кіевск. Духовн. Акад." 1871 IX 341

Digitized by Google

Тамъ Марися воду брала,
А беручи потопала [1],

Съ этой пѣснею, по единству основнаго миѳологическаго содержанія, сближается слѣдующая псковская свадебная пѣсня:

Въ Окіянѣ городѣ трое новыя вороты,
Къ тѣмъ ко воротичкамъ приходила дѣвица,
Приходила дѣвица Авдотья Ивановна:
Сторожа ль вы, сторожа, сторожа молодые!
Проиустите меня дѣвицу къ Окіяну городу,
Къ Окіяну городу, за лѣса дремучіе,
За лѣса дремучіе, да къ Акаю мѣсяцу,
Къ Акаю мѣсяцу, да къ орлу подъ крылышко,
У орла подъ крылышкомъ душа красная дѣвица (2).

Въ сѣверной Россіи въ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчаются весьма замѣчательные сказочные мотивы; напр., въ Волог. г. невѣста проситъ подругу бросить банный вѣникъ на сѣверъ, чтобы выросла непросвѣтная чаща, черезъ которую чужъ-чуженинъ женихъ не могъ бы проѣхать. Но хитрый чуженинъ имѣетъ братьевъ кузнецовъ; они выкуютъ ему топоры, и онъ просѣчетъ чащу (3). Въ свадебной пѣснѣ красная дѣвица живетъ за 12 замками, и ее охраняютъ 10 богатырей. Спала она такъ крѣпко, что отецъ ее не могъ разбудить; но пришелъ суженый, поломалъ замки, разбросалъ сторожей и разбудилъ красавицу (4).

Глубокой древностью отзываются свадебныя пѣсни объ оленѣ, соколѣ, павѣ и щукѣ рыбѣ.

Свадебныя пѣсни о бѣломъ оленѣ встрѣчаются въ губ. Курской, Пермск. и Тульск. и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ М. Россіи. Въ Тульск. г.:

Не разливайся, мой милый Дунай,
Не выливай ручья въ чистомъ полѣ!
Въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Въ той ли травушкѣ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога

---

1) Труды Эт. Ст. Эксп. въ З р. кр. IV 168
2) Шейнъ, В. н. 523
3) „Москвитян.“ 1841 VI 482
4) „Москвитян.“ 1853 XIII 21

Digitized by Google

Мимо тутъ ѣхалъ NN,
Стегнулъ оленюшку плеточкою.
Что ему возговоритъ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
Не стегай ты меня плеточкою,
Не въ кое время пригожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
Весь дворъ освѣчу, гостей твоихъ взвеселю [1],

Въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ мѣсто оленя золотые рога занимаетъ соколъ; такъ, въ бѣлорусской волочебной пѣснѣ:

А на мори-мори, а на синянькимъ,
А тамъ ляжаў а бѣлы камянь,
А на камяни соколъ сядзіть,
А гдзѣ ўзяўся сличны паничикъ,
Хоча того сокола застрѣлити.
Іонъ жа ў яго да просится:
Не бій мяне, не стряляй мяне,
Буду я табѣ вяликой одходя,
Будяшь брати собѣ панну за морямъ,
А за морями, за водами,—
Я жъ твое кони оўсамъ пяряманю,
Я твое соколы свистомъ пярясвищу,
Тябе молодого на правымъ крыльцу,
Твою панну на лѣвымъ,—васъ обоихъ пярянясу.
А на твоё да на подворья;
А твои батюшка разгнѣваўся,—
Буду яго сличнѣ я просити,
Крыльцами подворья замятати,
Вочками святёлку освятити,
Голосочкомъ батюшку развязялю.

---

[1]) Шейнъ, В. п. 448—449; Пермск. Сб. I 29; Этногр. Об. V 40—41

Digitized by Google

Въ другой бѣлорусской волочебной пѣснѣ соколъ обѣщаетъ перевести жениха и его сватовъ черезъ быстрыя рѣки на раскрашенной лодочкѣ съ золотыми весельцами; за рѣками живетъ «слична панѣнька, крулёва найяснѣйшая» (1). Въ свадебной пѣснѣ Чебокс. у. Каз. г., во время обряживанья свиной головы, дѣвушки поютъ пѣсню о соколѣ, прилетѣвшемъ въ домъ невѣсты и сѣвшемъ «на окошечко касящатое, на причелинку серебреную, на другую позолоченую» (2). Въ галицкой гаевкѣ «Соколонько» соколъ изъ своего терема выноситъ дѣвушкамъ и парубкамъ красоту. Соколъ свадебныхъ пѣсенъ есть зооморфическій образъ солнца и, позднѣе, символъ жениха.

Соколъ не вылѣци
Красно соунце на выкаци,
Андрейка на выѣадзи [3].

По индусскому миѳу, Агни, одинъ изъ боговъ, дающихъ человѣку жену, представлялся соколомъ (4).

Въ пѣсняхъ часто невѣста уподобляется павѣ. Въ колядкахъ пава обладаетъ золотыми перьями, такъ что, вѣроятно, и въ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о близости невѣсты къ извѣстному зооморфическому образу солнца.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ:

Гримнула щука—рибойка на морі,
Приплило золото и серебро до берега,
Дружбовому коничкові до чела.
Щоби ся світил, як ясная зоря,
Ой щоб він з дороженькі не зблудил,
Щоб він кралиної сорочки не згубил (5).

А в віру, вірочку,
На жовтім пісочку

---

1) Безсоновъ, Бѣлор. п. I. 11, 12
2) „Казанск. унив. изв.“ 1877 II 412
3) Шейнъ, Б. п. 472
4) Потебня, „Древности“. Тр. М. Арх. Об. 1868 I 255
5) Тр. Э. С. Э. въ 3 р. кр. IV 184; Головацкій, „Чтенія“ 1872 II 224

Digitized by Google

Шука риба гра,
Золоте перо втеря.... (1).

Къ солнечному культу относятся, между прочимъ, начала свадебныхъ пѣсенъ, подобныя слѣдующему:

Далече, далече, въ темномъ лѣсѣ,
Высоко, высоко, на дубѣ
Голубъ голубку цѣлуетъ.... (2).

Загадки на свадьбахъ встрѣчаются очень рѣдко. Трудно сказать играли ли онѣ въ древне-славянской свадьбѣ извѣстную роль или впослѣдствіи введены въ свадьбу, для ея разнообразія, вѣроятнѣе первое, такъ какъ въ древнее время разностороннія проявленія миѳическаго міросозерцанія перемѣшивались между собою.

Бытовыя свадебныя пѣсни славянскимъ народовъ обнаруживаютъ иногда большое между собою сходство, объясняемое сходствомъ бытовой обстановки и воззрѣній на природу и людей. Такъ, въ чешскихъ и малорусскихъ пѣсняхъ почти буквально сходны просьбы покойницы матери къ Богу отпустить ее на землю посмотрѣть на свадьбу дочери (3) и описанія достоинствъ замужней женщины (4), Пѣсенное описаніе расплетенія косы молодой и ея прощанія съ родителями весьма сходны у Малороссовъ и Поляковъ (5). Значительное число бытовыхъ пѣсенъ составляетъ общее достояніе В., М. и Б. Россіи; сюда относятся пѣсни о томъ, какъ молодой замужней женщинѣ не хочется назвать свекра батюшкой, а свекровь матушкой, пѣсни сироты невѣсты и др. Особенно обширнымъ распространеніемъ пользуется пѣсня:

Много, много у сыра дуба
Много вѣтвей и повѣтей,
Много листу зеленаго.
Только нѣтъ у сыра дуба,
Золотой нѣтъ вершиночки,
Позолоченой маковки....

1) Мотлинск., 136
2) Этногр. Сб. I 226
3) Časop. čes. Mus. 1859 I 100
4) Erben, Prost. čes. pis. IV 301
5) Kolberg, Lud III 297, 266, 287

Digitized by Google

Далѣе слѣдуетъ сравненіе съ невѣстой, у которой много родныхъ, нѣтъ только роднаго отца. Пѣсню эту поютъ въ губ. Олонец., Арханг., Курск., Новгор., Рязанск., Владим., Псковск. (1). Дубъ замѣняется ёлью («ужъ ты ель, моя елушка, зеленая сосёнушка! Всѣ ли на тебѣ сучки, вѣточки»? и пр.) въ губ. Калуж. и Тульской (2). яблоней [яблонька, яблонька, ты кудрявая! Всѣ ли на тебѣ яблонькѣ вѣтьви, вѣточки? и пр.] въ Симб. г. (3). Пѣсня эта распространена во всей М. Россіи. Здѣсь наиболѣе часто встрѣчается ея начало:

Зеленая та дибрівонько,
Чого в тебе та піньків много,
Зеленаго пі ідного?

Далѣе обычный вопросъ, почему родныхъ у невѣсты много, а отца нѣтъ (4). Размѣръ пѣсни въ варіантахъ неправильный и колеблется между 7—12 слогами; шестисложная строка имѣетъ иногда десятисложную и за десятисложной слѣдуетъ двѣнадцатисложная, за ней восьмисложная (5). Пѣсня подходитъ къ типу девятисложныхъ чистыхъ или смѣшанныхъ съ восьмосложными. Только во владимірскомъ варіантѣ во всѣхъ строкахъ строго выдержанъ 9-ти сложный размѣръ (6); въ малорусскихъ послѣ двухъ девятисложныхъ обыкновенно слѣдуетъ одна восьмисложная. Такимъ образомъ, происхожденіе и пути распространенія этой пѣсни, какъ и многихъ другихъ, не могутъ быть опредѣлены ни по размѣру, ни по содержанію. Замѣчательно, однако, что великорусскіе варіанты между собою гораздо болѣе сходны, чѣмъ съ малорусскими; въ первыхъ исходнымъ пунктомъ для поэтически творческой мысли является одно дерево, въ послѣднихъ цѣлая роща, причемъ въ послѣднихъ оказывается болѣе простоты и естественности; такъ, въ нихъ не встрѣчается ничего золотаго или позолоченаго. Какъ бы то

1) Терещ. II 210; Тр. Э. О. Об. Люб. Естеств. V II 87; Этн, Сб. V 57 Шейнъ, В. п. 490, 467; Труды Влад. Стат. Камит. 1864 III 31; Семевскій; Опис. Велпколуц. у,
2) Шейнъ, В. п. 451, 457
3) Симбирск. Сборн. II отд. III 5
4) Кіевск. Губ. Вѣд. 1867 № 98
5) Шейнъ, В. п. 451
6) Тр. Вл. Г. Ст. Кам. 1864 III 31

Digitized by Google

ни было, всѣ варіанты хорошо удовлетворяютъ мысль о сиротствѣ невѣсты.

Вильце.

Свадебное вильце—большая вѣтвь, зимою всегда сосновая, а лѣтомъ изъ яблони, груши, вишни или черемухи. Иногда вильце бываетъ изъ палочекъ. Вильце дѣлаютъ обыкновенно дѣвушки, очень рѣдко парубки [1]. Вильце втыкаютъ въ хлѣбъ и каждую вѣточку украшаютъ не большими букетами изъ калины, овса, барвинка, георгинъ и др. цвѣтовъ, перевязавъ ихъ нитками, шелкомъ или лентами. Къ вѣткамъ прикрѣпляютъ небольшія зажженыя восковыя свѣчи. Между вѣтвями вильца кладутъ горсть ржи. Вильце помѣщается почти всегда на концѣ стола, противоположномъ красному углу, и стоитъ въ теченіе всей свадьбы. Въ потолокъ вбиваютъ иногда гвоздь, къ которому шнуркомъ привязываютъ верхушку вильца для того, чтобы оно не упало, когда навѣсятъ на него цвѣты [2]. Вильце распространено по всей М. Россіи. Въ Галиціи по Збручу вильце носитъ названіе «різка» [3]. Г. Ящуржинскій говоритъ, что въ великорусскихъ свадьбахъ не встрѣчается обычая вить вильце (4). Обычай вить вильце—обычай общеславянскій; встрѣчается онъ и въ В. Россіи, хотя подъ другими названіями. Въ Моложск. у. Яросл. г., когда дѣвушки идутъ къ невѣстѣ на дѣвичникъ, одна изъ нихъ впереди несетъ елку, искусно убранную цвѣтами и лентами, называемую «дѣвья красота». Вошедши въ комнату, елку ставятъ въ горшокъ и на верху прикрѣпляютъ зажженную свѣчу (5). Вички, которыми въ Пермск. г. украшаютъ баню, когда въ ней моется невѣста, напоминаютъ и по названію, и по формѣ, и по времени ихъ обрядоваго употребленія малорусское вильце (6). Въ Чехіи передъ молодыми ставятъ небольшую украшенную лентами вѣтку, stromek rágski, вокругъ которой молодые и гости танцуютъ (7). У Куяв-

[1]) Nowosielski, Lud ukr. I. 190.
[2]) Труды Э. С. Э. въ З. р. кр. IV. 99.
[3]) „Основа“ 1868. IV. 26.
[4]) „Рус. Филол. Вѣстникъ“ 1880 I. 76.
[5]) Этногр. Сб. I. 146, 148; „Москвит.“ 1842. IV. 454.
[6]) Пермск, Сб. I. 41.
[7]) Sumlork, Staroč. obyč l 477; II. 106: Erben, Prost. čes. pis. IV. 316.

Digitized by Google

лянъ передъ невѣстой въ день свадьбы ставятъ Jabłonkę, т. е. терновую вѣтку, украшенную орѣхами, пряниками, яблоками [1].

У свадебнаго вильца есть много родственниковъ: 1) великорусская «кукушка»,—рябиновая вѣтка, украшенная цвѣтами и лентами, которую въ Вознесенье передъ обѣдней дѣвушки ставятъ въ святой уголъ, а послѣ обѣдни несутъ въ лѣсъ и крестятъ, т. е. обращаются къ ней съ словами, какъ къ кукушкѣ и цѣлуются между собой [2]; 2) украинскій игорный «дубъ»,—длинная жердь съ прикрѣпленнымъ наверху колесомъ, жердь, устроиваемая на Троицкой недѣлѣ, причемъ ее украшаютъ травой и цвѣтами [3]; 3) майское деревцо, встрѣчающееся въ германскихъ [4], славянскихъ [5] и италіанскихъ странахъ [6], деревцо, на которое кладутъ вѣнокъ и вокругъ котораго танцуютъ; 4) поставляемое въ Болгаріи наканунѣ новаго года въ мѣдникъ грушевое дерево, вокругъ котораго пляшутъ, поютъ пѣсни и гадаютъ [7]; 5) въ связи съ обычаемъ вить вильце стоитъ бывшее нѣкогда въ Сербіи обыкновеніе носить передъ свадьбою масличную вѣтвь [8] и 6) болгарское обыкновеніе водить молодую послѣ свадьбы подъ дерево, гдѣ мальчики снимаютъ съ нея покрывало, которое вѣшается на деревѣ и присутствующіе начинаютъ вокругъ него танцы [9].

Напрасно г. Ящуржинскій думаетъ, что «вильце изображаетъ собою хоругвь, подъ которую собиралась дружина во главѣ (?) своего молодаго предводителя для похищенія ему подруги жизни» и указываетъ такимъ образомъ «на то отдаленное время, когда существовало еще похищеніе невѣсты. Между вильцемъ и хоругвью нѣтъ ничего общаго; онѣ на свадьбахъ употребляются въ разное время, съ соблюденіемъ совершенно различныхъ обрядовъ и никогда не замѣняютъ другъ друга. Также неосновательно мнѣніе г. Ящуржин-

[1] Kolberg, Lud, III 356
[2] Этногр. Сб. V 103
[3] Максимовичъ, Собр. соч. II 506—509
[4] Grimm. Deutsche Myth 51
[5] Novosielski. Lud ukr, I 142; Sumlork. Staroč, obyč. 370, 373
[6] Leibrecht, Zur. Volkskunde 377
[7] Каравеловъ, Памят. I. 170
[8] Буслаевъ, Эпич. поэзія 50
[9] Народы Россіи III 245

Digitized by Google

скаго, что «болѣе новое значеніе то, по которому дѣйствіе «вить вильце» даетъ напоминаніе о томъ, что невѣста собирается свить себѣ новое гнѣздо—новое семейство». Такое пониманіе вильца чуждо народу. Въ настоящее время въ глазахъ народа вильце есть только «символическое изображеніе дѣвичьей красоты» (1).

Свадебное вильце—древо жизни. Въ немъ таинственно слилась мысль о помолодѣвшей и зазеленѣвшей природѣ съ мыслью о молодыхъ. Вильце въ наиболѣе обширномъ своемъ значеніи является образомъ того тонкаго и высокаго дерева малорусскихъ колядокъ, на кудрявой вершинѣ котораго сидитъ сѣрый соколъ и далеко смотритъ въ чистое поле, гдѣ оретъ плужокъ (2). Изъ этого чудеснаго дерева строятъ церковь (3). Въ малорусской колядкѣ:

Над морем глибоким
Стояв явір високий,
Грай, море, радуйся, земле,
Вік до віку!
А на тім яворі сиз орел сидить;
Сиз орел сидить, да в воду глядить.

Въ великорусской пѣснѣ Сарат. г. на морѣ стоитъ дерево кипарисовое, на которомъ заморскія пташечки поютъ ростовскія пѣсни (4). Въ бѣлорусской купальской пѣснѣ:

У пана Ивана
Посередь двора
Стояла верба
На верби горили свичи,
Съ той вербы
Капля упала:
Озеро стало
Въ озерѣ самъ Богъ купався
Съ дитками, съ дитками (5).

Въ свадебномъ оберегѣ Арханг. г. Холмог. у. на Черномъ морѣ на островѣ выросло дерево съ корнемъ и вѣтвями. На деревѣ сидитъ

1) Ящуржинскій, „Рус. Фил. Вѣст.“ 1880 I 78
2) Головацкій, „Чтенія“ 1866 I 608
3) Терещ., Б. Р. Н. VII. 67
4) Терещ., Б. Р. Н. II 300
5) Бесоновъ, Бѣлор. п. I. 43

Digitized by Google

желѣзный мужъ, который видитъ всѣхъ колдуновъ и вѣдьмъ и можетъ предохранить отъ нихъ (1). Въ сербской пѣснѣ солнцева сестра живетъ въ яворовомъ лѣсу (2). Въ латышской пѣснѣ:

Спи, спи, солнышко,
Въ яблоновомъ саду;
У тебя полны глаза
Яблоновыхъ цвѣтовъ (3).

Соколъ, орелъ, заморскія пташечки, горящія свѣчи, желѣзный мужъ, помѣщающіеся на деревѣ, равно какъ солнцева сестра, живущая въ яворовомъ лѣсу и солнышко, отдыхающее въ яблоновомъ саду—различныя формы представленія обоготвореннаго солнца, взирающаго на міръ съ вершины міроваго дерева, разросшагося въ иныхъ народныхъ миѳахъ въ цѣлый лѣсъ или садъ. Народный миѳъ о міровомъ деревѣ и сидящемъ на его вершинѣ солнцѣ въ зооморфическомъ или антропоморфическомъ видѣ сказалось и въ обрядахъ,—въ украшеніи майскаго деревца сверху вѣнкомъ, въ обыкновеніи Чеховъ прикрѣплять на верху мартовскаго деревца «Lito» куклу, представляющую женщину, украшенную цвѣтами (4), наконецъ, что главное, въ обыкновеніи ставить на верху вильца зажженную свѣчку или, какъ дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, прикрѣплять на верху свадебнаго деревца пѣтуха (5).

Значеніе растительнаго царства въ свадебныхъ обрядахъ.

Древній человѣкъ имѣлъ особый взглядъ на растительное царство; у него деревья цѣнились не столько по ихъ практической пригодности для разныхъ подѣлокъ, для сподручнаго строительнаго матеріала, для топлива или освѣженія, сколько по ихъ отношенію къ нравственному міру человѣка. Предметы царства растительнаго были разсматриваемы, какъ живыя, способныя къ самостоятельной дѣ-

---

1) Тр. Э. О. Об. Люб. Естеств. V отд. II 146
2) Вукъ Караджъ., Срп. нар. пјес. I 158
3) Спрогисъ. Пам. лат. нар. тв. 314
4) Reinsberg—Düringsfeld, Fost—Kalend. aus Böhm 87
5) Mannhardt, Der Baumcultus I. 46

Digitized by Google

ятельности личности. Деревья имѣютъ свое тѣло и свои органы чувства. Раненныя, они такъ же могутъ истекать кровью, такъ же плакать и страдать, какъ человѣкъ. Кора—ихъ кожа, потому сдираніе коры — дѣло нехорошее. Зеленый покровъ — ихъ одежда. Шумъ листьевъ—говоръ. Ростъ дерева и ростъ человѣка въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ обусловливать другъ друга. Дерево является обиталищемъ духа, который можетъ дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи на человѣка; оттого дерево играло не послѣднюю роль въ древнихъ религіозныхъ обрядахъ.

Одухотвореніе дерева сообщило таинственную духовную жизнь лѣсу. Лѣсъ былъ древнѣйшимъ народнымъ святилищемъ [1]. Титмаръ упоминаетъ о святомъ борѣ Балтійскихъ Славянъ. О жертвоприношеніи въ лѣсахъ древними Русскими говорится въ извѣстной колядкѣ о козлѣ и у Константина Порфирогенета (2). Въ Уставѣ св. Владиміра воспрещается молиться въ рощеніи. Кириллъ Туровскій радовался, что «уже бо не нарекутся богомъ ни древеса». Въ житіи кн. Константина Муромскаго говорится о поклоненіи «дуплинамъ древянымъ», которыя обвѣщивали полотенцами (3). Въ «Духовномъ Регламентѣ» запрещается «предъ дубомъ молебны пѣть» (4). Въ Псковскихъ Губ. Вѣд. 1864 г. № 24 находится интересное сообщеніе о поклоненіи соснѣ, извлеченное изъ дѣла, хранящагося въ архивѣ мѣстнаго губернскаго правленія. Въ 1783 г. свящ. Никита Яковлевъ донесъ консисторіи, что въ Зачеренскомъ погостѣ, въ церковной оградѣ, близъ храма, за часовнею лежитъ большая упавшая сосна, которой народъ воздаетъ чрезвычайно отмѣнное почитаніе. Многіе сходятся къ ней на Ильинскую пятницу и приносятъ шерсть, сыръ, мясо и свѣчи; послѣднія прикрѣпляютъ къ соснѣ и зажигаютъ; восковыя капли и гнилушки уносятъ домой, какъ цѣлебныя. Дерево это было уничтожено военной командой.

---

1) Grimm, Deutsch. Myth 57
2) Макушевъ, Сказ. Иностр.
3) Срезневскій, „Финск. Вѣстн.“ 1847 XXI 29
4) Снегиревъ, Рус. прост, празд. IV Доп. 189.

Digitized by Google

Въ древности былъ обычай вѣнчать обведеніемъ вокругъ дерева. «Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли». Добрыня съ волшебницей Мариной «въ чистомъ полѣ женилися, кругъ ракитова куста вѣнчались» [1]. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витеб. г. между раскольниками въ прежнее время существовало обыкновеніе, по которому молодой парень, условившись предварительно съ дѣвушкой, увозилъ ее съ кирмаша (гуляньe въ питейномъ домѣ) въ лѣсъ къ завѣтному дубу, объѣзжалъ его три раза и тѣмъ оканчивалось все вѣнчаніе [2]. Сербскіе отмичары увозятъ дѣвушку въ лѣсъ, и тамъ заранѣе приглашенный попъ вѣнчаетъ чету подъ дубомъ [3]. Въ Суздал. у Влад. г. неподалеку отъ села Вишенокъ есть урочище Свадебки,— шесть старыхъ сосенъ съ правильной круглой площадкой по срединѣ (4). Названіе урочища, м. б., указываетъ, что на немъ совершались нѣкогда бракосочетанія. Свадебная роль отдѣльнаго дерева, дуба или сосны, перешла на весь лѣсъ. Бопланъ говоритъ о древнемъ малорусскомъ обычаѣ похищенную невѣсту на сутки увозить въ лѣсъ, послѣ чего бракъ считался законнымъ. Обычай этотъ сходенъ съ свадебнымъ обычаемъ дикарей Филиппинскихъ острововъ: Родители посылаютъ невѣсту въ лѣсъ за часъ до восхода солнца, и какъ только взойдетъ солнце, женихъ отправляется ее отыскивать. Если онъ ее найдетъ и приведетъ до заката солнца, она становится его женой; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ и нее право (5). У древнихъ Индусовъ одежду невѣсты, послѣ принятія ею очистительныхъ омовеній, относили на палкѣ въ лѣсъ и вѣшали на деревѣ (6).

Римляне дѣлили деревья на счастливыя и несчастныя, arbores felices et infelices (7). Славяне дѣлали подобное же дѣленіе деревьевъ, и въ слѣдующихъ строкахъ рѣчь будетъ о томъ, насколько дѣленіе это сказалось въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ.

---

[1]) Кирѣевскій, Пѣсни II 59
[2]) Терещ., Б. Р. Н. II 28
[3]) Аѳанасьевъ, Поэт воззр.Сл. II 324
[4]) Ежегодникъ, Влад. Губ. Стат. Комит. 1878 II 68
[5]) Лэбокъ, Нач. цивил. 68
[6]) Weber, Ind. Stud. V 384
[7]) Rossbach, Die röm Ehe 339

Digitized by Google

Сосна въ числѣ свадебныхъ деревьевъ занимаетъ самое видное мѣсто. Въ древности сосна была символомъ производительной силы природы. Сосна была посвящена Кибелѣ. Въ римскомъ пантеонѣ передъ изображеніемъ Кибелы стояло вылитое изъ мѣди дерево, изображавшее сосну (1). Богъ брака Гименей представлялся держащимъ въ рукѣ сосновую свѣточь (2). Римскіе поэты называли сосну pronuba pinus. Въ великорус. и малорус. свадебныхъ пѣсняхъ на соснѣ сидитъ орелъ или соколъ, зооморфическій образъ солнца [3]. Въ великор. щедровкѣ Овсень ѣдетъ по мосточку, сложенному изъ зеленой кудрявой сосны (4). Въ познанской польской пѣснѣ:

Przed borem sosna gorzała,
Tam pod nią panna stojała.
Skry na nią padały,
Szaty na niéj gorzały—
Nie dbała (5).

Въ Виленск. г. передъ колядой метлу для выметанія въ печи приготовляютъ изъ хвой сосны, во избѣжаніе громоваго удара [6]. Въ галицкой щедровкѣ панъ господарь рубитъ въ лѣсу сосну съ цѣлью имѣть три выгоды: «яру пчолойку», «жовтий вощочок и солодок медок». При печеніи коровая въ М. Россіи и Галиціи въ печкѣ зажигаютъ съ сосноваго полѣна (7). Въ Чехіи въ повозку невѣсты втыкаютъ сосенку и украшаютъ ее лентами и бѣлыми гусиными перьями (8). Въ Малороссіи вильце бываетъ большею частью сосновое. Г. Костомаровъ думаетъ, что въ свадебныхъ обрядахъ сосна замѣняетъ другое дерево и употребляется зимою на вильце потому, что на вильце требуется зеленое дерево, а она одна въ это время года зеленѣетъ. Г. Костомаровъ склоняется къ мнѣнію,

---

1) Nowosielski, Lud ukr. I 182
2) Тихоновичъ, Бр. и св. обр. у Римл. 42
3) Терещ. Б. Р. Н. VII 121; Тр. Э. С. Э. въ 3 р. кр. III 299
4) Терещ.; Б. Р. Н. VII 122
5) Kolberg, Lud- XI 57
6) Крачковскій, 165
7) Головацкій, „Чтенія“ 1871 IV 12
8) Casop. ces. Mus. 1859 I. 93

Digitized by Google

что сосна замѣняетъ собой калину (1). Мнѣніе это нуждается въ ограниченіи, Въ религіозныхъ представленіяхъ и свадебныхъ обрядахъ индо-европейскихъ народовъ, въ особенности Славянъ, сосна занимаетъ гораздо болѣе выдающееся мѣсто, чѣмъ калина.

Калина изрѣдка въ Б. Россіи замѣняетъ сосну; такъ, ее рубаютъ на загнетъ коровая (2). Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ калина называется несчастнымъ деревомъ (3). Повидимому, въ древнее время на свадьбахъ дерево это не пользовалось уваженіемъ. По причинѣ ярко-краснаго цвѣта своихъ ягодъ, калина въ народной поэзіи сдѣлалась символомъ молодой замужней женщины или символомъ брачной потери невинности (4). Въ сербо-лужицкихъ пѣсняхъ съ калиной сравнивается невѣста (5).

Орѣховое дерево или мѣсчина одно изъ любимыхъ деревьевъ свадебныхъ пѣсенъ. Можно думать, что орѣшникъ и у Славянъ, какъ у древнихъ Германцевъ (6), былъ священнымъ деревомъ. Въ болгарской колядкѣ солнце, побившись объ закладъ съ юнакомъ, кто кого перегонитъ, проситъ юнака подождать его «право пладне, подъ орѣхче столовáто» [7].

Яблоня въ вологодской свадебной пѣснѣ выростаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла невѣста, если только послѣдняя въ замужествѣ счастлива (8). Въ сербской свадебной пѣснѣ передъ дворомъ невѣсты ростетъ яблоня, «сребрно стабло, бисерно лишт'е, мерцан јабуке; по њој попало сиво голубље» (9). Въ польскихъ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста разчесываетъ свою косу въ долинѣ подъ ябленей (10).

Яворъ въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ счастливое дерево; «въ яворовомъ комлѣ (комель—толстый конецъ ствола)—черные бобры, въ серединѣ—райскія пчелки, на вершинѣ—ясные соколы» [11].

1) „Бесѣда“ 1872 VIII. 70
2) Носовичъ, Б. п. 161
3) Этногр Сб. III 202
4) ibId. 276
5) Haupt u. Smoler, Volkslied, II 142
6) Grimm, D. Myth, II 617
7) Безсоновъ Болг. п. II 8
8) Терещ., Б. Р. Н. II 250
9) Вукъ Карадж., Срп. нар. њес. I 60
10) Wojcicki, Hist. literat. polsk. I 98
11) Этногр. Сб. III 202

Digitized by Google

Рябина на свадьбахъ предохраняетъ отъ колдовства. Въ старинное время сваха обходила кругомъ дома, гдѣ устроивалось брачное торжество, и кровать, гдѣ располагалось брачное ложе, съ рябиною въ рукахъ; на рябиновой вѣткѣ нарѣзывались символическіе знаки (1).

Береза въ З. Россіи счастливое дерево; мальчикъ подходитъ къ невѣстѣ съ березовой вѣткой (2). Въ вологодской свадебной пѣснѣ береза—символъ спокойной семейной жизни.

Осина въ вологодскихъ свадебныхъ пѣсняхъ знаменуетъ печальную жизнь молодой [3].

Ленъ въ малорусскихъ пѣсняхъ символъ дѣвичьей красоты (4). Въ Виленской г. на голову невѣсты кладутъ три тесемки льну (5); въ В. и М. Россіи—вплетаютъ въ косу (6) и кладутъ въ башмаки невѣсты. Льняное сѣмя при осыпаніи молодыхъ замѣняетъ иногда хлѣбное зерно.

Барвинокъ на малорусскихъ свадьбахъ самое любимое растеніе. Въ пѣсняхъ барвинокъ—символъ состоянія невѣсты, красоты и невинности [7]. Барвинокъ идетъ на вѣнки; въ Галиціи его пришиваютъ къ угламъ подушки, на которую ставятъ невѣсту при расплетеніи косы [8].

Розмаринъ у западныхъ славянъ, Поляковъ и Чеховъ, играетъ роль барвинка. Подобно барвинку, розмаринъ—символъ дѣвства (9). Въ Чехіи розмаринъ идетъ на вѣнки невѣстѣ и на украшеніе гривы и хвоста свадебныхъ лошадей (10). Особенное распространеніе на западно-славянской свадьбѣ розмаринъ получилъ подъ вліяніемъ Германцевъ, у которыхъ цвѣтокъ этотъ былъ символомъ Гольды. Какъ

---

1) Буслаевъ, О народ. поэз. 32
2) Крачковскій, 54
3) Терещ.. Б. Р. Н. II 250
4) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872 VI 31
5) Вѣстн. Геогр. Общ. 1857 XX 264
6) Метлинск. 208; Этногр. Сб. I 190
7) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872 VI 21; Шейковскій, Опытъ южнорус. словоря I 3
8) Головацкій, „Чтенія“ 1872 III 372
9) Kolberg, Lud VI 55
10) Sumlork, Staroč obyč I 365

Digitized by Google

въ древнее время, такъ и въ настоящее нѣмецкія невѣсты носятъ розмаринъ (1).

Чеснокъ имѣетъ на свадьбахъ значеніе предохранительнаго средства отъ колдовства и болѣзней; въ Б. Россіи его ѣстъ невѣста и ея подруга [2]; въ Галиціи и Угорской Руси вплетаютъ въ вѣнки (3). Галицкіе Поляки наканунѣ Р. Хр. кладутъ передъ ужинающими по головкѣ чесноку «dla odegnania wszelkich chorób» (4). Гуцулы и Подгоряне наканунѣ св. Георгія мажутъ чеснокомъ ободверины и пороги (5]. Болгары во время горешниковъ натираютъ чеснокомъ [и уксусомъ] себѣ тѣло (6];—вездѣ чеснокъ предохранительное средство отъ чародѣйства.

Тыква встрѣчается въ обрядовомъ употребленіи только у Малороссовъ; въ старинное время тыкву выкатывали къ жениху въ знакъ отказа; въ малорусской пѣснѣ: «пишов би я ii сватать, так гарбузом пахне».

Обрядовое употребленіе сѣна и соломы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. Россіи домъ невѣсты устилаютъ сѣномъ или соломой (7). Въ М. Россіи дорогу въ церковь во время свадебнаго поѣзда устилали или посыпали соломой(8). У древнихъ Индусовъ невѣсту сажали на солому (9), обыкновеніе, встрѣчающееся въ настоящее время въ Германіи [10]. Домъ устилаютъ сѣномъ или соломою у Поляковъ наканунѣ Р. Хр., у Сербовъ наканунѣ Новаго года, въ В. и М. Россіи на новоселье [11].

Народъ объясняетъ обычай устилать полъ соломой или сѣномъ на свадьбахъ въ однихъ мѣстахъ (Пермск. г.), желаніемъ избѣгнуть

---

1) Rossbach, Die röm. Ehe, 232
2) Вѣст. Геогр. Общ. 1823 III 31
3) Головац., „Чтенія“ 1872 III 369; Зап. Г. О. по О. Э. 1867 I 697
4) Zeg. Pauli. Piesni 2
5) Зап. Г. О. по О. Э. 1869 II 100
6) Каравеловъ, Памят. I 288
7) Этногр. сб. I 188; 265; Пермск. сб. II 69, 85
8) Головац , „Чтенія“ 1872 II 255
9) Weber, Ind. Stud V 207
10) Wuttke, Volksabergl. 348
11) Каравеловъ Памят. I. 283; Zeg. Pauli, Piesni ludu polsk. Gwalic. 1; Kolberg, Lud V. 192; Костомаровъ, Оч. дом. жизни Великор. 175.

Digitized by Google

уроковъ и призоровъ [1],—избитое объясненіе, часто являющееся съ потерей древняго значенія обряда, въ другихъ мѣстахъ (Тверск. губ.)—желаніемъ надѣлить молодыхъ богатствомъ, чтобы они не ходили по голому полу [2]. Съ послѣднимъ значеніемъ застиланіе дома невѣсты соломой или сѣномъ существовало, вѣроятно, и въ древнѣйшее время; застиланіе это вышло такимъ образомъ изъ того же лингвистическаго источника, что и покрываніе полой руки во время рукобитья.

Въ древности застиланіе дома невѣсты сѣномъ могло имѣть мѣсто только въ зимнее время, въ замѣнъ травы на корню, на которой въ весеннее и лѣтнее время совершались бракосочетанія. Совершая во времена незапямятныя свадебныя молитвы на зеленомъ покровѣ весенней зелени, покровъ этотъ старались возстановить и въ зимнее время постилкой въ домѣ сѣна.

Домъ и его части въ свадебныхъ обрядахъ.

Подробности свадебнаго ритуала имѣютъ ближайшее отношеніе къ жилищу и его частямъ. Къ нѣкоторымъ частямъ дома относились съ большимъ уваженіемъ, по ихъ связи съ домовымъ духомъ и важности въ семейной жизни.

Передній уголъ, святой уголъ, кутъ, покуть, серб.-луж. ńewsćiński kuć—обычное мѣсто, гдѣ садятъ молодыхъ въ В. и М. Россіи-Болгаріи, Сербіи, у Поляковъ и Чеховъ. Бѣлорусская невѣста проситъ своихъ родныхъ благословить ее сѣсть «на Божжее мѣсто, подъ вышнимъ вокномъ, подъ Божжимъ крыломъ, гдѣ Богъ при, казавъ, гдѣ людъ разсказавъ» [3]. Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ есть указанія на обыкновеніе лить въ передній уголъ пиво [4], сохранившееся древнее жертвоприношеніе домовому духу, покровителю семьи.

Печь въ свадебныхъ обрядахъ играетъ весьма видную роль, свидѣтельствующую о томъ высокомъ почитаніи, которымъ она поль-

[1] Пермск. Сб. II. 99.
[2] Этногр. Сб. I. 188.
[3] Носовичъ, 143.
[4] Ibid. 163; Крачковскій, 54.

Digitized by Google

зовалась въ древности. «При простотѣ первобытныхъ нравовъ, говоритъ Пикте, очагъ составлялъ центръ дома, обычный пунктъ соединенія семейства. Въ слѣдствіе этого съ очагомъ были связаны нравственныя идеи, какъ съ символомъ домашней жизни и гостепріимства. Словомъ очагъ часто обозначается домъ и семья; санскр gâti—домъ и семья; изъ санскр. vastya—домъ образовалось греч. гестія—очагъ» (1). Очагъ получилъ священное значеніе, потому что огонь, разводимый на немъ, почитался божествомъ, охраняющимъ миръ и спокойствіе всѣхъ членовъ дома (2). Древніе Греки къ очагу относились съ благоговѣніемъ, какъ къ священному предмету (3). Въ нѣмецкихъ сказкахъ передъ печкою становятся на колѣни и молятся ей; преслѣдуемый врагами приноситъ ей жалобу и довѣряетъ свои тайны (4). «Сказав би, та піч в хаті», говорятъ Малоруссы, когда удерживаются отъ дурнаго слова.

Въ Германіи дѣвушки у печки просятъ себѣ жениха. Въ игрѣ въ фанты (Pfänderspiel) онѣ обращаются къ печкѣ съ просьбой:

Lieber Ofen! ich bete dich an
Gieb mir doch bald einen Mann.

Въ ночь на 25 января онѣ раздѣваются донага, садятся на помело и заглядываютъ въ устье печи, надѣясь увидѣть здѣсь суженаго (5). Въ В. и М. Россіи признаютъ вліяніе печки на благополучный исходъ сватовства. Въ Олонец. и Арханг. г.г., въ то время какъ большой сватъ или сваха отправляется за своимъ дѣломъ, сваха или родные жениха копаютъ лучиной уголья въ жараткѣ (небольшое углубленіе въ печкѣ съ лѣвой стороны), чтобы получить со стороны родныхъ невѣсты согласіе (6). Въ Болгаріи сватъ, являясь въ домъ невѣсты, выгребаетъ уголья (7). Въ Арханг. г. сваха прикладываетъ руки къ печкѣ въ домѣ невѣсты, въ какое бы ни было время года (8). Въ связи съ выгребаніемъ угольевъ и прикладываніемъ

[1] Pictet, Les orig. II 259.
[2] Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. Сл II. 23.
[3] Wachsmuth, Hell. Alterth II. 236.
[4] Grimm, Deutsche Myth. I. 595.
[5] Mülhause, Die Urrelig. 98, 133.
[6] Тр. Э. О. Общ. Люб. Естеств. V. отд. I. 114; „Биржев. Вѣд." 1872. № 297.
[7] Соловьевъ, Исторія Россіи II. 43.
[8] „Москвитян," 1853. XIII. 11.

Digitized by Google

рукъ къ печкѣ стоитъ весьма распространенный въ М. Россіи обычай дѣвушки колупать печь въ то время, когда заходитъ рѣчь о сватовствѣ [1]. Въ этомъ обыкновеніи сказалось желаніе дѣвушки невѣсты призвать къ благосклонному содѣйствію домоваго духа. Ослабленіемъ приведеннаго обычая колупать печь при сватовствѣ является обыкновеніе бѣлорусской невѣсты ковырять пальцемъ во время сватовства стѣну [2]. Въ Тульск. г. сватъ, входя въ домъ невѣсты, становится къ печкѣ на приступокъ [3]. Въ Ворон. г. свата (отца жениха) родители невѣсты послѣ сговора сажаютъ передъ печкой на загнеткѣ и потчиваютъ его водкой [4]. Въ Новгородсѣверск. у. Черниг. г. на печеглядинахъ въ домѣ жениха родные невѣсты ѣдятъ сало, покрошенное на заслонкѣ, которою закрываютъ печь [5]. Въ землѣ Донскихъ казаковъ сваты, выходя изъ дому невѣсты, прикасаются рукой къ печкѣ, чтобы закрѣпить за собой невѣсту. Въ Украинѣ дѣвушка, отказывая жениху, вынимала изъ—подъ печки и вручала сватамъ тыкву [6]. Въ Олон. г., когда сваты разъѣдутся послѣ рукобитья по домамъ, на средину невѣстиной избы выходитъ ворожея старуха и несетъ въ рукахъ головню съ огнемъ, нашептывая таинственныя слова; она дѣлаетъ горящей головней круги на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сидѣли сваты; это для того, чтобы «жених» не отказался» [7]. Въ М. и Б. Россіи, при сажаніи короваевъ въ печь, стучатъ лопатой въ своды печи [8]. Въ Украинѣ родители невѣсты, благословляя ее къ вѣнцу, садятся на скамейку около печки [9]. Въ Виленской г. молодая, сѣвши на возъ, передъ отправленіемъ въ домъ мужа, говоритъ:

Добрая доля да идзи за мной,
Зъ печы пламенемъ,
Зъ хаты каминомъ [10].

---

[1] Nowos. Lud ukr I. 177; Вѣст. Г. Общ. 1855 I. 143.
[2] Минск. Г. Вѣд. 1865. № 23.
[3] Тульск. Г. Вѣд. 1861. № 13.
[4] Этногр. Сб. I. 220.
[5] Черниг. Г. В. 1855. № 20.
[6] Nowosielski, Lud ukr, I. 177.
[7] „Бесѣда“ 1872 VI. 110.
[8] Носовичъ, 142; Крачковскій 42.
[9] Nowosielski, Lud ukr. I 179.
[10] Этногр, Сб. III. 267.

Digitized by Google

Въ польской пѣснѣ невѣста поетъ:

Choćbym ja rada z wami jechała,
Jeszcem piecowi nie dziękowała (1).

Въ Чердыни, проводивъ молодую съ мужемъ и поѣздомъ до воротъ, ея родители поспѣшно бѣгутъ въ сарай, набираютъ охапку дровъ и съ молитвой несутъ ихъ въ избу [2]. Обычай этотъ не чуждъ и М. Россіи, на что указываетъ свадебная пѣсня:

Загрібай, мати, жар, жар!
Буде тобі дочки жаль, жаль!.

Въ сѣверной Россіи крестьяне говорятъ, что дрова приносятъ для благоденствія молодыхъ. Н. И. Костомаровъ объясняетъ приведенную малорусскую пѣсню мыслію, что мать, затопивши печку, пожалѣетъ свою дочь, вспомнивъ о томъ, какъ она помогала матери въ трудахъ (3). Здѣсь двигателемъ является не заботливость о новобрачныхъ, не грусть матери по дочери, а суевѣрное, основанное на древнѣйшихъ воззрѣніяхъ на домашній очагъ опасеніе за собственное благополучіе. Обрядъ разсчитанъ на умилостивленіе домоваго духа, обитающаго въ печкѣ и воплощающагося въ огнѣ очага, чтобы онъ не ушелъ за молодой изъ печи пламенемъ, изъ хаты каминомъ и не покинулъ стараго жилища и его обитателей. Въ селѣ Баглачевѣ Влад. г. молодыхъ, по пріѣздѣ изъ церкви, кладутъ на печку съ разными пѣснями и прибаутками (4). Печь роднитъ и сближаетъ молодыхъ, мало того, она ихъ освящаетъ. «Кто сидѣлъ на печи», говоритъ пословица, «тотъ уже не чужой, а свой» (5). У Болгаръ родители жениха выражаютъ согласіе принять молодую тѣмъ, что зажигаютъ на очагѣ огонь и приглашаютъ ее сѣсть [6]. У Боснійскихъ Сербовъ молодая, вошедши въ домъ новобрачнаго, дотрогивается до головней, лежащихъ на очагѣ (7). Весьма рас-

1) Wojcicki, Hist. liter. polsk. I. 101.
2) Пермск. Сб. I. 87.
3) Костомаровъ, „Бесѣда“ 1872. IV. 67.
4) Извѣстія Геогр. Общ. 1879. V. 866.
5) Даль, Пословицы. 470.
6) „Нар. Россіи“. III. 243.
7) Гласник. 1870 XI, 211

Digitized by Google

пространено обыкновеніе обводить молодую вокругъ очага въ домѣ новобрачнаго. Обыкновеніе это существовало у древнихъ Ацтековъ (1) и существуетъ у Грузинъ [2]. У древнихъ Индусовъ, обводя невѣсту вокругъ очага, произносили: «Агни отдалъ назадъ жену съ долголѣтіемъ и блескомъ (здоровья). Долголѣтенъ да будетъ тотъ, кто ей мужъ; да живетъ онъ сто осеней. Сома первый обручился (съ тобой), Гандарва обручился вторымъ, третій мужъ твой Агни. Богатство и сыновей далъ Агни мнѣ и эту жену». У древнихъ Индусовъ невѣсту обводили вокругъ очага въ домѣ ея отца (3). У Римлянъ молодую обводили вокругъ очага въ домѣ новобрачнаго (4). Въ Вестфаліи и Восточной Пруссіи молодую обводятъ троекратно вокругъ огня, пылающаго на домашнемъ очагѣ [5]. У Сербовъ молодую также обводятъ въ домѣ новобрачнаго вокругъ очага, на которомъ разведенъ огонь, причемъ она кланяется огню со всѣхъ четырехъ сторонъ, заглядываетъ иногда въ устье печи и мѣшаетъ кочергой горящія головешки (6). Прикосновеніе къ печкѣ и обведеніе вокругъ очага ослабѣли со временемъ до простаго приближенія къ печкѣ; такъ, въ Чехіи молодая, вошедши въ домъ мужа, должна посидѣть короткое время на лавочкѣ у печки, чтобы привыкнуть къ своему новому жилищу (7).

Обведеніе вокругъ очага было тѣсно связано съ жертвоприношеніемъ огню или домовому духу; впослѣдствіи оно замѣнилось прикосновеніемъ къ огню, которому помимо религіознаго придано было юридическое значеніе. Молодая получала, такъ сказать, право гражданства въ новой семьѣ и дѣлалась хранительницей домашняго очага.

Сохранилось значительное число обрядовыхъ остатковъ древняго жертвоприношенія домашнему огню. Въ Украинѣ молодая, входя

---

1) Klemm, Allgem. Kulturg. V, 34
2) Нар. Россіи. IV. 394.
3) Weber. Ind. Stud. V. 318, 365.
4) Rossbach, Die röm. Ehe. 314.
5) Wuttke, Volksabergl. 351; Klemm, Die Frauen. II, 172.
6) Гласник. 1867. V. 135. Rajach. Das Leben d. Sudsl 146; Ilić, Nar. Slav. ob 66.
7) Časop. čes. Mus. 1859. I. 96.

Digitized by Google

впервые въ домъ мужа, бросаетъ пѣтуха или черную курицу подъ печку (1). Въ Галиціи она бросаетъ въ печь два небольшихъ хлѣба передъ тѣмъ, какъ садить въ нее коровай (2). Молодая, входя въ домъ мужа, бросаетъ въ печь въ Витеб. г. вязку баранковъ (3), въ Минск. г. поясъ, въ Гродн. г. кладетъ на припечкѣ булку коровая (4), въ Славоніи бросаетъ въ печь крейцеръ (5), въ Чехіи— волоса (6). В. Арханг. г. тысяцкій опорожненный горшокъ каши послѣ свадьбы бросаетъ на печь (7). Въ Волынск. г. свекоръ бросаетъ покрывало невѣсты на печь (8).

Отъ печки священное значеніе получили: а) *сажа.* Въ Арханг. г. на другой день послѣ свадьбы молодой мажутъ сажей лицо. Здѣсь же встрѣча съ трубочистомъ считается счастливой (9); б] *кочерга.* Въ Арханг. г. во время свадьбы, когда женихъ пріѣдетъ за невѣстой, въ избу входитъ изъ числа зрителей мужчина съ кочергой и говоритъ приговоръ, къ которомъ характеризуетъ костюмъ гостей и выговариваетъ себѣ угощеніе. Подъ постель молодыхъ кладутъ ухватъ и кочергу для «сберега отъ притчи» [10]. Въ концѣ прошлаго столѣтія встрѣчалось обыкновеніе, что свекровь встѣчала молодую, сидя на кочергѣ (11), обыкновеніе, бытующее доселѣ въ Ю. З краѣ. Въ М. и Б. Россіи, когда послѣ свадьбы молодыхъ одариваютъ, парень черкаетъ рогачемъ печку или потолокъ въ избѣ, такъ что «шпаруны» летятъ внизъ (12); в) *сковорода.* Въ Пенз. г. сваха идетъ въ домъ невѣсты съ сковородой въ рукахъ (13). Въ Твер. г. женихъ, отправляясь въ домъ невѣсты, цѣлуетъ икону, ставъ обѣими ногами на сковороду [14].

---

1) Nowosielski, Lud. ukr.I. 227; Тр. Э. С, Э. въ З. р, кр. IV. 434.
2) „Основа“ 1862. IV. 13.
3) Памят. книжка Витеб. губ. 1862 г. 88.
4) Крачковскій, 79, 80.
5) Ili, Nar. slav. ob. 66.
6) Wuttke, Volksabergl. 351.
7) „Москвитян.“ 1853. XIV. 102.
8) Труды Э. С. Э. въ З. р, кр. IV. 611.
9) Труды Э. О. Общ. Люб. Естеств. V. I. 82, 177.
10) Ibid- 80. 83.
11) Абевега 1786 г. 44.
12) Этногр. Сб. III. 18; Крачковскій. 75.
13) Пензенск. Г. Б, 1864. № 17.
14) Этногр. Сб. I. 255.

Digitized by Google

Стѣна и матица въ свадебныхъ обрядахъ играютъ незначительную роль. Въ Костр. г. и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ въ стѣну стучатъ бревномъ (1), вѣроятно, выродившееся обыкновеніе стучать плетью или палкой въ матицу, что встрѣчается во многихъ мѣстахъ Россіи, въ особенности въ Западномъ краѣ. Довольно распространено обыкновеніе, что сваты, по приходѣ въ домъ невѣсты, становятся подъ матицей, «потому что матица домъ связываетъ» (2). Это обыкновеніе встрѣчается въ Олонец., Енисейск., Сарат. гг. и у Лемковъ. Можно думать, что матица, помимо своего связующаго значенія, понятаго въ приложеніи къ нравственному міру человѣка, стояла въ связи съ домашнимъ духомъ или съ полунощницей. Въ великорусскомъ заклятьѣ: «Полунощница Анна Ивановна, по ночамъ не ходи, рабы Божьей NN не буди! Вотъ тебѣ работа: днемъ играй пестомъ да ступой, а ночью матицей» (3).

Порогъ, подобно печи, нѣкогда былъ предметомъ поклоненія и жертвоприношенія, въ силу того обстоятельства, что вблизи его предполагали помѣщеніе домашняго духа, покровителя семьи. Порогъ былъ рубежомъ древнѣйшаго рода,—обстоятельство долго такъ или иначе выражавшееся въ обрядахъ. Около порога сосредоточивалось значительное число обрядовъ, имѣвшихъ цѣлью освятить и укрѣпить брачный союзъ, придать ему важное и нерушимое значеніе въ междуродовыхъ отношеніяхъ. У южно-македонскихъ Болгаръ невѣста надъ порогомъ отцовскаго дома производитъ троекратный поклонъ, а въ домѣ жениха надъ порогомъ дверей разливаетъ немного вина [4]. Въ Чердыни, когда молодые возвращаются изъ бани, на порогѣ дома новобрачнаго ставятъ полный стаканъ пѣнной браги. Молодые становятся передъ стаканомъ на колѣни и молодой выпиваетъ половину браги, не дотрогиваясь руками; другую половину выпиваетъ молодая [5]. Въ М. Россіи въ XVIII ст. и въ настоящее время сваха молодаго и сваха молодой въ концѣ свадьбы,

---

1) Терещ., Б. Р. Н. II. 182.
2) Кривошапкинъ, Енис. округъ 54.
3) Л. Майковъ. Великор. заклин., „Зап. Г. О. по О. Этн.“ 1869. II. 450.
4) Верковичъ, Опис. быта Болг. 10, 27.
5) Пермск. Сб. I 97

Digitized by Google

имѣя въ рукахъ горящія свѣчи и подъ мышкой хлѣбъ, цѣлуются черезъ порогъ. Въ пѣснѣ, которую онѣ при этомъ поютъ, высказывается намѣреніе слѣпить вмѣстѣ двѣ свѣчки и соединить тѣмъ молодыхъ [1].

Уваженіе къ порогу встрѣчается также у другихъ индо-европейскихъ народовъ, у Римлянъ, Германцевъ [2]. Въ Россіи уваженіе это могло усилиться подъ татарскими вліяніями. Порогъ у Татаръ пользуется большимъ уваженіемъ. По свидѣтельству Плано-Карпини, Монголы XIII ст. всячески остерегались наступить ногою на порогъ. Татары и по сіе время считаютъ грѣхомъ сидѣть на порогѣ или толкать его ногою [3].

Обрядовое употребленіе на свадьбахъ стола.

Вокругъ стола обводятъ молодыхъ вмѣстѣ или въ отдѣльности въ В., М. и Б. Россіи, Угорской Руси, Галиціи, Буковинѣ и Чехіи (4). Обведеніе вокругъ стола бываетъ въ домѣ невѣсты или въ домѣ жениха, или тамъ и здѣсь поочередно; иногда за молодыми идетъ весь свадебный поѣздъ и музыканты; молодые обыкновенно держатся за концы хустки или полотенца; обводятъ до трехъ разъ. У Лаборскихъ Русскихъ молодые цѣлуютъ всѣ четыре утла стола (5). Въ Б. Россіи они кланяются лежащему на столѣ хлѣбу и цѣлуютъ его (6). Въ М. Россіи молодые обходятъ столъ, держа въ рукахъ свѣчи (7). ВъМ. Россіи и Олонец. г. невѣста, отправляясь къ вѣнцу, тянетъ за собой столъ до порога, чтобы подруги ея вышли замужъ [8].

Проф. Ѳ. И. Буслаевъ высказалъ мнѣніе, что столъ въ древности могъ имѣть значеніе жертвенника (9). Судя по нѣкоторымъ

---

1) Nowosielski, Lud ukr. I. 217—218.
2) Wuttke, Volksabergl. 348, 350.
3) „Зап. Археол. Общ.“ 1859. XIII. 257.
4) Nowosielski, Lud ukr. I. 213; Голов., „Чтенія“ 1872. IV. 402; „Основа“ 1862 IV. 21; Зап. Ю. З. О. Геогр, Общ. II. 491; Шейнъ, Б. п. 287, 288; Крачковскій 50, 81; Этн. Сб. I. 156; Гродн. Г. В. 1867. № 30; Casop. ces. Mus. 1859. I. 96. 99; Kulda, Swadba III.
5) Головацкій, „Чтенія“ 1872. IV. 432.
6) Крачковскій, 50; Гродн. Г. В. 1867. № 30.
7) Nowosielski Lud ukr. I. 213.
8) „Отеч. Зап.“ 1839. IX. См. 66.
9) Буслаевъ, Эпич. поэзія. 48.

Digitized by Google

свадебнымъ обрядамъ, столъ могъ означать нѣчто большее; онъ знаменуетъ небесное пространство, а движущіеся вокругъ него молодые—круговращательное движеніе небесныхъ свѣтилъ. Въ М. Р. столъ уставляютъ хлѣбами различной величины такимъ образомъ, что онъ напоминаетъ небесное пространство съ однимъ главнымъ и нѣсколькими второстепенными родственными ему свѣтилами. На чешской свадьбѣ невѣста танцуетъ иногда на столѣ (1), не смотря на общеславянское уваженіе къ столу. Въ данномъ случаѣ невѣста знаменуетъ собой солнце, которое, по народнымъ повѣрьямъ, въ весенніе дни, дни своего бракосочетанія съ землей, играетъ, т. е. танцуетъ на небѣ. (2).

Обрядовое употребленіе на свадьбахъ вѣника

въ настоящее время въ однихъ мѣстахъ служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ колдовства, въ другихъ знаменіемъ разногласія и ссоры. Въ Германіи и въ Тиролѣ молодые, отправляясь вѣнчаться переходятъ черезъ положенный на порогѣ вѣникъ [3]. Въ Костром. г. и въ Чехіи подъ ноги молодыхъ или одной невѣсты бросаютъ вѣникъ [4]. Въ Курск. г., сажая короваи въ печь, возлѣ нея кладутъ зажженный вѣникъ, и черезъ него перепрыгиваетъ сваха [5]. Въ Орловск. г. сватъ голикомъ прометаетъ дорогу отъ дверей до невѣсты и проводитъ по ней жениха (6). Въ Пенз. г., при согласіи родителей на бракъ дочери, прячутъ вѣникъ какъ можно далѣе, чтобы онъ не засорилъ дѣла (7). Въ современномъ свадебномъ употребленіи вѣника нѣтъ указаній на какое либо особое его значеніе въ древности.

---

1) Kulda, Swadba. 107.
2) „Христ. Чтеніе“ 1880. I. 107. Обхожденіе во время вѣнчанія вокругъ налоя съ свѣчами въ рукахъ остатокъ глубокой языческой старины, впослѣдствіи принятый и освященный христіанской церковью. Объ обхожденіи вокругъ налоя со свѣчами въ рукахъ во время вѣнчанія говоритъ Меѳодій Патарскій, жившій въ нач. IV в.
3) Mülhause, Sie Urrelig. 200; Zingerle, Sitte u. Br. d. Tirolenvolk. 21.
4) Нар. Россіи I. 16; Kulda, Swadba 60.
5) Этногр. Сб. V. 50.
6) Терещ., Б. Р, Н. П. 196.
7) Пензенск. Г. В. 1864. № 17.

Digitized by Google

Обрядовое употребленіе сора

встрѣчается только на свадьбахъ, и то очень рѣдко. Соръ, при всей своей ничтожности, въ древности вызывалъ на серьезную мысль и входилъ въ торжественный свадебный ритуалъ. У древнихъ Индусовъ молодая, при входѣ въ домъ мужа, становилась на кучу сора [1]. Въ западной Германіи молодую въ домѣ новобрачнаго обводятъ вокругъ кучи сора (2). Подобное обыкновеніе бытовало нѣкогда въ южной Россіи, на что указываетъ малорусская пословица «на смітнику женився» (3). Въ Лепельск. у Витеб. г., при выходѣ изъ клѣти молодыхъ, подъ ноги молодой бросаютъ соръ. (4). Древнѣйшее значеніе обрядоваго употребленія на свадьбахъ сора объясняется слѣдующимъ древне-индусскимъ свадебнымъ обрядомъ съ относящимся къ нему изреченіемъ: на кучу сора клали камень, на него полагали немного травы, и мужъ возводилъ новобрачную на камень, приговаривая: «для тебя, жена, держу я счастливый и цѣлебный твердый камень въ лонѣ божественной земли» (5). Такимъ образомъ, соръ на свадьбахъ есть символъ земли, и обрядовое его употребленіе имѣетъ цѣлью сдѣлать молодую такъ же богатой и чадородной, какъ земля.

Въ позднѣйшее время, въ силу звуковой близости словъ соръ и ссора, соръ сдѣлался символомъ семейныхъ неудовольствій и раздоровъ. Въ Орлов. г. до пріѣзда молодыхъ изъ церкви въ домѣ новобрачнаго тщательно выметаютъ, чтобы не было ссоры между молодыми (6).

Въ рѣдкихъ случаяхъ вметаніе сора въ домъ знаменуетъ пріѣздъ жениха или жениховъ; такъ, въ В. Россіи дѣвушка иногда вметаетъ соръ съ улицы въ избу и заметаетъ его въ передній уголъ, гдѣ его никто не увидитъ, приговаривая: «гоню въ избу свою молодцовъ, не воровъ, наѣзжайте ко мнѣ женихи съ чужихъ дворовъ» (7).

---

1) Weber, Ind. Stud. V. 371. Примѣч.
2) Wuttke, Volksabergl. 351; Kuhn, Westphäl. Sag. II. 37.
3) Номисъ, Укр. Прик. § 8819.
4) Шейнъ, Б. и. 337.
5) Weber, Ind. Stud. V. 395.
6) Терещ., Б. Р. Н. II. 204.
7) Л. Майковъ, Великор. заклинанія. "З. Г. О. по О. Этн." 1869. II. 441.

Digitized by Google

Одежда молодыхъ

занимаетъ не послѣднее мѣсто въ свадебномъ ритуалѣ. Если даже на самыя мелкія вещи домашняго хозяйства и ничтожные предметы ежедневнаго житья—бытья, какъ, напримѣръ, соръ, обращено вниманіе и дано имъ мѣсто въ сферѣ миѳическаго міросозерцанія, нѣтъ ничего выдающагося или исключительнаго, что и одежда молодыхъ должна была пріобрѣсть опредѣленное мѣсто въ народныхъ воззрѣніяхъ, и значеніе ея должно было разшириться не по внутреннему достоинству или важности предмета, а въ силу особаго склада проникавшихъ древнюю жизнь религіозно-нравственныхъ и юридическихъ воззрѣній.

Сорочка молодой цѣнится, какъ свидѣтельство ея цѣломудрія. Обыкновеніе молодой женщины угощать послѣ первой брачной ночи въ сорочкѣ гостей и отсылать ее родителямъ, перевязавъ красной ленточкой (1), равно какъ всѣ штуки, продѣлываемыя надъ сорочкой новобрачной носятъ на себѣ черты глубокой древности. У древнихъ Индусовъ сорочки молодыхъ послѣ первой брачной ночи отдавали жрецу для очищенія путемъ религіозныхъ изреченій (2). Обряды съ сорочкой большей частью относятся къ обрядамъ примѣтамъ: такъ, надѣваютъ на невѣсту двѣ сорочки, чтобы она жила богато (3). Въ Черногоріи дѣвушки одѣваютъ въ первый день масленой недѣли сорочку новобрачной, чтобы выйти поскорѣе замужъ (4) и т. д.

Сѣтка. Жениха или невѣсту въ Орл., Вилен,, Сарат. г.г,, обвертываютъ по голому тѣлу сѣтью, обыкновенно той, что рыбу ловятъ (5),—обыкновеніе, встрѣчающееся у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, напр.. Камчадаловъ (6). У Грузинъ сѣткой обвертываютъ кровать родильницы (7). Въ Россіи существуетъ два народныхъ объясненія обычая обвертывать жениха или невѣсту сѣткой:

1] „Библ. д. Чт.“ 1848. XC. 46; Крачковскій 81;
2] Weber Ind Stud. V 187, 190, 211.
3] Тульск. Г. В. 1861 № 12; Терещ. II 352
4] „Вѣстникъ Европы“ 1879 IX 160
5] „Отеч. Зап.“ 1839 IX См. 96; Волог. Г. В. 1865 № 13; Терещ. Б. Р. Н. II 202, 352 Шейнъ, Б. п. 336
6] Абевега 1736 г.
7] Нар. Россіи IV 391

Digitized by Google

по одному объясненію, это дѣлается, чтобы мужъ повиновался женѣ [1], по другому—отъ колдовства [2]. Послѣднее объясненіе вѣрное. Сѣть предохраняетъ отъ чародѣйства, по причинѣ обилія на ней узловъ. Колдунъ долженъ знать расположеніе и порядокъ завязки всѣхъ узелковъ, чего относительно сѣтки не можетъ знать. Аварскіе горцы вѣрятъ, что во время свадебнаго сговора злые люди, завязывая на ниткѣ столько узловъ, сколько заключается въ свадебной формулѣ словъ, обезсиливаютъ новобрачнаго [3]. Подобнаго рода вѣрованіе могло вызвать въ В. и Б. Россіи обыкновеніе надѣвать на жениха или, что чаще, на невѣсту рыболовную сѣть.

Поясъ. Въ Россіи крестьяне относятся къ поясу съ суевѣрнымъ уваженіемъ. Въ З. Россіи селяне считаютъ грѣхомъ обѣдать безъ пояса [4]. Въ Арх. г. съ крестомъ и поясомъ не ходятъ въ баню; они снимаются и оставляются въ домахъ; то же дѣлаютъ женщины передъ мытьемъ половъ [5]. У Болгаръ женихъ и невѣста держатся за одинъ и тотъ же поясъ. [6]. Въ Б. Россіи на невѣсту изъ-за стола выбрасываютъ поясъ [7]. Въ М. и Б. Россіи молодая всѣхъ присутствующихъ одариваетъ небольшими поясами краснаго цвѣта. У многихъ народовъ индо-европейскаго племени поясъ играетъ видную роль на свадобахъ и въ сказаніяхъ. Брунгильда побѣждена только съ освобожденіемъ отъ пояса [8]. У древнихъ Индусовъ поясъ невѣсты, послѣ того какъ жрецъ произнесъ надъ нимъ религіозныя изреченія, слуги отнимали другъ у друга, и у кого поясъ оставался, тотъ считался главнымъ между прислугой [9].

Значеніе свадебнаго пояса невѣсты разнообразно.

I. Сохранилось важное древне-индусское религіозное изреченіе надъ поясомъ невѣсты, которое раскрываетъ основное миѳическое

---

[1] Терещ., Б. Р. Н. II 202
[2] Ibid 352
[3] Сборн. свѣд. о кавк. горц. III отд. 25.
[4] Крачковск. 204
[5] Труды Э. О. Об, Люб. Естеств. V. 1. 105
[6] Чолаковъ, Бълг. н. сб. 19; Нар. Рос. III 244
[7] Вѣст. Геогр. Общ. 1853 VIII 47
[8] „Чтенія въ Историч. Общ. Нестора“ 1879 1. 292
[9] Weber, Ind. Stud. V 390

Digitized by Google

значеніе свадебнаго пояса. Опоясывая шею молодой поясомъ такъ, чтобы концы его свободно опускались по плечамъ на спину, жрецъ призывалъ на нее счастье и плодородіе, произнося слѣдующія слова: «Я связываю тебя съ молокомъ земли и травами, съ богатствомъ и потомствомъ; опоясанная будь сильна и счастлива» (1). Изреченіе довольно ясно намекаетъ на радугу, опоясывающую въ лѣтнее время землю, послѣ того какъ она приняла въ себя небесное молоко-дождь, зазеленѣла травами и сдѣлалась богата и сильна. У Литовцевъ радуга носитъ названіе небеснаго пояса и приписывается Лаумѣ, грозовому божеству, завѣдывавшему громовыми стрѣлами и покровительствовавшему новорожденнымъ младенцамъ.

II. Поясъ—предметъ посвященія и жертвоприношенія. У древнихъ Грековъ дѣвушка, при выходѣ замужъ, свой дѣвственный поясъ посвящала богамъ, т. е. отдавала въ тотъ или другой храмъ (2). У Катулла дѣвицы разрѣшаютъ поясъ для Гименея [3]. Въ Б. Россіи молодая бросаетъ поясъ на печь въ домѣ молодаго, кладетъ его на вѣникъ, на ведро, въ овчарнѣ, отдаетъ мельнику, остановившему воду во время движенія свадебнаго поѣзда (4).

III. Поясъ—предохранительное средство отъ колдовства. Съ цѣлью предохранить молодыхъ отъ чародѣйства, ихъ обвязываютъ поясомъ въ В. Россіи (5) и въ Болгаріи (6).

IV. Поясъ изрѣдка въ гаданіяхъ является символомъ жениха. Въ Буковинѣ вечеромъ наканунѣ св. Георгія (26 нояб.) дѣвушки трясутъ корыто, въ которомъ сложены пояса; дѣвушка, которой поясъ выпадетъ ранѣе, скорѣе выйдетъ замужъ [7].

V. Обрядовое развязываніе пояса имѣетъ цѣлью облегчить молодой женщинѣ предстоящіе ей со временемъ роды. Въ Норвегіи молодая, выходя изъ церкви послѣ вѣнчанія, развязываетъ поясъ, чтобы роды были легки (8). Въ М. Россіи, при трудныхъ родахъ,

---

1) Ibid 386
2) Schoeman. Griech. Alterth. II 190
3) Тихоновичъ. Бр. и св. обр. Римл. 43
4) Носовичъ, 164; Вѣстн. Г. О. 1853 VIII 59; 1857 XII 263
5) Пенз. Г. В. 1864 № 17; Тульск. Г. В. 1861 № 12, Этн. Сб. V 14
6) Верков.. 26, 36
7) Зап. Ю. З. О. Г. О. 1875 II 386
8) Liebrecht, Zur Volkskunde 321

Digitized by Google

растилаютъ красный поясъ, и родильница переступаетъ черезъ него (1).

Платокъ и полотенце въ славянскихъ свадебныхъ обрядахъ имѣютъ обширное примѣненіе. Г. Ящуржинскій говоритъ, что ручники на великор. свадьбахъ почти вышли изъ употребленія (2). Замѣчаніе это неосновательно, такъ какъ обрядовое употребленіе ручниковъ на свадьбахъ сохранилось въ В. Россіи въ большей степени, чѣмъ въ М. Россіи или въ какомъ бы то ни было другомъ славянскомъ краѣ. Въ Олонец. г. сватовъ, въ Псковск. г. дружка одариваютъ и обвязываютъ полотенцами. Завѣшиваніе платкомъ лица невѣсты, растиланіе холста передъ домомъ новобрачныхъ, обыкновеніе оставлять полотенце въ банѣ, обрядовое обтираніе губъ молодой встрѣчаются только въ В. Россіи (3). Есть значительное число свидѣтельствъ о древне-русскомъ обрядовомъ употребленіи ширинокъ. Въ былинѣ о Добринѣ жена его дарила сваху и свата ширинками (4). Въ княжескихъ и царскихъ свадьбахъ XVI и XVII ст., по свидѣтельству свадебныхъ записей и Гейденштейна, невѣста одаривала жениха и гостей ширинками, по свидѣтельству Коллинса, женихъ давалъ невѣстѣ платокъ (5).

Въ М. Россіи повсемѣстно невѣста одариваетъ жениха и его родственниковъ платками или полотенцами, коровай накрываютъ крестообразно ручниками (6). Въ одной малорусской пѣснѣ отецъ встрѣчаетъ возвратившуюся изъ церкви послѣ вѣнчанія свою дочь въ воротахъ и держитъ въ рукахъ полотенце въ сто локтей. На вопросъ отца будетъ ли у ней такое полотенце, невѣста отвѣчаетъ, что у ней будетъ втрое длиннѣе (7). Въ болгарской пѣснѣ работы дѣвушки носятъ названіе даровъ, такъ какъ онѣ назначаются обыкно-

---

1) Труды Э. С. Э, въ 3. р. кр. IV 4
2) Ящуржинскій, „Рус. Фил. Вѣст.“ 1880 I 76
3) Этногр. Сб. I 191; Терещ. II 145, 233: Зап. Г. О. по О. Эти. 1873 III 620; Тульск. Г. В. 1861 № 15: Вѣст. Г. О. 1853 VII 90; Нар. Рос. I 122; Снегуревъ, Рус. пр. празд. IV 150
4) Кирѣевскій, Пѣсни II 15—15
5) Сахаровъ, Сказ. Р. Н. Ш. Доп 43; Котоших. 125; Забѣлинъ, Домаш. бытъ рус. царицъ 220
6) Калиновскій, 3, 13; Терещ. II 526
7) Сб. нам. нар. творч. въ С.З. кр, LXXXV

Digitized by Google

венно въ подарки жениху и сватамъ. У Поленцовъ въ Дибрѣ невѣста даритъ жениху платокъ; женихъ завязываетъ имъ себѣ шею (1). Въ Сербіи женихъ, входя въ домъ невѣсты, спрашиваетъ «јеси л' девојко пешкир навезла?» (2). Къ лѣвому плечу поѣзжанъ прикрѣпляютъ пестрый платокъ (3). Въ черногорской пѣснѣ дѣвушка высказываетъ сожалѣніе:

Но је мене данас најжаліе,
Што я не мам свиленога дара,
Да даруем кичене сватове [4].

У Поляковъ дружки во время сговора или движенія свадебнаго поѣзда имѣютъ на себѣ отъ праваго плеча къ лѣвому полотенцы. У Кашубовъ и Чеховъ невѣста даритъ жениху, у Сербовъ Лужицкихъ дружку платокъ или полотенце [5].

Обрядовое употребленіе полотенецъ встрѣчается, помимо свадебъ, на крестинахъ, похоронахъ, по окончаніи жатвы. Въ лѣвобережной Малороссіи на могилѣ парня или дѣвушки прикрѣпляютъ къ кресту полотенце, какъ знакъ, что подъ крестомъ покоится человѣкъ неженатый (6). Полотенце бросаютъ на крышу избы, чтобы ленъ родился высокій (долгій) (7). Въ З. Россіи дѣйствительнымъ средствомъ противъ общественныхъ бѣдствій считаютъ «обыденныя кросна» или «обыденное полотно». Для прекращенія засухи крестьянки въ одинъ день начистятъ льну, напрядутъ его и соткутъ въ одинъ цѣлый кусокъ полотна извѣстной величины; въ случаѣ скотскаго падежа полотно это вѣшаютъ на крестѣ, который мужчины ставятъ по той дорогѣ, по которой болѣе всего ходитъ скотъ (8).

Г, Забѣлинъ говоритъ, что свадебный подарокъ платка означаетъ актъ избранія (9),—мнѣніе, несомнѣнно вѣрное въ значительномъ большинствѣ случаевъ обрядоваго употребленія платка. Есть одна-

1) Бесоновъ, Болг. п. II 2; Верков., 14. 31
2) В. Караджк., Срн. нар. п. I 21
3) Kanitz, Serbien 531
4) „Вѣстникъ Европы“ 1879 IX 172
5) Этн. Сб. V 57; Casop. es. Mus. 1859 I 93; Kulda, Swadba 21; Gaupt n. Smoler. Volksligd II 244
6) Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ.“ II 444
7) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. Сл на пр. I 34
8) Крачковскій, 97 198
9) Забѣлинъ. Домаш. бытъ рус. царицъ 220

Digitized by Google

ко много обрядовъ, неподдающихся этому объясненію. Г. Кавелинъ опоясываніе сватовъ поясомъ или ручникомъ считаетъ однимъ изъ предохранительныхъ средствъ противъ чаръ и порчи (1). Мнѣнію этому противорѣчатъ нѣкоторые народные разсказы и преданія, свидѣтельствующіе, что опоясываніе сватовъ слишкомъ недостаточная гарантія ихъ безопасности. Въ М. Россіи существовалъ разсказъ, что одинъ колдунъ обратилъ свадебный поѣздъ въ стадо волковъ. Когда охотники убивали злополучныхъ оборотней, то подъ волчьей шкурой они находили ручники,—знаки достоинства нѣкоторыхъ свадебныхъ чиновъ (2). Мы полагаемъ, что обрядовое употребленіе ручниковъ знаменуетъ, подобно обрядовому употребленію пояса, радугу, находившуюся въ ближайшемъ распоряженіи облачныхъ дѣвъ, превратившихся впослѣдствіи въ вѣдьмъ. Въ малорусскихъ сказкахъ прекрасные ручники вышиваетъ мужичка, потомъ царица, обладающая чудесными свойствами: «як плаче, жемчуг сиплетця, а як сміетця, так усякі квітки цвітуть». Въ малорусской сказкѣ объ Иванѣ Голикѣ говорится о волшебномъ ручникѣ, разсѣкающемъ пополамъ человѣка. Прилетѣла къ Ивану Голику недовольная на него княжна, дочь змѣя, «зараз виняла з під поли рушник з золотими кінцями, та як махне тим зміівским рушником, так ёго на двое и разрубила: ноги остались тут (въ хатѣ), а туловище з головою изнесло кришу в будинку и впало за сім верст од будинка» (3). По западно-русскому повѣрью, вѣдьмы уничтожаютъ молоко у коровъ посредствомъ полотенца, которое рано утромъ съ наговорами таскаютъ по росѣ. Какъ роса убываетъ изъ—подъ полотенца, такъ убываетъ у коровъ молоко (4).

Дополненія.

1) *Мальчикъ* составляетъ необходимую принадлежность индо-европейской свадьбы вообще и славянской въ частности. Въ древней

---

1) Кавелинъ, Сочин. IV 208
2) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Словарь малор. парѣч. 31
3) Кулишъ Зап. н Юж. Р. II. 14. 74.
4) Крачковскій, „Чтенія“ 1873. IV. 126

Digitized by Google

Греціи мальчикъ, имѣвшій въ живыхъ отца и мать, управлялъ лошадьми молодыхъ и бралъ для новобрачныхъ воду изъ священнаго источника (Rossb., Die röm. Ehe 225; Böttiger, Aldobr. Hochz 141; Schoem., Griech. Alt. II. 494). На римской свадьбѣ камиллъ (camillus proprie apellatur puer ingenuus) носилъ кумерумъ in quo, по объясненію Феста, erant nubentis utensilia. По мнѣнію Росбаха, utensilia—съѣстные предметы или зерновой хлѣбъ (317—319). Обыкновеніе подводить къ молодой мальчика, садить его къ ней на колѣни существовало у древнихъ Индусовъ (Weber, Ind. Stud, V. 208, 329) и встрѣчается у Болгаръ (Верков., 27; Народы Рос. III. 244), Сербовъ (Гласник., 1867, V. 135; Rajacsich 159, 146; Ilić, Nar. Slav. ob. 66), Кашубовъ (Aolberg, Lud XI 205), въ Угорской Руси (Головацкій. «Чтенія» 1872. III 390, IV 407), въ губ. Пенз., Нижег. и др. (Пенз. Г. В. 1864. № 19; Этногр. Сб. I. 46), въ Грузіи (Нар. Рос. IV. 394). Въ Чехіи мальчики бьютъ невѣсту шапками [Čas. ees. Mus. 1859. I. 97). У Лемковъ мальчикъ складываетъ первый пучекъ барвинка (Голов., Чт. 1872. III. 369), у Болгаръ присутствуетъ при печеніи коровая (Чолак., 14), у Малороссовъ расплетаетъ косу невѣсты (Голов., Чт. 1872. III. 372), у Болгаръ снимаетъ съ нея покрывало [Нар. Рос. III. 245], у юж. макед. Болгаръ идетъ впереди свадебнаго поѣзда съ знаменемъ (Верков., 32, 34). Въ древнее и въ настоящее время обязательное присутствіе мальчика на свадьбѣ, подведеніе его къ невѣстѣ и т. п. имѣло цѣлью расположить молодую женщину къ рожденію дѣтей мужескаго пола. Въ южно-сибирской свадебной пѣснѣ женихъ проситъ невѣсту «принести» ему сына (Библ. для Чт. 1848, XC. 29).

Присутствіе мальчика, иногда дѣвочки считается полезнымъ въ нѣкоторыхъ другихъ не свадебныхъ случаяхъ. Въ Чехіи считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ, если на новый годъ въ домъ первымъ войдетъ мальчикъ или дѣвочка. [Reinsberg—Düringsfeld, Fest—Kalender aus Böhmen 1864 г. с. 8]. Въ Котельничѣ, во время угощенія вдовъ курицами троецыплятницами, курей этихъ рѣжутъ мальчики не болѣе 8—9 лѣтъ [Этн. Сб. V. 69]. Въ Виленск. губ.

Digitized by Google

дѣтямъ въ память усопшихъ раздаютъ яичную кашицу, которую они ѣдятъ голыми руками (Крачк., Чт. 1873. IV. 160). Въ Могил. г. засѣвки производятъ мальчики лѣтъ 10—14 (іb. 94). Въ 1879 г. въ Новгор. Окр. Судѣ разсматривалось дѣло о 17 крестьянахъ, обвиняемыхъ въ сожженіи солдатки Игнатьевой, слывшей колдуньей. Предсѣдатель, обратясь къ одной крестьянкѣ свидѣтельницѣ, спросилъ, давала ли покойная дѣтямъ свидѣтельницы хлѣбъ. О. Давала. В, Что же ничего не сдѣлалось надъ ними? О. Надъ дѣтьми никогда ничего не можетъ сдѣлатся. В. Стало быть эта порча на дѣтей не дѣйствуетъ? О. Не знаю я, дѣйствуетъ или нѣтъ, но только надъ дѣтьми ему (бѣсу) ничего не сдѣлать. (Современныя Изв. 1879. № 291).

Такимъ образомъ, изъ свадебныхъ обрядовъ видно, что мальчикъ считался символомъ чадородія, а изъ засѣвочныхъ и нѣкот. др. обрядовъ, что онъ считался символомъ плодородія и чистоты.

2] *Обязательное молчаніе молодой.* Тэйлоръ указалъ на значительное число дикихъ народовъ, у которыхъ молодой замужней женщинѣ запрещается въ теченіи извѣстнаго времени говорить съ свекромъ и свекровью, называть мужа по имени, ѣсть или садиться въ его присутствіи. (Тэйлоръ, До-ист. бытъ человѣч. 185, 389—392). У Осетинъ молодая съ родственниками мужа говоритъ въ полголоса, что называатся «уайсадын». (Сб. св. о кавк. горц. IV. Отд. III. 12, 30). У Грузинъ молодая не говоритъ съ отцомъ, матерью и братьями мужа до рожденія перваго ребенка (Нар. Рос, IV. 395). Древній обычай обязательнаго молчанія молодой встрѣчается у Славянъ. У Болгаръ молодая въ продолженіи 6 недѣль говоритъ только посредствомъ мужа или его сестры. Послѣ 6 недѣль свекоръ и свекровь ведутъ ее на скотный дворъ, заставляютъ ее сказать себѣ нѣсколько словъ и дарятъ за терпѣніе что нибудь изъ скота. («Москвит.» 1845. VI. 175; Dozon, Болг. н. п. 172). Въ извѣстной болгарской пѣснѣ о бракѣ солнца невѣста не говоритъ съ свекровью, свекромъ и мужемъ. (Dozon, Болг. н п. 18—19). Въ Сербіи молодая женщина не называетъ мужа по имени, а только «онъ». (Гласник. 1867. V. 136).

Digitized by Google

Тэйлоръ затрудняется объяснить происхожденіе обычая обязательнаго молчанія молодой [Ц.. До—и. б. 392]. Можно думать, обычай этотъ возникъ подъ вліяніемъ тѣхъ воззрѣній на похищенную жену, какія существовали при древней наиболѣе грубой формѣ умыканія невѣсть. Быть можетъ, съ молчаніемъ молодой соединяли какую нибудь мысль о ея способности къ дѣтородію.

3) *Разбиваніе посуды.* Въ свадебной записи о бракосочетаніи в. кн. литовскаго Александра съ Еленой Ив. въ 1499 въ Вильнѣ говорится, что послѣ того, какъ священникъ далъ невѣстѣ напиться вина, стклянку растоптали. Въ свадебномъ росписаніи бракосочетанія Вас. Ив. съ Еленой Глинскій сказано: «и какъ еще в. кн. будетъ допивать вино, и онъ ударитъ стклянницу о землю и ногою потопчетъ самъ, и иному никому не топтать, опричь князя послѣ вѣнчанія, а собравъ кинуть въ рѣку, какъ прежде велось» [Сахар., Сказ. Р. Н. III. Доп. 29]. Обыкновеніе это въ настоящее время встрѣчается у Евреевъ (Тр. Э. С. Э. VII. отд. I. 36, 40; Этногр. Сб. V. 24, 26).

Обрядовое разбиваніе посуды на свадьбахъ встрѣчается въ Б., М. и Б. Россіи (Терещ. II 32, 182, 286; Тр. Э. О. О. Л. Ест. V, отд. I. 79; Отеч. Зап. 1839. IX. См. 66; Снегир., Р. пр. празд. IV. 150; Перм. Сб. I. 97; Ворон. Г. В. 1861. № 29). Кромѣ свадьбы, обрядовое разбиваніе посуды въ старинное время въ В. и М. Россіи соблюдалось при окончаніи школьнаго ученія [«Комета». 1851.—Въ Запискахъ Щепкина], наканунѣ праздника Р. Хр. (Терещ. VII. 64), во время крестиннаго обѣда въ Б. Россіи [Зап. Г. О. по О. Этн. 1873. V. 233].

Въ настоящее время посуду на свадьбахъ разбиваютъ или въ знакъ цѣломудрія невѣсты, или въ знакъ пожеланія молодымъ счастья (Ворон. Г. В. 1861. № 29). Въ древнее время разбиваніе сосудовъ совершалось по окончаніи жертвоприношенія; сосуды, послужившіе богамъ, не могли уже служить людямъ.

4) *Жертвоприношеніе лошади*, повидимому, было чуждо славянскимъ народамъ. По крайней мѣрѣ, въ свадебныхъ обрядахъ нѣтъ указаній на подобное жертвоприношеніе. Славяне, издавна земле-

Digitized by Google

дѣльцы, не видѣли въ лошади животнаго пріятнаго богамъ. Въ этомъ отношеніи Русскіе существенно отличаются отъ своихъ ближайшихъ монголо—тюркскихъ сосѣдей, у которыхъ (напр., у Башкиръ), во время свадьбы убиваютъ лошадь въ жертву богу [Абевега 38].

5) *Названіе жениха княземъ, а невѣсты княгиней* объясняютъ различно. Снегиревъ высказалъ предположеніе, что названія эти произошли отъ названія солнца княземъ, а мѣсяца княгиней (Рус. пр. празд. III 6). Аѳанасьевъ находитъ, что названія эти «прямо» указываютъ на супружеское сочетаніе, въ какомъ являлись поэтической фантазіи огонь и вода (Поэт. воззр. Сл. на пр. II. 180), По мнѣнію г. Костомарова, «сближеніе (жениха и невѣсты съ княземъ и княгиней) произошло отъ того, что одинаковый складъ древнихъ представленій отражался одинаковымъ образомъ какъ въ области семейной, такъ и общественной («Бесѣда» 1872. XII. 49). Проф. О. Миллеръ полагаетъ, что слово князь, въ обозначеніи молодаго супруга, находится въ ближайшемъ родствѣ съ санскр. корнемъ gan—рождать и означаетъ собственно глава рода; княгиня—насадительница семьи." («Опытъ ист. рус. слов.» 129).

6) Въ сочиненіе не вошли *свадебные обряды и повѣрья, имѣющіе характеръ примѣтъ;* ихъ безчисленное множество, и уловить между ними связь и единство дѣло врядъ ли возможное. Между свадебными повѣрьями и обрядами примѣтами выдаются слѣдующіе:

У Русскихъ, Мазуровъ и Нѣмцевъ опасаются вѣнчать двухъ сестеръ въ одинъ день или въ одинъ годъ [Wuttke Volksab. 346; Toeppen, Aberglaub. aus Masuren 87].

Въ Нижегор. г. сватъ или сваха, отправляясь въ домъ отца невѣсты, беретъ съ собою для успѣшнаго сватовства повойникъ съ бабьей головы (Отеч. Зап. 1833. XXVI. См. 18).

Молодые смотрятъ въ одно зеркало [Этн. Сб. I. 190]. Въ старину обыкновеніе это соблюдалось на княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ [Погод., Древ. рус. ист. II. 749; Буслаевъ, Эпич. поэз. 47]. Въ связи съ этимъ обыкновеніемъ стоитъ старинный великорус-

Digitized by Google

скій заговоръ, чтобы мужъ жену любилъ (Л. Майковъ. Великор. Заклин. «Зап. Г. О. по О. Э.» 1869. II. 445).

Молодые въ Россіи и въ Германіи обязаны на свадьбѣ ѣсть одной ложкой или изъ одной тарелки. [Wuttke Volksab. 347]. Подобное обыкновеніе существуетъ у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ (Лэбокъ, Нач. цив. 69—70).

Въ В. Россіи остерегаются бить кочергой головешки въ банной печи, когда невѣста моется въ банѣ, чтобы ее не билъ впослѣдствіи мужъ (Аѳанас., Поэт. возр. Сл. I. 35). Въ силу того же соображенія, у Кашубовъ «прженданки» не взбиваютъ перинъ молодыхъ (Этн. Сб. V. 59), а въ Германіи запрещаютъ хлопать громко бичемъ во время свадебнаго поѣзда (Wuttke, Volksab. 347).

Въ Витеб. г. женихъ на заручинахъ приходитъ къ невѣстѣ, покрытый по плечамъ сермягами, которыя тянутся по землѣ (Шейнъ, Б. п. 314). Въ Полт. г. на свадьбахъ водку черпаютъ изъ миски ложкой (Этн. Сб. I. 358). Обыкновенія эти стоятъ въ прямой связи съ общимъ вѣрованіемъ русскаго народа, что совершеніе свадьбы съ веселіемъ и торжествомъ, богато и пышно обѣщаетъ молодымъ счастливую жизнь.

Въ Россіи и Германіи молодые должны во время вѣнчанія близко стоять другъ къ другу, чтобы между ними не сталъ дьяволъ (Wuttke, Volksab. 350).

Въ Воронеж. г. и во многихъ другихъ мѣстахъ В., М. и Б. Россіи счастливые супруги обогрѣваютъ молодымъ постель (Этн. Сб. I. 224).

25 іюня 1880 г.

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
2	32	драгоценное	драгоцѣнное.
2	33	Каравайныя	Коровайныя.
5	9	немногочислены	немногочисленны.
6	36	[5])	[2])
7	16	([4])	([3])
9	14	([3])	([1])
10	17	родостный	радостный.
12	4	Бопо	Бо по
12	11	осчасливливающее	осчастливливающее.
12	16, 17	([2]), ([4])	([4]), ([5])
12	37, 38, 39	7), 5), 6)	5), 6), 7)
14	16	([16]), ([17])	([17]), ([18])
16	1	зажженую	зажженную
16	17, 18	([4]) ([3])	([3]), ([6])
17	13	Сарат. г.	(Сарат. г.)
17	16	ыступаетъ	выступаетъ
19	10	въ концѣ строки пропущена	точка съ запятой.
20	2	зъ	вь
24	21	([6])	([2])
26	1	кѣкъ	какъ
26	10	великорускихъ, малорускихъ	великорусскихъ, малорусскихъ
26	16	льпяное	льняное
26	26	косу,	косу
28	7	соеденія	соединенія
29	4	подчинялся	подчинялся
29	5	подчиненности	подчиненности
29	11	Великорусовъ и Бѣлорусовъ	Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ
31	31	пускатъ	пускать
32	33	сватаегъ	сватаетъ
33	7	Сербін	Сербіи.
33	12	друга	другъ
34	1	послѣ свадьбы,	послѣ свадьбы.
47	19. 20, 33	([1]), ([2]), [1])	([2]), ([3]), [2])
53	19	зіро чко вечіняя	зірочко вечірняя
53	21	пропущено ([3])	
53	25	зорею	зорою
56	22	поютъ,	поютъ
58	25	калядки	колядки
60	26	Хрнтова	Христова
61	16	праздннка	праздника
62	4	извѣствое	извѣстное
63	13	U	V
70	34	[3])	[4])
78	24	ябуке	ябука
79	28	[7])	[2])
81	34	Вел.	Бѣл.
84	23	Marysin	Marysiu
87	8	чудесное,	чудесное.
94	21	ходилн	ходили
95	20	лучь	лучъ
101	25—26	надо читать: не только очистительнымъ, но и.....	
103	1	сноднее	исподнее
103	7	обливаніемъ	обливаніемъ
104	7	молодыхъ	молодыхъ

Digitized by Google

II.

108	12	встречается	встрѣчается
113	1	евснянки	веснянки
114	14	первыхъ	первыхъ
114	23	ея	ёё
117	34	[15])	[10])
121	29	[8])	[3])
123	9	и молодымъ	„молодымъ
123	14	Казанскій	казанскій
124	19	лишнее слово „прямо“	
124	23—24	сос- тояніе	со- стояніе
124	30	алмонахъ	альманахъ
126	19	ставитъ	ставить
126	31	Nowosilieseki	Nowosielski
127	12	вокругъ	вокругъ
128	15	лишнее слово „садовыя“	
129	18	сала	соли
130	20	сподомъ	исподомъ
131	21	кнію	дню
142	15	степенн	степени
146	32	Русскихъ Поляковъ	Русскихъ, Поляковъ
150	10	уитрѣбленіе	употребленіе
152	2	лишнее [1])	
152	5	[2])	[1])
152	5	на головѣ	головныхъ
160	9	предолговатый	продолговатый

Такъ какъ въ Харьковѣ сербскихъ и болгарскихъ литеръ не оказалось, то сербскія ђ, ћ. џ, љ, њ замѣнены посредствомъ Д', Т', ДЖ, ЛЬ, НЬ, а болгарскій ѫ выраженъ черезъ а̄.

Digitized by Google

ПОПРАВКИ:

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
70	22	надѣвали flammum.	надѣвала flammeum.
92	24	Θемида.	Θетида.
135	5	дѣвушки.	замужнія женщины.

Обряды съ ярмомъ (см. стр. 107) возникли изъ купли-продажи невѣсты. Нѣкогда отецъ невѣсты получалъ отъ жениха плату скотомъ (у древ. Индусовъ такой бракъ назывался Арша). Когда продажа невѣсты вышла изъ обыкновенія, отецъ невѣсты получалъ отъ жениха одно ярмо, какъ остатокъ платы скотомъ.

Digitized by Google